ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

MCU JOURNAL OF HISTORICAL STUDIES

№ 1 (49)

Научный журнал / Scientific Journal

Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год

Published since 2008
Quarterly

Москва
2023

Редакционный совет:

Реморенко И. М.
председатель
доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Россия, Москва

Рябов В. В.
заместитель председателя
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва

Геворкян Е. Н.
заместитель председателя
доктор экономических наук, профессор, академик РАО, первый проректор МГПУ, Россия, Москва

Агранат Д. Л.
заместитель председателя
доктор социологических наук, доцент, проректор по учебной работе МГПУ, Россия, Москва

Редакционная коллегия:

Рябов В. В.
главный редактор
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва

Омельянчук И. В.
заместитель главного редактора
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва

Андреев И. Л.
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ, Россия, Москва

Брэдли Дж.
доктор философии по истории (PhD), заслуженный профессор Университета Талса, США, Вирджиния, Александрия

Васильев Д. В.
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва

Гагкуев Р. Г.
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Россия, Москва

Гайда Ф. А.
доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва

Иванов А. А.
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург

Жангуттин Б. О.
доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова КазНПУ им. Абая, Казахстан, Алматы

Кириллов В. В.
кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва

Козловская Г. Е.
доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала МГПУ, Россия, Самара

Копелев Д. Н. доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

Малышева О. Г. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва

Матвеев Г. Ф. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва

Михайловский Ф. А. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Россия, Москва

Николаев А. Б. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

Орлов С. В. кандидат исторических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва

Пазин Р. В. кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Россия, Москва

Рокки Э. К. магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто

Ртищева Г. А. кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории МГПУ, Россия, Москва

Сорокин А. А. кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания истории, обществознания и права МГПУ, Россия, Москва

Токарева Е. А. кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва

Черникова Т. В. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Россия, Москва

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9105

© ГАОУ ВО МГПУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

Чернов А. В. Причины революций и методы их предотвращения в представлениях И. А. Каподистрии 6

Исаков В. А. Отечественная историография о причинах возникновения российского радикализма XIX в. 17

Резанов А. Д. Политический сыск Российской империи, 1827–1917 гг.: к историографии проблемы 23

Иванов А. А., Арцуева А. С. «Железной рукой навести порядок»: русские правые и Персидская революция 1905–1911 гг. 38

Лобов М. Н. Взаимоотношения светской и церковной властей во Владимирской губернии после Февральской революции 55

Всеобщая история

Худавердян А. Ю. Антропологические источники в изучении качества жизни средневекового населения Армении (предварительное сообщение) 66

Алексеев К. А. Опыт междисциплинарного подхода к проблеме происхождения хеттского племени 93

Чисталев М. С. Nilumque a fonte bibisset: образы Нила в римской литературе и изобразительном искусстве эпохи Северов. 113

Виноградов А. Е. Топо- и этнонимы Ruzaramarcha и Ruzzi: что в них русского? 128

Рагимова А. Ф. Курдский фактор во внешней политике Турции (конец XX в. – 2020 г.) 139

Критика. Рецензии. Публицистика

Синин Е. Ю. Рецензия на: Юрий Жуков. Григорий Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции: монография. М.: Концептуал, 2021. 560 с. 152

Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Исторические науки», 2023, № 1 (49)» 165

Требования к оформлению статей 168

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

Chernov Alexander V. The causes of the revolutions and their prevention methods in the ideas of I. A. Kapodistrias 6

Isakov Vladimir A. Russian historiography on the causes of the emergence of Russian radicalism of the XIX century 17

Rezanov Andrey D. The political investigation of the Russian empire, 1827–1917: to the historiography of the problem 23

Ivanov Andrey A., Artsueva Anna S. "To bring order with an iron hand": Russian right-wingers and the Persian Revolution of 1905–1911. 38

Lobov Mihail N. Relationships of setilian and church authorities in the Vladimir province after the February revolution 55

General History

Khudaverdyan Anahit Yu. Anthropological sources used in the study of the quality of life of the medieval population of Armenia (pre-message) 66

Alekseev Konstantin A. Experience of an interdisciplinary approach to the problem of the origin of the Hittite tribe 93

Chistalev Mark S. Nilumque a fonte bibisset: images of the Nile in roman literature and fine art of the Severan period 113

Vinogradov Alexey E. Topo- and ethnonyms Ruzaramarcha and Ruzzi: what is Russian about them? 128

Ragimova Afat F. The Kurdish factor in the foreign policy of Turkey (end of the XX century – 2020) 139

Criticism. Reviews. Publicism

Sinin Evgeniy Yu. Review of the monograph: Yuri Zhukov. Grigori Zinoviev. The rejected leader of the world revolution. M.: Kontseptual, 2021. 560 p. 152

Authors of the MCU of Historical Studies, 2023, № 1 (49)

..... 165

Requirements for the Style of Articles 168

УДК 94(450).082
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.01

Чернов Александр Владимирович

кандидат исторических наук
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия
Российский государственный
геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе
Москва, Россия
chernov-alvl@rudn.ru; ORCID: 0000-0001-7276-8180

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИЙ И МЕТОДЫ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И. А. КАПОДИСТРИИ

Аннотация. В статье рассматривается восприятие революций, их причин и методов их предотвращения известным российским дипломатом и греческим государственным деятелем И. А. Каподистрией. Выявляются ключевые факторы, оказавшие влияние на формирование данных представлений. Проясняются взгляды Каподистрии на причины складывания революционных ситуаций, в первую очередь в постнаполеоновский период. Особое внимание уделяется представлениям дипломата о мерах по предотвращению революционных выступлений и месту его проекта «всеобщего союза» среди этих мер. Рассмотрены попытки реализовать этот проект на конгрессах великих держав в Аахене и в Троппау-Лайбахе, а также причины провала этой попытки. Анализируются представления Каподистрии об особом характере греческой революции 1821 г. Рассмотрены его взгляды на мифологему о всеобщем заговоре революционеров.

Ключевые слова: революции 1820-х гг., «всеобщий союз», конгресс в Аахене, конгресс в Троппау-Лайбахе, конституция, реформы, социальная революция, национально-освободительное движение.

© Чернов А. В., 2023

UDC 94(450).082
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.01

Chernov Alexander V.

Candidate of Historical Sciences
RUDN University
Moscow, Russia
Sergo Ordzhonikidze Russian State University
for Geological Prospecting
Moscow, Russia
chernov-alvl@rudn.ru; ORCID: 0000-0001-7276-8180

THE CAUSES OF THE REVOLUTIONS AND THEIR PREVENTION METHODS IN THE IDEAS OF I. A. KAPODISTRIAS

Abstract. The article focuses on the perception of the revolutions, their causes and prevention methods by the famous Russian diplomat and Greek statesman I. A. Kapodistria. The author reveals the key factors that influenced the formation of these ideas. The author also clarifies Kapodistria's views on the reasons for the development of revolutionary situations primarily in the post-Napoleonic period. Special attention is paid to the diplomat's ideas about the measures to prevent the revolutionary uprisings and the place of his "general union" project among these measures. The author identifies the attempts to implement this project at the congresses of the great powers in Aachen and Troppau-Laibach, as well as the reasons for the failure of this attempt. The author analyzes the ideas of I. A. Kapodistrias about the special nature of the Greek revolution of 1821 and considers the views of a diplomat on the mythologeme "about the general conspiracy of the revolutionaries".

Keywords: the revolutions of the 1820s, "general union", Aachen congress, Troppau-Laibach congress, the constitution, the reforms, the social revolution, the national liberation movement.

Введение. Будучи крупным государственным деятелем и дипломатом своей эпохи, И. А. Каподистрия много размышлял о революционных событиях. Он был последовательным противником любых революционных выступлений, как вызванных социальными причинами, так и национально-освободительных. Каподистрия, кажется, даже искренне осуждал своих соотечественников-греков, которые подняли революцию против Османской империи[1].

В своих размышлениях Каподистрия неоднократно касался вопросов, связанных с причинами революций и методами их предотвращения, не из праздного любопытства и не с теоретической точки зрения. Как один из руководителей Ионической республики, а потом первый правитель Греции, Каподистрия должен был удерживать власть в странах, в которых недавно бушевали

[1] См.: *Арш Г. Л.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. М., 1976. С. 216–219.

революционные страсти. Как дипломат на русской службе, он по поручению императора Александра I разрабатывал систему мер по предотвращению войн и революций в Европе.

Каподистрия был профессиональным политиком, а не ученым или публицистом, поэтому он не оставил работ, раскрывающих его политические взгляды. По этой причине ученые, исследующие систему взглядов Каподистрии, обращаются к изучению служебных документов, выходивших из-под его пера: аналитическим запискам и дипломатической переписке. Документы подобного рода составили основу источниковой базы данного исследования.

Ход и результаты исследования. Каподистрия непосредственно столкнулся с революционными событиями и необходимостью борьбы с ними уже в ранней молодости, когда по поручению своего отца отправился на Кефаллинию, чтобы восстановить порядок на острове, где бушевало народное восстание. Для достижения этой цели он намеревался с помощью русских войск, находившихся на островах, усмирить восставших крестьян, а после этого ввести на Кефаллинии твердые законы, которые должны были защитить права как низов, так и верхов общества[2]. В дальнейшем он будет придерживаться аналогичной политики, заключавшейся в том, что для сохранения мира в обществе необходима сильная власть, но также и социальный компромисс[3].

К вопросу о причинах революций и методах их предотвращения Каподистрия вернулся уже будучи одним из руководителей российского МИД. В аналитической записке об Испании он указывал, что последняя находится на грани революции. Среди причин такого положения дел он называет экономические проблемы, репрессии, развернутые Фердинандом VII, а также восстание в американских колониях страны. Но главную причину нарастающего недовольства Каподистрия видел в попытках испанского правительства вернуться к старой системе правления. Для умиротворения общества Каподистрия предлагал два пути: либо коренную реорганизацию власти, либо проведение обычных административных мер, которые должны были покончить со злоупотреблениями политической системы[4]. Первый подход он считал более эффективным, но рискованным, поскольку в сложившейся ситуации коренные реформы могли быть восприняты народом «как вынужденный акт, продиктованный страхом

---

[2] Подробнее см.: *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века. Политика России в Ионической республике, 1798–1807 гг. М., 1976. С. 106–111; *Woodhouse C. M.* Capodistria: the founder of Greek independence. London; New York, 1973. P. 16–22.

[3] О политических взглядах И. А. Каподистрии см.: *Сироткин В. Г.* Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 г. и отставка И. Каподистрии в 1822 г. // Проблемы международных отношений и освободительных движений / под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1975. С. 3–42; *Чернов А. В.* О политических взглядах И. А. Каподистрии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 2. С. 47–56.

[4] Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел (далее — ВПР). М., 1960–. Т. VIII. С. 556–557.

и отчаянием». Второй же подход, по мнению Каподистрии, не представлял никакой опасности[5]. Таким образом, для предотвращения революции дипломат предлагал проведение умеренных реформ, которые со временем будет необходимо подкрепить введением конституции и представительных форм правления.

Свои взгляды на причины революций и пути их предотвращения Каподистрия еще раз высказал при подготовке к Аахенскому конгрессу. В записке «О встрече в Аахене» он парадоксальным образом называет главной причиной любых революций стремление к завоеваниям. При этом дипломат указывает, что «монархи-завоеватели — это тоже революционеры, только облачившиеся в порфиру…»[6]. Среди других причин Каподистрия упоминает падение престижа правительств[7] и стремление последних «возрождать или поддерживать… самовластье»[8]. Он, как будет показано ниже, считал престиж очень важной характеристикой.

В записке Каподистрия предложил и меры противодействия революциям, почерпнутые им из проекта прусского государственного деятеля и ученого-правоведа Ансильона, отправленного Александру I в 1816 г.[9] Ансильон, а за ним и Каподистрия предлагали всем европейским державам гарантировать друг другу, во-первых, неприкосновенность границ и, во-вторых, сохранение у власти легитимных правительств. При этом любые «изменения, производимые снизу-вверх»[10], признавались бы незаконными, но за правительствами сохранялось право проводить реформы. В случае же, если бы какое-либо государство начало бы войну с завоевательными целями, то остальные страны должны выступить против него. Это, по мнению Каподистрии, сделало бы завоевательные войны бессмысленными, а значит, сняло бы главную причину революций. Кроме того, подписание этих актов должно было завершить формирование «всеобщего союза» европейских государств, который должен был следить за сохранением мира и спокойствия в Европе[11].

Российские дипломаты представили этот проект на конгрессе в Аахене[12], однако представители Англии и Австрии — лорд Каслри и князь Меттерних — выступили против, и проект не был принят[13].

---

[5] Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел (далее — ВПР). М., 1960–. Т. VIII. С. 557.

[6] Там же. Т. X. С. 430.

[7] Там же. С. 428.

[8] Там же. С. 432.

[9] См.: Там же. Т. IX. С. 695.

[10] Там же. Т. X. С. 426.

[11] О проекте «всеобщего союза» см.: *Чернов А. В.* Проекты «вечного мира» и «европейского союза» во внешней политике России в первой четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 4. С. 33–37.

[12] См.: Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — СИРИО). СПб., 1904. Т. 119. С. 832–844.

[13] О переговорах по этому вопросу см.: *Сироткин В. Г.* Русская дипломатия и Франция после падения империи Наполеона (10-е – 20-е гг. XIX века): дис. … д-ра ист. наук. М., 1976. С. 180–200;

Вновь к вопросу о причинах революций и методах их предотвращения Каподистрия обратился в самом начале 1820-х гг., когда в Европе началась новая волна революций. В записке императору Александру I от 30 марта 1820 г. он специально анализирует причины революционных выступлений, начиная с революций в Северной Америке и Франции. Основной причиной народных выступлений Каподистрия называет то, что правительства уронили свой престиж в глазах народов[14]. Способом предотвратить революции дипломат, соответственно, называет необходимость поднять авторитет правительств. Но повышение авторитета, по утверждению Каподистрии, требует времени, благоразумия и умеренности[15]. Под последними двумя пунктами дипломат, по всей видимости, подразумевает осторожную, умеренную политику как во внутренних, так и во внешних делах, а также проведение умеренно-либеральных реформ. Несколькими месяцами позже в письме премьер-министру Франции герцогу Ришелье Каподистрия выразил эту мысль более отчетливо: «Везде, где правительство поставило себя в изоляцию нелепым и произвольным правлением, мятежники победили, и они отражены всюду, где мудрые учреждения противопоставили их обольщениям необходимую силу законов, которую обеспечивают вместе с существованием сильной и необходимой власти, законные права и интересы народов»[16].

Еще одним способом предотвратить революцию в записке от 30 марта 1820 г. Каподистрия называет активизацию «всеобщего союза». По его мнению, одна только демонстрация единства легитимных правительств должна заставить революционеров отказаться от своих планов. Поэтому он настаивает на созыве конгресса великих держав, на котором были бы обсуждены меры в отношении испанской революции[17].

Первоначально план созыва такого совещания был отклонен союзниками России, но после начала революции в Неаполе, по настоянию России, было принято решение провести конгресс великих держав осенью 1820 г. в Троппау[18]. Каподистрия готовил к конгрессу новый проект противореволюционных мер, суть которого он изложил в письмах к своему постоянному сотруднику А. С. Стурдзе. В них он полемизирует с адресатом, который ранее предложил

Wirtschafter E. K. The congress of Aix-la-Chapelle (1818) and Russia's proposal for a treaty of guarantee // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2019. Vol. 12. № 1. P. 245–262.

14 ВПР. Т. XI. С. 341.

15 Там же. С. 342.

16 СИРИО. Т. 53. С. 548.

17 ВПР. Т. XI. С. 342–343.

18 О переговорах по поводу созыва конгресса в Троппау см.: *Чернов А. В.* Российская внешняя политика и конгрессы в Троппау и Лайбахе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 4. С. 62–65; *Анисимов О. В.* Конституционная революция в Неаполе 1820–1821 годов в освещении российской прессы // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 5. С. 363–383; *Wirtschafter E. K.* From victory to peace: Russian diplomacy after Napoleon. New York, 2021. P. 88–131.

ряд мер по прекращению испанской революции[19]. Так, Каподистрия высказался против изоляции стран, в которых произошла революция, и против отказа от вмешательства в их дела. «Недавний опыт показал, что дать революции выиграть время — значит сделать ее еще более страшной саму по себе»[20], — писал он. Но соглашается с тем, что силовые методы подавления революции могут быть применены лишь после исчерпания всех мирных методов. С другой стороны, Каподистрия настаивает на том, что действовать необходимо быстро. Еще одна важная мера, предложенная им, это публикация деклараций, содержащих информацию обо всех мерах союзных держав против революционных правительств. Такие публикации должны были продемонстрировать революционерам во всех странах бесперспективность любых мятежей, особенно если союзные державы согласуют на конгрессе универсальные меры по борьбе с революциями. В целом Каподистрия указывает на положительный опыт 1815 г., т. е. на опыт Реставрации во Франции, важным элементом которой было введение Конституционной хартии[21]. В соответствии с этим, по мнению Каподистрии, после того как неаполитанский король вернется к власти, он должен «даровать народам обеих Сицилий установления, способные обеспечить благоденствие внутри их страны»[22], т. е. провести умеренные реформы, которые обеспечат права широких слоев сицилийского общества. Эти идеи легли в основу программы российской делегации на конгрессе в Троппау, которую Каподистрия изложил в записке императору Александру I от 5/17 октября 1820 г.[23]

В дальнейшем ход переговоров на конгрессе заставил Каподистрию усовершенствовать свой проект. Сделать это российского дипломата побудили предложения, выдвинутые Меттернихом. Последний передал российским полномочным план, очень похожий на проекты Ансильона и самого Каподистрии. Австрийский канцлер предлагал заключить договор, который «гарантирует сохранение “законной суверенной власти, а также основных относящихся к ней институтов”»[24]. При этом в первой версии своего проекта Меттерних соглашался с тем, что законное правительство может проводить любые реформы в своей стране, однако во втором варианте, представленном на совещании 28 ноября 1820 г., его автор заявлял, что «революционные изменения, произведенные “сверху” законными властями… также могут служить основанием для иностранной интервенции»[25]. Кроме того, Меттерних выдвигал на первый план силовые методы борьбы с революциями.

---

[19] См.: ВПР. Т. XI. С. 784; подробнее о позиции А. С. Стурдзы см.: *Мартин А.* Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. СПб., 2021. С. 337–346.

[20] ВПР. Т. XI. С. 531.

[21] Ср.: СИРИО. Т. 3. С. 207–208; Там же. Т. 54. С. 552.

[22] ВПР. Т. XI. С. 531.

[23] Там же. С. 544–547.

[24] Там же. С. 789.

[25] Там же. С. 789–790; *Schroeder P. W.* Metternich’s diplomacy at its zenith, 1820–1823. Austin, 1962. P. 87–90.

Такой проект возмутил российскую делегацию, Каподистрия раскритиковал его в записке от 5/17 декабря 1820 г. и одновременно предложил свою обновленную программу действий, согласно которой участникам конгресса нужно было в дополнение к предварительному протоколу от 7/19 ноября 1820 г. принять итоговый протокол, в котором «союзные державы окончательно установили бы принципы… в отношении всех стран, имевших несчастие пережить революции». Этот протокол должен был определить те случаи, когда им следует собраться, и установить правило «сообщать друг другу на совещаниях… сведения об усовершенствованиях, вносимых каждым государством в свои внутренние установления»[26]. Таким образом, союз должен был поставить под контроль проведение реформ в государствах, входивших в него. Введение этого пункта могло быть продиктовано двумя соображениями. Во-первых, революционеры начала 1820-х гг. добились от монархов своих стран официального признания проведенных ими преобразований. Следовательно, формально эти реформы стали законными. Предлагаемый Каподистрией союз в аналогичных случаях мог на своих совещаниях осудить такие реформы и потребовать их отмены. С другой стороны, зная позицию Каподистрии, можно предположить, что союз, по его мысли, должен был добиваться проведения умеренно-либеральных реформ в странах, присоединившихся к нему. Стоит заметить, что эта его идея была частично реализована: Лайбахский конгресс предписал правительству Королевства обеих Сицилий провести умеренные реформы, а также запланировал встречу итальянских государей, на которой последние должны были одобрить данные преобразования[27]. Однако в целом проект Каподистрии так и остался на бумаге: великие державы не были заинтересованы в его реализации.

Греческая революция 1821 г. стала большим ударом для Каподистрии и повергла его в замешательство. Он многократно убеждал своих земляков об ошибочности революционного пути, но эти усилия остались тщетны. Первоначально Каподистрия, как уже было сказано, осудил восставших. Однако сочувствие к землякам и кровавые репрессии в отношении христианского населения, которыми турки ответили на восстание, заставили дипломата искать способ оправдать это выступление. Для этого он воспользовался моделью, предложенной А. С. Стурдзой. Последний заявлял, что восстание греков нельзя ставить в один ряд с европейскими революциями, поскольку греки являлись не подданными султана, а находились в Османской империи на положении рабов, а значит, их выступление не бунт против законного монарха, а борьба за «жизнь, собственность, честь и веру»[28]. Этот образ Каподистрия использовал в дальнейшем, пытаясь побудить Александра I оказать активную поддержку грекам[29].

---

[26] ВПР. Т. XI. С. 654.

[27] См.: Там же. Т. XI. С. 808–810; Эта встреча действительно состоялась в рамках Веронского конгресса, о ней см. подробнее: *Nichols I. C.* The European pentarchy and the Congress of Verona, 1822. The Hague, 1971. P. 191–218.

[28] ВПР. Т. XII. С. 96, 634.

[29] *Арш Г. Л.* Указ соч. С. 222–242.

Он утверждал, что турки «объявили войну» своим христианским подданным, и настаивал, что «греки не собираются ни основывать республики, ни вводить представительный образ правления», а также «не имеют ничего общего с… пагубными идеями и социальными институтами»[30].

Таким образом, Стурдза и Каподистрия видели в греческой революции особый тип восстания. Греки, с одной стороны, не были полноправными подданными султана, а следовательно, не обязаны были нести в полной мере и обязанности перед ним. С другой стороны, события в Греции, по мнению Каподистрии и Стурдзы, были не социальной революцией, как остальные восстания начала 1820-х гг., но актом национально-освободительной борьбы (или даже самозащиты), что не противоречит принципам «венской системы».

Недавно исследователи высказали мнение, что Каподистрия был сторонником мифологемы о всеобщем заговоре революционеров[31]. Проведенное нами исследование показывает, что данный вывод не вполне обоснован. Во-первых, в письме герцогу Ришелье, на которое ссылаются авторы данной гипотезы, Каподистрия говорит как о факте не о всеобщем заговоре революционеров в понимании Александра I и Меттерниха[32], т. е. о существовании в Париже некоего центрального распорядительного комитета, который руководит действиями революционеров по всему миру, а лишь о влиянии зарубежных революционных клубов на восстания в Испании и Неаполе. Взгляд же на Францию как на «активное и постоянное средоточие революций» дипломат приводит лишь как мнение некоторых наблюдателей[33]. Во-вторых, в других случаях, когда Каподистрия обращался к данной теме, он высказывался о всеобщем заговоре весьма скептически[34]. Наконец, понимание революции в качестве результата всеобщего заговора революционеров противоречит представлениям Каподистрии о том, что революционные выступления имеют объективный характер.

Заключение. И. А. Каподистрия считал основными причинами революций падение престижа правительств и попытки последних проводить политику в духе старого режима, а также отказ от проведения умеренно-либеральных реформ и репрессивные меры в отношении своих подданных. На основе этих представлений Каподистрия выработал систему мер по борьбе с революциями. По его мнению, все европейские государства должны были

---

30 ВПР. Т. XII. С. 329–330.

31 *Белоусов М. С., Абдуллаев Я. С.* Первые испанские революции и правящие круги Российской империи // Российская история. 2021. № 1. С. 52; *Belousov M. S., Abdullaev Y. S.* The myth about the pan-european conspiracy: from the liberal triennium to the Decembrist revolt // Historia Constitucional. 2021. № 22. P. 837–855.

32 См.: *Андреева Т. В.* Александр I и внутренняя безопасность Российской империи: правительство, тайные общества и дворянство // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1 (17). С. 79–81.

33 СИРИО. Т. 54. С. 547–550.

34 Там же. Т. 3. С. 250–251, 269; ВПР. Т. XII. С. 247–248; *Сироткин В. Г.* Русская дипломатия и Франция после падения империи Наполеона… С. 319.

заключить два гарантийных акта: о неприкосновенности границ и о сохранении власти у легитимных правительств. На основании этих договоров должен был возникнуть «всеобщий союз» европейских стран, который бы следил за выполнением этих актов и мог применить санкции против их нарушителей. При этом за легитимными правительствами сохранялось бы право проводить необходимые реформы. Позже Каподистрия модифицировал свой проект, добавив в него пункт о том, что европейские страны должны выносить проекты своих внутренних преобразований на обсуждение союза. Последний, видимо, получал при этом право корректировать данные проекты. Другой мерой для предотвращения революций Каподистрия неоднократно называет проведение умеренно-либеральных реформ, целью которых должен был стать компромисс между властью и обществом.

Взгляды Каподистрии на причины и меры предотвращения революций не были уникальными. Например, они были очень близки точке зрения Александра I. Исследователи даже обращали внимание на удивительное сходство высказываний императора и его статс-секретаря по этому поводу[35]. Александр I и Каподистрия пытались реализовать разработанные ими меры по предотвращению революций, однако натолкнулись на непонимание и сопротивление Англии, Австрии и некоторых других стран и были вынуждены отказаться от этой идеи.

Литература

1. Андреева Т. В. Александр I и внутренняя безопасность Российской империи: правительство, тайные общества и дворянство // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1 (17). С. 65–88. DOI: 10.51255/2311-603X-2018-00005

2. Анисимов О. В. Конституционная революция в Неаполе 1820–1821 годов в освещении российской прессы // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 5. С. 363–383. DOI: 10.24224/2227–1295-2022-11-5-363–383

3. Арш Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. М.: Наука, 1976. 328 с.

4. Белоусов М. С., Абдуллаев Я. С. Первые испанские революции и правящие круги Российской империи // Российская история. 2021. № 1. С. 46–57. DOI: 10.31857/S086956870013442-7

5. Захаров В. Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа. Ч. 2. М.: Прометей, 2022. 648 с.

6. Кудрявцева Е. П. Греческая революция 1821 г. и политика России в Восточном вопросе // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 1. С. 31–47. DOI: 10.24833/2071–8160-2021-1-76-31-47

7. Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. СПб.: Academic Studies Press, 2021. 447 с.

---

[35] *Захаров В. Ю.* Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX в.: опыт сравнительно-исторического анализа. Ч. 2. М., 2022. С. 224–225.

8. Сироткин В. Г. Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 г. и отставка И. Каподистрии в 1822 г. // Проблемы международных отношений и освободительных движений / под ред. А. Л. Нарочницкого. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1975. С. 3–42.

9. Сироткин В. Г. Русская дипломатия и Франция после падения империи Наполеона (10-е – 20-е гг. XIX века): дис. … д-ра ист. наук. М., 1976. 371 с.

10. Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX вв. Политика России в Ионической республике. 1798–1807. М.: Наука, 1976. 376 с.

11. Чернов А. В. О политических взглядах И. А. Каподистрии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 2. С. 47–56.

12. Чернов А. В. Проекты «вечного мира» и «европейского союза» во внешней политике России в первой четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 4. С. 33–37.

13. Чернов А. В. Российская внешняя политика и конгрессы в Троппау и Лайбахе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 4. С. 62–65.

14. Belousov M. S., Abdullaev Y. S. Mito de la conspiración paneuropea: desde el Trienio Liberal hasta el levantamiento decembrista // Historia Constitucional. 2021. № 22. P. 837–855. DOI: 10.17811/HC.V0I22.734

15. Nichols I. C. The European pentarchy and the Congress of Verona, 1822. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1971. 363 p.

16. Schroeder P. W. Metternich's diplomacy at its zenith, 1820–1823. Austin: University of Texas Press, 1962. 306 p.

17. Woodhouse C. M. Capodistria: The founder of Greek independence. London; New York: Oxford University Press, 1973. 544 p.

18. Wirtschafter E. K. The congress of Aix-la-Chapelle (1818) and Russia's proposal for a treaty of guarantee // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2019. № 12 (1). P. 245–262. DOI: 10.1163/22102388-01201010

19. Wirtschafter E. K. From victory to peace: Russian diplomacy after Napoleon. New York: Cornell University Press, 2021. 291 p.

References

1. Andreeva T. V. Aleksandr I i vnutrenniaia bezopasnost' Rossiiskoi imperii: pravitel'stvo, tainye obshchestva i dvorianstvo [Alexander I and internal security of the Russian Empire: government, secret societies and the nobility] // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2018. № 1 (17). P. 65–88. DOI: 10.51255/2311-603X-2018-00005. (In Russ.).

2. Anisimov O. V. Konstitutsionnaia revoliutsiia v Neapole 1820–1821 godov v osveshchenii rossiiskoi pressy [Constitutional revolution in Naples 1820–1821 in coverage of Russian press] // Nauchnyi dialog. 2022. Vol. 11. № 5. P. 363–383. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-363-383. (In Russ.).

3. Arsh G. L. I. Kapodistriia i grecheskoe natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie 1809–1822 gg. [Ioannis Kapodistrias and the Greek national liberation movement of 1809–1822]. Moscow: Nauka, 1976. 328 p. (In Russ.).

4. Belousov M. S., Abdullaev Ia. S. Pervye ispanskie revoliutsii i praviashchie krugi Rossiiskoi imperii [First Spanish revolutions and establishment of the Russian Empire] // Rossiiskaia istoriia. 2021. № 1. P. 46–57. DOI: 10.31857/S086956870013442-7. (In Russ.).

5. Zakharov V. Iu. Rossiiskii i zarubezhnyi konstitutsionalizm kontsa XVIII – 1-i chetverti XIX vv.: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza [The constitutionalism of Russia and foreign countries of the late XVIIIth – first quarter of the 19th centuries: the experience of the comparative historical analysis]. Ch. 2. Moscow: Prometei, 2022. 648 p. (In Russ.).

6. Kudriavtseva E. P. Grecheskaia revoliutsiia 1821 g. i politika Rossii v Vostochnom voprose [The Greek revolution of 1821 and Russian policy in the Eastern question] // MGIMO Review of International Relations. 2021. Vol. 14. № 1. P. 31–47. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-1-76-31-47. (In Russ.).

7. Martin A. Romantiki, reformatory, reaktsionery: Russkaia konservativnaia mysl' i politika v tsarstvovanie Aleksandra I [Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I]. St. Petersburg: Academic Studies Press, 2021. 447 p. (In Russ.).

8. Sirotkin V. G. Bor'ba v lagere konservativnogo russkogo dvorianstva po voprosam vneshnei politiki posle voiny 1812 g. i otstavka I. Kapodistrii v 1822 g. [The struggle in the camp of the conservative Russian nobility on foreign policy issues after the war of 1812 and the resignation of I. Kapodistria in 1822] // Problemy mezhdunarodnykh otnoshenii i osvoboditel'nykh dvizhenii / pod red. A. L. Narochnitskogo. Moscow: MGPI im. V. I. Lenina, 1975. P. 3–42. (In Russ.).

9. Sirotkin V. G. Russkaia diplomatiia i Frantsiia posle padeniia imperii Napoleona (10-e – 20-e gg. XIX veka) [The Russian diplomacy and France after the fall of Napoleon's empire (10–20s of the XIX century]: dis. … d-ra ist. nauk. Moscow, 1976. 371 p. (In Russ.).

10. Stanislavskaia A. M. Rossiia i Gretsiia v kontse XVIII – nachale XIX vv. Politika Rossii v Ionicheskoi respublike. 1798–1807 [Russia and Greece in the late XVIIIth – early XIXth centuries. The Russian policy in the Ionian Republic]. Moscow: Nauka, 1976. 376 p. (In Russ.).

11. Chernov A. V. O politicheskikh vzgliadakh I. A. Kapodistrii [John Capodistrias' political views] // RUDN Journal of Russian History. 2015. № 2. P. 47–56. (In Russ.).

12. Chernov A. V. Proekty «vechnogo mira» i «evropeiskogo soiuza» vo vneshnei politike Rossii v pervoi chetverti XIX v. [Projects of «eternal peace» and «European union» in foreign policy of Russia in first quarter of XIXth century] // RUDN Journal of Russian History. 2013. № 4. P. 31–39. (In Russ.).

13. Chernov A. V. Rossiiskaia vneshniaia politika i kongressy v Troppau i Laibakhe [Russian foreign policy and congresses of Troppau and Laibach] // RUDN Journal of Russian History. 2014. № 4. P. 61–71. (In Russ.).

14. Belousov M. S., Abdullaev Y. S. Mito de la conspiración paneuropea: desde el Trienio Liberal hasta el levantamiento decembrista // Historia Constitucional. 2021. № 22. P. 837–855. DOI: 10.17811/HC.V0I22.734

15. Nichols I. C. The European pentarchy and the Congress of Verona, 1822. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1971. 363 p.

16. Schroeder P. W. Metternich's diplomacy at its zenith, 1820–1823. Austin: University of Texas Press, 1962. 306 p.

17. Woodhouse C. M. Capodistria: The founder of Greek independence. London; New York: Oxford University Press, 1973. 544 p.

18. Wirtschafter E. K. The congress of Aix-la-Chapelle (1818) and Russia's proposal for a treaty of guarantee // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2019. № 12 (1). P. 245–262. DOI: 10.1163/22102388-01201010

19. Wirtschafter E. K. From victory to peace: Russian diplomacy after Napoleon. New York: Cornell University Press, 2021. 291 p.

УДК 94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.02

Исаков Владимир Алексеевич

доктор исторических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
Isakov-va@yandex.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РОССИЙСКОГО РАДИКАЛИЗМА XIX В.

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые позиции отечественной историографии революционного радикализма XIX в. Автор делает вывод о том, что лишь совокупность аргументированных подходов объективно отражает это явление и позволяет учитывать исторический фактор в современных процессах.

***Ключевые слова*:** историография, революционный радикализм, террор, заговорщичество, политическая борьба.

UDC 94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.02

Isakov Vladimir A.

Doctor of Historical Sciences, Professor
Moscow City University
Moscow, Russia
Isakov-va@yandex.ru

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON THE CAUSES OF THE EMERGENCE OF RUSSIAN RADICALISM OF THE XIX CENTURY

Abstract. The article examines the key positions of the Russian historiography of revolutionary radicalism of the XIX century. The author concludes that only a set of reasoned approaches objectively reflects this phenomenon and allows taking into account the historical factor in modern processes.

***Keywords*:** historiography, revolutionary radicalism, terror, conspiracies, political struggle.

Введение. В постсоветский период развития исторической науки появилась возможность разработки новых подходов к проблеме революционного радикализма. Воскресла охранительная тенденция, которая многообразие причин, повлекших появление радикализма, сводит

© Исаков В. А., 2023

лишь к особенностям российской интеллигенции, преследующей «неправильные» цели. По мнению С. В. Тютюкина, «нас хотят убедить в том, что любое радикальное движение, выходящее за рамки чисто эволюционные, всего лишь утопия. Но так ли это?»[1]. С ним соглашается и Н. А. Троицкий: «Любой исследователь должен знать, что нет абсолютного зла. Разве могла французская революция победить без якобинского террора?»[2]

Ход и результаты исследования. Большинство дореволюционных исследователей, в особенности принадлежащих к социалистическому и либеральному лагерям, признают, что основной причиной возникновения российского радикализма явилась репрессивная политика самодержавия. Так, либеральный народник В. Е. Чешихин-Ветринский считал, что «общественное движение стало все более загоняться в подполье, и там в 1866 году впервые вспыхивает зловещий огонь террора»[3]. Эти взгляд разделяли А. Тун и Л. Е. Гальперин (Л. Барриве)[4], социалист-революционер В. Цеховский[5]. Представитель конституционно-демократической партии А. Корнилов писал о «полном отсутствии свободы печати», «состоянии террора, в которое наше правительство ввергло все русское общество после 1866 года» и даже о «крайнем озлоблении молодежи, теснимой и оскорбляемой»[6].

Консервативная проправительственная историография не разделяла точку зрения оппозиционных авторов, видя причину перехода революционеров к террору в их социальной изолированности от народных масс. В частности, еще в 1880 г. А. Мальшинский писал, что, ведя свою пропаганду по всей России, «агитаторы убедились в невозможности имеющимися в их распоряжении средствами произвести хотя малейшее движение в массах и пришли к заключению, что не по воле народа государственная власть может быть потрясена в своем могуществе…»[7]. Русский эмигрант М. Карпович также указывал на пропасть между народными массами и революционерами и непонимание последними реалий русской жизни, следствием чего стало их неадекватное отношение

---

[1] *Тютюкин С. В.* От декабризма до посткоммунизма (заметки о книге «империя и либералы») // Отечественная история. 2002. № 6. С. 149–150.

[2] *Троицкий Н. А.* Дилетантизм профессионалов (письмо в редакцию журнала «Родина») // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1997. Вып. 16. С. 186.

[3] *Чешихин-Ветринский В. Е.* Общественное движение в царствование Александра II // Три века. Россия от смуты до нашего времени: исторический сборник: [в 6 т.] / под ред. В. В. Каллаша. Т. 6. М., 1913. С. 117–118.

[4] *Тун А.* История революционных движений в России: [пер. с нем]. [Харьков, 1924]. С. 104; *Гальперин Л. Е.* Общественное движение в царствование Александра Второго: ист. очерки Л. Барриве. М., 1911. С. 141.

[5] *Цеховский В. Ф.* Сергей Геннадиевич Нечаев. СПб., 1907. С. 643–654. (Историческая библиотека. Вып. 11).

[6] *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II (1855–1881): исторические очерки. М., 1909. С. 200.

[7] *Мальшинский А. П.* Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880. С. 278.

к правительственным реформам[8]. В аналитической записке «Нигилизм и нигилисты», адресованной высшим чинам французской полиции, неизвестный автор из России доказывал, что «русский нигилизм является продуктом заграничного происхождения. Политическая и социальная жизнь России в действительности не содержит ни одного из необходимых элементов для его образования и развития»[9].

Большинство современных исследователей русского радикализма, как отечественных, так и зарубежных, разделяют точку зрения дореволюционных авторов, принадлежавших к лагерю оппозиции. Так, А. В. Воронихин цитирует французского писателя Виктора Гюго, утверждавшего, что «деспотизм и нигилизм представляли собой две чудовищные стороны одного и того же явления», «разнузданную войну зла против зла, поединок темных сил»[10]. Заокеанский историк Б. Пэрс также утверждал, что «именно деспотизм вызвал революцию. Революция и деспотизм — близнецы»[11].

По мнению В. Я. Гросула, «трудно понять возникновение русского революционного терроризма» без учета «непрекращающегося самодержавного и чиновно-помещичьего произвола»[12]. С ним согласна и В. А. Твардовская, полагающая ошибкой не учитывать «воздействие на революционеров политики самодержавия. Речь идет не только о репрессиях. Власть, если так можно выразиться, по-своему моделирует своих революционных противников. В облике российских революционеров различимы черты самодержавной власти: они столь же жестоки и непримиримы, не сомневаются в своем праве решать за народ его судьбу»[13]. По ее мнению, русская монархия своей репрессивной политикой сумела убедить революционеров «в возможности только насильственного способа преобразований», так как сама противопоставляла «революционным и социалистическим идеям» тоже лишь насилие[14].

К. Н. Морозов считает, что «нельзя ограничивать спектр участников террористической вакханалии, творившейся в России, только революционными партиями». Появление террора в политической практике оппозиционных партий обусловлено целым рядом факторов, взаимовлияющих друг на друга и усиливающих друг друга. К. Н. Морозов разделяет точку зрения О. В. Будницкого, который «справедливо указывает на то, что нельзя из двух противостоящих друг другу лагерей — власти и революционеров — обвинять лишь одну

---

[8] *Karpovich M. M.* Imperial Russia. New York, 1932. P. 40–44.

[9] Archives nationales. Paris, F 7. 12520.

[10] *Воронихин А. В.* Вера Фигнер: путь в террор // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1997. Вып. 16. С. 85.

[11] *Pares B.* Russia: between reform and revolution. Fundamentals of Russian history and character. New York, 1962. P. 184.

[12] Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 5.

[13] Там же. С. 11.

[14] *Твардовская В. А.* Николай Морозов: от революционера-террориста к ученому-эволюционисту // Отечественная история. 2003. № 2. С. 51, 54.

сторону»[15]. Среди причин появления радикализма О. В. Будницкий выделяет «отсутствие видимых достижений в деревне» и репрессии со стороны правительства, не желавшего соблюдать нейтралитет в политическом процессе и буквально толкавшего революционеров «к переходу от анархизма к политической борьбе, от бунтарства, которое так и осталось теоретическим, к терроризму»[16].

Некоторые исследователи полагают, что основным побудительным мотивом перехода молодежи в лагерь радикалов являлся, как это ни странно, альтруизм и юношеский максимализм. По мнению Е. И. Щербаковой, при столкновении с жизнью терпели крушение надежды молодежи приносить пользу отечеству на мирном поприще[17].

Е. Л. Рудницкая, отмечая избыточную репрессивность правительственной политики, полагает все же, что «террор, как и отторжение морали, были изначально субстанцированы в русском революционном движении. Вспомним только ишутинцев, Нечаева, Ткачева. Каким бы монстром ни был Нечаев, он был лишь крайним выражением потенций, обусловленных утопизмом идеалов, логикой борьбы, русскими политическими реалиями, неадекватностью действий правительства, социальной изолированностью революционеров. Проблема “народ и революция” — капитальная проблема русской истории второй половины XIX в. А потому “бесы” — не плод сознания великого русского писателя, а одна из глубинных ипостасей российской революционности»[18]. Как видим, неадекватность действий правительства стоит не на первом месте среди причин появления радикализма и политического террора в России.

Заключение. Очевидно, что для поступательного движения России требуется объективная картина исторической реальности. Перечисленные подходы только в сумме дают относительно верный комплекс причин, вызвавших появление радикализма в Российской империи. Историографические подходы явно коррелируют с умонастроениями значительной части российского общества, и это обстоятельство также следует учитывать.

Среди наиболее ценных наблюдений исследователей, позволяющих приблизиться к сути явления, надо отметить утверждение о том, что власть своими чрезмерно жесткими действиями по отношению к оппозиции сама задала вектор ее дальнейшего развития в сторону радикализма и политического террора. Безусловно, среди причин появления крайних политических течений в России следует также назвать и тяжелое положение, и политическую неразвитость народных масс.

---

[15] *Морозов К. Н.* «Кровь по совести»: терроризм в России. Документы и биографии // Отечественная история. 1995. № 6. С. 195.

[16] *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. … д-ра ист. наук. М., 1998. С. 385.

[17] *Щербакова Е. И.* Отщепенцы (Социально-психологические истоки русского терроризма) // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 90.

[18] Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 7–8.

С проблематикой радикализма связана степень воздействия на русских радикалов западноевропейских революционных концепций. Справедливо мнение Б. М. Шахматова, утверждавшего, что «интерес к Бланки и бланкизму не может иссякнуть до тех пор, пока в мире существуют такие социальные и идеологические условия, при которых для решения назревших революционных задач могут быть предложены бланкистские политические программы»[19]. Эта мысль скорее дополняет, а не противоречит перечисленным выше причинам.

Разумеется, тема должна быть продолжена, так как только учет всей совокупности подтвержденных историографией выводов может дать объективную картину появления и эволюции радикального движения.

Литература

1. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. … д-ра ист. наук. М., 1998. 401 с.

2. Воронихин А. В. Вера Фигнер: путь в террор // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. Вып. 16. С. 75–85.

3. Морозов К. Н. «Кровь по совести»: терроризм в России. Документы и биографии // Отечественная история. 1995. № 6. С. 193–196.

4. Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 3–18.

5. Твардовская В. А. Николай Морозов: от революционера-террориста к ученому-эволюционисту // Отечественная история. 2003. № 2. С. 50–72.

6. Троицкий Н. А. Дилетантизм профессионалов (письмо в редакцию журнала «Родина») // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. Вып. 16. С. 184–189.

7. Тютюкин С. В. От декабризма до посткоммунизма (заметки о книге «Империя и либералы») // Отечественная история. 2002. № 6. С. 148–154.

8. Хорос В. Г. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М.: Наука, 1980. 286 с.

9. Шахматов Б. М. Л. О. Бланки и революционная Россия (отзывы, влияния, связи) // Французский ежегодник. 1981. М.: Наука, 1983. С. 56–69.

10. Щербакова Е. И. Отщепенцы (Социально-психологические истоки русского терроризма) // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 88–99.

11. Pares B. Russia: between reform and revolution — Fundamentals of Russian history and character. First edition thus. New York: Schocken Books, 1962.

References

1. Budnitskii O. V. Terrorizm v rossiiskom osvoboditel’nom dvizhenii: ideologiia, etika, psikhologiia (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (the second half of the XIX – beginning of the XX century]: dis. … d-ra ist. nauk. Moscow, 1998. 401 p. (In Russ.).

[19] *Шахматов Б. М.* Л. О. Бланки и революционная Россия (отзывы, влияния, связи) // Французский ежегодник. 1981. М., 1983. С. 57.

2. Voronikhin A. V. Vera Figner: put’ v terror [Vera Figner: the path to terror] // Osvoboditel’noe dvizhenie v Rossii: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. N. A. Troitskogo. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1997. Vyp. 16. P. 75–85. (In Russ.).

3. Morozov K. N. «Krov’ po sovesti»: terrorizm v Rossii. Dokumenty i biografii biografii [“Blood on conscience”: terrorism in Russia. Documents and biographies] // Otechestvennaia istoriia. 1995. № 6. P. 193–196. (In Russ.).

4. Osvoboditel’noe dvizhenie v Rossii: sovremennyi vzgliad ili priverzhennost’ traditsiiam? «Kruglyi stol» [Liberation movement in Russia: a modern look or a commitment to tradition? “Round table”] // Otechestvennaia istoriia. 1999. № 1. P. 3–18. (In Russ.).

5. Tvardovskaia V. A. Nikolai Morozov: ot revoliutsionera-terrorista k uchenomu-evoliutsionistu [Nikolai Morozov: from revolutionary terrorist to evolutionary scientist] // Otechestvennaia istoriia. 2003. № 2. P. 50–72. (In Russ.).

6. Troitskii N. A. Diletantizm professionalov (pis’mo v redaktsiiu zhurnala «Rodina») [Dilettantism of professionals (letter to the editorial board of the magazine “Rodina”)] // Osvoboditel’noe dvizhenie v Rossii: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. N. A. Troitskogo. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1997. Vyp. 16. P. 184–189. (In Russ.).

7. Tiutiukin S. V. Ot dekabrizma do postkommunizma (zametki o knige «Imperiia i liberaly») [From Decembrism to post-Communism (notes on the book “Empire and Liberals”)] // Otechestvennaia istoriia. 2002. № 6. P. 148–154. (In Russ.).

8. Khoros V. G. Ideinye techeniia narodnicheskogo tipa v razvivaiushchikhsia stranakh [Ideological currents of the populist type in developing countries]. Moscow: Nauka, 1980. 286 p. (In Russ.).

9. Shakhmatov B. M. L. O. Blanki i revoliutsionnaia Rossiia (otzyvy, vliianiia, sviazi) [L. O. Blanks and revolutionary Russia (reviews, influences, connections)] // Frantsuzskii ezhegodnik. 1981. Moscow: Nauka, 1983. P. 56–69. (In Russ.).

10. Shcherbakova E. I. Otshchepentsy (Sotsial’no-psikhologicheskie istoki russkogo terrorizma) [Renegades (Socio-psychological origins of Russian terrorism] // Svobodnaia mysl’. 1998. № 1. P. 88–99. (In Russ.).

11. Pares B. Russia: between reform and revolution — Fundamentals of Russian history and character. First edition thus. New York: Schocken Books, 1962.

УДК 94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.03

Резанов Андрей Дмитриевич

аспирант
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М. В. Ломоносова
Архангельск, Россия
andreydmrezanov@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1827–1917 гг.: К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Цель статьи — выявить особенности изучения и оценки политического сыска Российской империи в различные периоды развития отечественной историографии. Долгое время, по причинам как идеологического, так и практического характера, история системы политического сыска и ее ядра, жандармерии, не изучалась специально. Историографический обзор проблемы позволит выявить наименее изученные аспекты заявленной проблемы и обозначить перспективы ее исследования.

***Ключевые слова*:** Российская империя, политический сыск, жандармерия, охранка, революционное движение, историография.

UDC 94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.03

Rezanov Andrey D.

Postgraduate student
Northern (Arctic) Federal
University named after M. V. Lomonosov
Arkhangelsk, Russia
andreydmrezanov@yandex.ru

THE POLITICAL INVESTIGATION OF THE RUSSIAN EMPIRE 1827–1917: TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Abstract. The purpose of the article is to reveal the features of the study and evaluation of the political investigation of the Russian Empire in different periods of development of Russian historiography. For a long time, for reasons of both ideological and practical nature, the history of the system of political investigation and its core, the gendarmerie, was not studied specifically. A historiographical review of the problem will make it possible to identify the least studied aspects of the stated problem and outline the prospects for its research.

***Keywords*:** Russian Empire, political investigation, gendarmerie, security guard, revolutionary movement, historiography.

© Резанов А. Д., 2023

Введение. Политический сыск Российской империи являлся сложной системой, которая в значительной степени обеспечивала устойчивость монархического режима. Ее наиболее многопрофильным по видам деятельности элементом был Отдельный корпус жандармов, образованный в 1827 г. и прекративший существование после Февральской революции 1917 г. В общественном сознании населения Российской империи фигура жандарма была, безусловно, одиозной во многих аспектах. Тем парадоксальнее тот факт, что развитие отечественной историографии как политического сыска в целом, так и жандармерии в частности явно отстает от существующей весьма внушительной по объему источниковой базы.

На сегодняшний день единственным монографическим трудом по историографии политического сыска Российской империи является диссертация М. Н. Иванцова[1], который констатирует, что процесс преодоления догматизированных суждений о политическом сыске, свойственных советской историографии, еще не завершен. Кроме того, автор полагает, что слабо изученным остается региональный аспект проблемы: «Исследования региональных органов политического сыска еще не достигли степени завершенности, практически не рассмотрены вопросы их взаимодействия друг с другом и с центральными органами высшей полиции»[2]. В. В. Романов в своей статье, посвященной изучению истории деятельности политической полиции России в 1826–1860 гг., соглашается с мнением М. Н. Иванцова о недостаточной степени разработанности изучения деятельности политического сыска на региональном уровне: «Исследования местных подразделений Корпуса жандармов провинциальных губерний в основном осуществлялись эпизодически в контексте других проблем…»[3].

Обзор истории изучения политической полиции как на общегосударственном, так и на региональном уровне, представленный в данной статье, позволяет аккумулировать опыт изучения проблемы, что может стать полезным для будущих исследований.

Ход и результаты исследования. Историографию системы политического сыска Российской империи представляется уместным разделить на дореволюционный, советский и постсоветский (современный) периоды.

Дореволюционная историография политической полиции включает в себя в основном официальные издания, а также некоторые самостоятельные авторские исследования. Так, в 1913 г. вышел «Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России», где авторы дают краткий

---

[1] *Иванцов М. Н.* Отечественная историография политической полиции России XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

[2] Там же. С. 21.

[3] *Романов В. В.* Основные тенденции развития отечественных и зарубежных исторических и историко-правовых исследований во второй половине XIX – начале XXI вв. политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг. // Симбирский научный вестник. 2012. № 3 (9). С. 54.

обзор учреждения тайной полиции в контексте общей истории формирования российской системы правоохранительных органов. Отмечается, что «все… мероприятия в значительной мере упростили и облегчили деятельность общей полиции, подавленной массой дел и разнообразием и сложностью своих обязанностей»[4].

Примером специального исследования может служить изданная в 1909 г. книга М. К. Лемке[5]. Этот труд не ограничен раскрытием деятельности жандармерии времен Николая I. Он посвящен и социокультурным аспектам противостояния охранителей и либерального общества России. По мнению М. К. Лемке, в 1825–1855 гг. революционное начало было малозаметным и сосредоточивалось «исключительно в литературе, бывшей единственным орудием борьбы общества с деспотизмом власти»[6]. Собственно, борьба тайного надзора и цензурной политики с вольнодумством литераторов и публицистов — главный предмет изучения М. К. Лемке. В первых главах автор кратко описывает историю проекта и создания III Отделения, начало работы жандармерии, после чего, подобно летописцам, излагает по годам наиболее существенные события общественной жизни Николаевской эпохи. Это и цензура театральных программ, и аресты известных деятелей культуры, запрет журналов и газет. Особый интерес М. К. Лемке вызывала история газеты «Северная пчела», а также отношения А. С. Пушкина с государством.

Еще один пример исследовательской работы досоветского периода — статья оппозиционного автора В. Я. Богучарского (Яковлева), опубликованная в «Вестнике Европы» в марте 1917 г., незадолго до упразднения Отдельного корпуса жандармов. По сути, это публикация «Обзора о деятельности Третьего отделения за 50 лет», с которым автор ознакомился при «исключительного характера счастливой случайности»[7]. В. Я. Богучарский указывает на тот факт, что в отличие от ежегодных обзоров Третьего отделения, распространявшихся в пределах ведомства, данный документ, составленный в 1876 г., был предназначен исключительно для императора Александра II. Исследователь предваряет текст обзора собственной справкой о создании III Отделения и Корпуса жандармов, констатируя, что литература по их истории скудна. Это объясняется не столько отсутствием интереса у историков исследовать данный вопрос, сколько нежеланием самих органов политической полиции допускать их к документам, которые вплоть до событий 1905–1907 гг. нигде не публиковались.

Автор называет III Отделение трагикомическим учреждением, иронизируя над содержанием обзора, который, по его мнению, вовсе не отражает

---

[4] *Белецкий С. П., Руткевич П.* Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913. С. 16.

[5] *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: по подлинным делам Третьего Отделения Собств. Е. И. Величества канцелярии. СПб., 1909.

[6] Там же. С. XII.

[7] *Богучарский В.* Третье Отделение Собств. Е. И. В. канцелярии о себе самом (Неизданный документ) // Вестник Европы. 1917. Т. 52. № 3. С. 86.

всю полноту «истинного и многотомного отчета» деятельности политической полиции за пятьдесят лет. В. Я. Богучарский возлагает надежду на будущие поколения историков и при этом оценивает III Отделение и жандармерию с эмоциональной, достаточно конъюктурной позиции: «…историк… будет руководствоваться… не одними только делами, в архивах отделения хранящимися, ибо едва ли и сохранились там следы многих “дел” не в канцелярском смысле этого слова, а в значении общечеловеческом, окристаллизовавшем в себе людские страдания…»[8].

В дореволюционных очерках по истории правоохранительной системы, в отдельных исследованиях, а также в воспоминаниях жандармов и ссыльных история политического сыска отражается только в самых общих чертах, даются характеристики отдельным личностям, однако о глубоком научном анализе проблемы речи нет. Объективная причина чисто исторического свойства связана, как верно отмечал В. Я. Богучарский, с состоянием источниковой базы: множество документов до революций было засекречено. Причина свойства историографического выражается в том, что, с одной стороны, тематика была острой для современников и это затрудняло объективный подход; с другой — специальный интерес к истории тайной полиции был невысок.

После революционных событий 1917 г. степень интереса общества к проблеме политического сыска резко повышается, достигая степени ажиотажа. Во многом сами новые власти подогревали этот интерес с вполне определенной целью — предать огласке «злодеяния» прежнего режима. Поэтому вплоть до 1930-х гг. мы не видим в формирующейся советской историографии аналитических работ, несмотря на доступность архивных документов.

В 1930 г. была издана работа И. М. Троцкого «III Отделение при Николае I». В дальнейшем она была изъята из библиотек, так как автор был репрессирован. Очерки И. М. Троцкого посвящены не только становлению III Отделения и жандармерии, они также описывают будни жандармов. Автор отмечает, что подавляющее большинство дел, с которыми работали жандармы, были вызваны ничтожными поводами. Примечательно, что в методологическом плане книга не стеснена жесткими рамками формулировок марксизма, хотя и использует базовые понятия формационного подхода. В некоторой степени удивляет, что автор не сосредоточен на разоблачении, жесткой критике жандармерии и даже отмечает, что жандармы не были принципиальными противниками прогресса и реформ, а понимали их необходимость, правда по-своему. И. М. Троцкий подчеркивает, что «в борьбе с массовым движением жандармы выступали либо в качестве усмирителей, либо с мудрыми предложениями мер предосторожности. Центральной же их задачей была борьба с крамолой “образованных классов”, как тогда говорили»[9].

---

[8] *Богучарский В.* Указ соч. С. 122.

[9] *Троцкий И. М.* III Отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Л., 1990. С. 28.

В других работах 1930-х гг. проявлена уже идеологически выдержанная оценка системы политического сыска царской России. Работа П. А. Шуйского о Департаменте полиции[10] является первым опытом научного исследования истории данного учреждения. Автор раскрывает особенности устройства центрального органа ведения политического сыска. Статьи П. Е. Щеголева, несмотря на внушительный объем проанализированного материала, посвящены в основном только одной из сторон деятельности тайной полиции, а именно агентурной и «провокаторской». Автор полагает, что «главным занятием жандармского поручика или ротмистра при Охранном отделении или Жандармском управлении было приобретение секретных сотрудников и руководство ими»[11].

Таким образом, в 1930-е гг. очерчивается круг проблем, рассматривавшихся советскими историками: борьба жандармов с рабочим движением; слежка, внедрение и поиск агентов, а также «провокации», особо выделяемые в советской историографической традиции феномены. Если говорить об истории самих органов политического сыска, их структуре и комплектовании, то единственной работой подобного плана еще долгое время оставался труд П. А. Шуйского.

С ужесточением системы политического контроля в сталинском СССР восстанавливается секретный характер для многих документов и история российской жандармерии, охранки, III Отделения и Департамента полиции вновь становится труднодоступной для исследований. Однако следует отметить, что начиная с периода «оттепели» вплоть до 1970-х гг. мы почти не находим в советской историографии примеров специальных трудов о политическом сыске Российской империи. Это косвенно подтверждается историографическим анализом В. В. Романова: в совокупности рассматриваемых им научных работ, относящихся к периоду от второй половины 1930-х до конца 1960-х гг., нет самостоятельных исследований по истории политической полиции. Проблема затрагивалась чаще всего в работах, посвященных истории революционного движения, развитию общегосударственной системы органов управления, а также региональным сюжетам борьбы режима с революционерами[12]. И если этот пробел в контексте сталинской историографии нами уже объяснялся, то последующее отсутствие новых специальных трудов следует, вероятно, связать с общим снижением интереса к теме противостояния революционеров и охранителей. Возможно, на тот момент исследователи еще не полностью осознали потенциал открывающихся возможностей изучения темы, которая постепенно «размораживалась».

Только в 1970-е гг. мы видим начало систематического, фундаментального исследования вопросов формирования, устройства и развития системы

---

[10] *Шуйский П. А.* Департамент полиции. 1880 г. – начало XX в. Харьков, 1930.

[11] *Щеголев П. Е.* Охранники, агенты, палачи. М., 1990. С. 36.

[12] *Романов В. В.* Указ. соч. С. 56.

политического сыска Российской империи. Прежде всего, оно касалось общегосударственной истории. Например, характеристике жандармско-полицейских органов посвящен раздел в работе П. А. Зайончковского «Российское самодержавие в конце XIX столетия: Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов». Этот труд, предвосхитивший появление новой волны исследований тайной полиции, демонстрирует окончательный переход историографии от контекстуальных описаний политического сыска к комплексному анализу. Автор рассмотрел структуру и особенности кадрового состава, его численного изменения в Департаменте полиции и Корпусе жандармов, а также уделил внимание работе охранных отделений.

Исследователь подчеркивает, что «охранные отделения не подчинялись местным жандармским органам, действуя совершенно самостоятельно, и радиус их действия отнюдь не совпадал с каким бы то ни было административным делением государства. Так, например, Московское охранное отделение распространяло свою деятельность далеко за пределы Москвы и Московской губернии»[13]. Важно отметить, что П. А. Зайончковский рассматривает работу тайной полиции в рамках реакционной политики государства, но при этом не использует резких, обличительных, радикальных эпитетов по отношению к изучаемым учреждениям.

Весомый вклад в углубление исследований политического сыска Российской империи внесла Т. Г. Деревнина — ученица П. А. Зайончковского. Ее диссертация, по сравнению с предшествующими работами, гораздо более объективна в оценке системы органов государственной безопасности[14]. Т. Г. Деревнина подчеркивает, что III Отделение практически монополизировало контроль над внутренней политикой государства. Более идеологически жесткую позицию мы видим в лекции Р. С. Мулукаева, крупного специалиста по истории правоохранительной системы[15]. Исследователь считает Департамент полиции («постоянный аппарат политического сыска») и охранные отделения инструментом политической реакции и средоточием всяческих злоупотреблений.

Монография известного историка Н. А. Троицкого[16] интегрирует в единый исторический процесс деятельность обеих сторон политической борьбы — революционеров и реакционеров. В тексте этой работы популярными эпитетами для обозначения деятельности политической полиции являются «каратели», «расправа», «репрессии», «ночные вторжения». По мнению Н. А. Троицкого,

---

[13] *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 164.

[14] *Деревнина Т. Г.* III Отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826–1855): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1973.

[15] *Мулукаев Р. С.* Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер: лекция. М., 1976.

[16] *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866–1882 гг. М., 1978.

царизм использовал в борьбе против революционеров все возможные средства. Основное внимание в работе уделено процедурам «судебных расправ» над революционерами.

И. В. Оржеховский, один из первых историков, кто специализировался на изучении истории политической полиции, использовал уже устоявшийся подход советской историографии, направленный на изучение политического сыска в связке с революционным движением. Автор указывает, что III Отделение «являлось одним из важнейших звеньев карательного механизма царизма», «опиралось на военную силу жандармов и было призвано беспощадно уничтожать в зародыше “крамолу”… стремилось пресечь и подавить любое проявление общественно-политического и революционного движения»[17].

В период перестройки подходы к изучению вопросов, связанных с политическим сыском, не претерпели значительных перемен. Новой чертой стала возросшая степень полемичности, заостренности оценок. Например, в работе Н. Н. Ансимова политический сыск назван социальным злом. Его сила «в особом цинизме нравственного угнетения врагов царизма», а цель — «лишение человека высшего нравственного начала — самоуважения, а затем вселение в него страха»[18]. Собственно, очерком истории развития политического сыска является только первая глава монографии. Дальнейшие части посвящены уже организации большевистской подпольной борьбы, политической конспирации и методам противодействия провокаторской деятельности охранки, на чем сделан особый акцент. Автор противопоставляет высокоморальных революционеров жандармам и охранке с их пестованием доносительства. Н. Н. Ансимов указывает и основную проблему источниковой базы для исследований по истории политического сыска в России: после Февраля 1917 г. документация политической полиции массово уничтожалась.

На региональном уровне советская историография продолжает рассматривать борьбу политической полиции с оппонентами в контексте истории революционного движения, становления рабочего класса, организации политической ссылки. Последнее особенно характерно для регионов, в чьих губерниях институт ссылки был особенно развит[19]. В фокусе внимания региональных исследователей, как правило, оказывались наблюдательная и разыскная деятельность жандармерии, в то же время организационная структура и хозяйственная часть политической полиции оказывались вне поля зрения историков. Связано это не только с ограниченным доступом к документации сыскных органов, но также и с тем фактом, что в течение всего советского периода

---

[17] *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 4–6.

[18] *Ансимов Н. Н.* Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903–1917 гг.). Свердловск, 1989. С. 4–7.

[19] *Косухкин С. Я., Малиновский В. В.* Архангельская социал-демократическая ссылка конца XIX – начала XX вв. // Из истории политической ссылки на Европейский Север (XVIII – начало XX вв.). Вологда, 1978. С. 53–105.

структурно-организационный аспект деятельности политической полиции отходил на второй план в сравнении с историей борьбы с царизмом.

Ситуация в отечественной историографии радикально меняется уже в условиях постсоветского периода. Открытие многочисленных архивных данных, повышение уровня политизации населения обусловили новый виток интереса к проблематике деятельности политической полиции как в центре, так и на окраинах. Первые постсоветские исследования во многом были созданы на фоне общего восторженного увлечения историей Российской империи, ее государственных институтов. Сотрудники политической полиции стали представляться в качестве тех, кто мог бы справиться с большевиками, с неизбежным пересмотром их прежних оценок.

Например, не раз переиздаваемый труд Ф. М. Лурье[20] (первое издание 1992 г.) носит во многом популярный характер. История самих структур политической полиции в нем дана в кратком виде относительно очерков об отдельных известных деятелях тайного сыска и профессиональных агентах. Несмотря на полемическую составляющую, сама история складывания системы политического сыска, в частности образования Корпуса жандармов, описана ценностно-нейтрально, жандармерия представлена стойкой и жизнеспособной системой. Но все-таки главная цель работы Ф. М. Лурье — проанализировать феномен провокации в работе Департамента полиции — весьма близка к задачам, стоявшим перед советской историографией.

Работа С. А. Степанова и Ч. Рууда — еще одна постсоветская попытка комплексно исследовать историю политического сыска. Написанная в научно-популярном стиле, она уделяет много внимания традиционно вызывавшей интерес агентурно-провокаторской деятельности, а также роли политической полиции в разрешении еврейского вопроса. Авторы стремятся к сбалансированным оценкам, когда пишут, что, по мнению Николая I, «чиновники III Отделения и жандармские офицеры были доверенными лицами царя, при помощи которых он видел и слышал нужду и жалобы младших членов семейства. Однако тем из российских подданных, для которых постоянный надзор становился невыносимым, Третье отделение представлялось чудовищным символом военно-полицейского государства»[21]. Близкую к положительной оценку мы видим в диссертации И. В. Киреева[22], в которой подробно рассмотрено место Корпуса жандармов в структуре государственных и сыскных органов Российской империи, а также его функционал.

В новом тысячелетии первой фундаментальной работой по истории политического сыска стал сборник «Жандармы России» (составитель — В. С. Измозик), в котором главной задачей органов внутренней безопасности названо

---

[20] *Лурье Ф. М.* Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998.

[21] *Рууд Ч. А., Степанов С. А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 43.

[22] *Киреев И. В.* Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке: дис. … канд. ист. наук. М., 1994.

«обеспечение внутренней стабильности России»[23]. Примечательно, что авторский коллектив не просто составил исследование с опорой на ранее недоступные материалы, но и провел терминологическую работу: объяснены понятия «сыск», «розыск», «контроль».

Диссертация Ю. Ф. Овченко является еще одним примером преодоления советского подхода к изучению политического сыска. Автор приходит к выводу, что розыск «из функции политической полиции превратился в службу, которая вместе разведкой, контрразведкой и охраной служила делу обеспечения безопасности российского самодержавия»[24]. Нельзя не упомянуть труд З. И. Перегудовой[25], в центре внимания которой — особый отдел Департамента полиции и его деятельность: внешнее и внутреннее наблюдение, включая заграничное, перлюстрация, контроль за общественными организациями. Монография подробно раскрывает всю полноту проблематики и, что следует особо подчеркнуть, содержит главу о специфике местных органов политического сыска.

Современная отечественная историография представлена исследованиями не только общей истории формирования и развития системы политического сыска, но и других актуальных направлений исторической науки, в том числе истории повседневности. Например, особого внимания заслуживает книга «Повседневная жизнь российских жандармов» — первое исследование, построенное на методологии истории повседневности применительно к политической полиции. Работа является научно-популярной, что, однако, не умаляет ее ценности. В стремлении преодолеть традиционные клише, авторы отмечают, что «при изображении “царских сатрапов” историки зачастую не только замалчивали о них правду, но и занимались недобросовестной подтасовкой реальных фактов, безоговорочно принимая на веру измышления революционных демократов…»[26].

Другой пример расширения проблемного поля в современном изучении политического сыска — диссертация А. М. Лаврёновой[27]. Работа выявляет особенности не только служебной, но и внеслужебной деятельности жандармов: досуга, личной жизни, общественной активности. Отдельно анализируется комплекс причин, по которым у представителей просвещенных слоев населения Российской империи сложился отрицательный образ жандарма.

Взгляд на политический сыск со стороны общества исследован в монографии О. Ю. Абакумова. Автор констатирует, что внеполитическая деятельность жандармерии не просто не изучалась специально, но и попросту не интересовала

---

[23] Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб.; М., 2002. С. 3.

[24] *Овченко Ю. Ф.* Безопасность империи: (политический розыск — средство обеспечения безопасности российского самодержавия, 1880–1917 гг.). М., 2012. С. 59.

[25] *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2000.

[26] *Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Н.* Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007. С. 4.

[27] *Лаврёнова А. М.* Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018.

историков. Его цель — проанализировать не сыскную деятельность, а «участие “высшей” полиции в нравственном контроле частной и общественной жизни россиян, во внесудебном разрешении семейных и бытовых конфликтов, в формировании и поддержании норм общественной нравственности и порядка»[28]. Исследование впервые выносит на рассмотрение такие вопросы, как системный надзор жандармерии за театральным репертуаром, сексуальные девиации, норма и отклонение в поведении с точки зрения политической полиции, улаживание частных, семейных проблем граждан.

Особо следует отметить, что наибольший вклад в развитие отечественной историографии политического сыска в постсоветский период вносят диссертационные исследования. Доступ ко многим тысячам архивных дел, связанным с жандармерий и полицией, позволил исследователям значительно расширить наши представления о деятельности органов политического сыска Российской империи. Так, диссертация В. В. Хутарева-Гарнишевского[29] посвящена деятельности политической полиции в период Первой мировой войны, а именно поиску ответа на вопрос, могли ли Департамент полиции и Корпус жандармов блокировать революционную пропаганду в армии, купировать массовое недовольство и тем самым успешно противостоять революционному процессу?

В 2000–2010-х гг. в отечественной историографии политического сыска заметен явный интерес к региональному аспекту проблемы. История провинциального сыска отсчитывается исследователями либо с 1867 г. (утверждение нового Положения о корпусе жандармов, появление губернских жандармских управлений — ГЖУ), либо с 1880 г. (реорганизация системы под началом Департамента полиции). На основе документации ГЖУ можно выявить основные черты провинциального политического сыска, внеся тем самым важный вклад в развитие всей историографии проблемы.

Региональный уровень истории политической полиции исследован на примерах Новгородской[30], Тамбовской[31], Казанской[32], Саратовской[33], Томской[34],

---

[28] *Абакумов О. Ю.* Третье отделение на страже нравственности и благочиния: жандармы в борьбе со взятками и пороком, 1826–1866 гг. М., 2017. С. 10.

[29] *Хутарев-Гарнишевский В. В.* Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2011.

[30] *Алексеева М. А.* Новгородское губернское жандармское управление: 1867–1917 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Великий Новгород, 2007.

[31] *Белова А. В.* Тамбовское губернское жандармское управление: структура, деятельность, кадры: 1867–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2008.

[32] *Бойко С. И.* Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: Организационные основы и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе: автореф. дис. … канд. ист. наук. Чебоксары, 2013.

[33] *Гладышева Е. Е.* Политический сыск в России в начале XX в.: 1902 – февраль 1917 г. (на материалах Саратовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006.

[34] *Дорохов В. Г.* Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2005.

Тульской[35], Воронежской[36] и других губерний. Следует подчеркнуть, что наибольшее внимание исследованию проблемы уделено в регионах, являвшихся либо центрами революционного движения (Поволжье), либо местами политической ссылки (Сибирь, Север). В основном структура региональных исследований подчиняется общей логике: в диссертациях рассматривается история формирования и становления региональной жандармерии, первоначальный набор ее функций и организационно-правовой статус в имперской системе политического сыска. Затем анализируется расширение видов деятельности в условиях общественных перемен и нарастания революционных настроений. В этом же контексте в фокусе внимания историков оказывается и внутреннее устройство местных ГЖУ, в том числе кадровая политика и хозяйственная деятельность.

Заключение. Таким образом, в ходе развития отечественной историографии расширялось как проблемное поле темы политического сыска, так и география исследований. Общее количество научных и научно-популярных работ постоянно увеличивалось, за исключением периода 1930–1960-х гг., когда после активной постреволюционной проработки истории жандармерии наступил спад интереса и возможностей для изучения темы вне связи с революционным движением.

Уже в дореволюционный период некоторые работы (в частности, исследование М. К. Лемке[37]) выходили за рамки чисто государственной истории и касались также социальных аспектов взаимодействия III Отделения и Корпуса жандармов с обществом. При этом сами по себе исследования политического сыска были на тот момент, к сожалению, крайне малочисленными.

Советский этап характеризовался, с одной стороны, односторонними, идеологически ангажированными оценками деятельности органов политической полиции. Интерес к отбору материала для изучения был ограничен закрытостью данных и соображениями политической целесообразности рассмотрения того или иного аспекта темы. В частности, если говорить о внутренней структуре и принципах комплектования жандармерии, советскую историографию интересовала прежде всего численность подразделений. Политическая полиция не привлекала такого внимания, как ее противник — революционеры. С другой стороны, даже при ограниченном доступе к архивным материалам происходило осмысление и дальнейшее накопление данных, продолжали выходить тематические монографии и диссертации. Особо глубоко разрабатывалась проблематика полицейских провокаций, агентурной и филерской работы

---

[35] *Сенина Н. В.* Отдельный Корпус жандармов в конце XIX – начале XX вв.: организация, кадры, деятельность (по материалам Тульской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2007. 23 с.

[36] *Страхов Л. В.* Воронежское губернское жандармское управление: организация и деятельность (1867–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2017.

[37] *Лемке М. К.* Указ. соч.

жандармов и охранки. Это позволило создать фундамент для дальнейших исследований.

Современный этап развития историографии проблемы характеризуется преимущественным вниманием к региональной истории политического сыска, что связано с введением в научный оборот массива документов губернских жандармских управлений. В связи с этим исследования регионального аспекта истории политической полиции Российской империи нам представляются достаточно перспективными.

Литература

1. Абакумов О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния: жандармы в борьбе со взятками и пороком, 1826–1866 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 320 с.

2. Алексеева М. А. Новгородское губернское жандармское управление: 1867–1917 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Великий Новгород, 2007. 23 с.

3. Ансимов Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903–1917 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 152 с.

4. Белова А. В. Тамбовское губернское жандармское управление: структура, деятельность, кадры: 1867–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2008. 331 с.

5. Бойко С. И. Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: организационные основы и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе: автореф. дис. … канд. ист. наук. Чебоксары, 2013. 23 с.

6. Гладышева Е. Е. Политический сыск в России в начале XX века: 1902 год – февраль 1917 года (на материалах Саратовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. 22 с.

7. Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Н. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007. 851 с.

8. Деревнина Т. Г. III Отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826–1855 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1973. 22 с.

9. Дорохов В. Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2005. 195 с.

10. Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 640 с.

11. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.

12. Иванцов М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – нач. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 21 с.

13. Киреев И. В. Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке: дис. … канд. ист. наук. М., 1994. 227 с.

14. Косухкин С. Я., Малиновский В. В. Архангельская социал-демократическая ссылка конца XIX – начала XX вв. // Из истории политической ссылки на Европейский Север (XVIII – начало XX вв.): сб. статей. Вологда: Вологод. пед. ин-т, 1978. С. 53–105.

15. Лаврёнова А. М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 303 с.

16. Лурье Ф. М. Политический сыск в России, 1649–1917. М.: Центрполиграф, 2006. 399 с.

17. Мулукаев Р. С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер: лекция / АН МВД СССР. Кафедра истории органов внутр. дел. М.: АН МВД СССР, 1976. 31 с.

18. Овченко Ю. Ф. Безопасность империи: (политический розыск — средство обеспечения безопасности российского самодержавия, 1880–1917 гг.). М.: Техинформ, 2012. 370 с.

19. Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. 207 с.

20. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000. 430 с.

21. Романов В. В. Основные тенденции развития отечественных и зарубежных исторических и историко-правовых исследований во второй половине XIX – начале XXI вв. политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг. // Симбирский научный вестник. 2012. № 3 (9). С. 38–58.

22. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. 430 с.

23. Сенина Н. В. Отдельный Корпус жандармов в конце XIX – начале XX вв.: организация, кадры, деятельность (по материалам Тульской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2007. 23 с.

24. Страхов Л. В. Воронежское губернское жандармское управление: организация и деятельность (1867–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2017. 389 с.

25. Троицкий Н. А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866–1882 гг. М.: Мысль, 1978. 335 с.

26. Троцкий И. М. III Отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Л.: Лениздат, 1990. 317 с.

27. Хутарев-Гарнишевский В. В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2011. 28 с.

28. Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи. М.: Просвет, 1990. 332 с.

References

1. Abakumov O. Iu. Tret’e otdelenie na strazhe nravstvennosti i blagochiniia: zhandarmy v bor’be so vziatkami i porokom, 1826–1866 gg. [The Third Section is on guard of morality and deanery. Gendarmes in the fight against bribes and vice, 1826–1866]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. 320 p. (In Russ.).

2. Alekseeva M. A. Novgorodskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie: 1867–1917 gg. [Novgorod provincial Gendarmerie department; 1867–1917]: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Velikii Novgorod, 2007. 23 p. (In Russ.).

3. Ansimov N. N. Bor’ba bol’shevikov protiv politicheskoi tainoi politsii samoderzhaviia: 1903–1917 gg. [The struggle of the Bolsheviks against the political secret police of the autocracy: 1903–1917]. Sverdlovsk: Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta, 1989. 152 p. (In Russ.).

4. Belova A. V. Tambovskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie: struktura, deiatel’nost’, kadry: 1867–1917 gg. [Tambov provincial Gendarmerie department: structure, activity, personnel: 1867–1917]: dis. … kand. ist. nauk. Tambov, 2008. 331 p. (In Russ.).

5. Boiko S. I. Kazanskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie v 1880–1917 gg.: organizatsionnye osnovy i deiatel'nost' v polietnokonfessional'nom regione [Kazan provincial Gendarmerie Department in 1880–1917: organizational foundations and activities in a multi-ethnic and confessional region]: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Cheboksary, 2013. 23 p. (In Russ.).

6. Gladysheva E. E. Politicheskii sysk v Rossii v nachale XX veka: 1902 – fevral' 1917 goda (na materialakh Saratovskoi gubernii) [Political investigation in Russia at the beginning of the XX century: 1902 – February 1917 (based on the materials of the Saratov province)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2006. 22 p. (In Russ.).

7. Grigor'ev B. N., Kolokolov B. N. Povsednevnaia zhizn' rossiiskikh zhandarmov [Everydaily life of Russian gendarmes]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2007. 851 p. (In Russ.).

8. Derevnina T. G. III Otdelenie i ego mesto v sisteme gosudarstvennogo stroia absoliutnoi monarkhii v Rossii (1826–1855 gg.) [III Sectin and its place in the system of the state formation of the absolute monarchy in Russia]: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Moscow, 1973. 22 p. (In Russ.).

9. Dorokhov V. G. Politicheskii sysk v Tomskoi gubernii: 1881 – fevral' 1917 gg. [Political investigation in Tomsk Province: 1881 – February 1917]: dis. … kand. ist. nauk. Kemerovo, 2005. 195 p. (In Russ.).

10. Zhandarmy Rossii [Gendarmes of the Russia] / comp. by V. S. Izmozik. St. Petersburg: Neva; Moscow: OLMA-Press, 2002. 640 p. (In Russ.).

11. Zaionchkovskii P. A. Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiia: (Politicheskaia reaktsiia 80-kh – nachala 90-kh godov) [Russian autocracy at the end of the XIX century: (Political reaction of the 80s – early 90s)]. Moscow: Mysl', 1970. 444 p. (In Russ.).

12. Ivantsov M. N. Otechestvennaia istoriografiia politicheskoi politsii Rossii XIX – nach. XX v. [National historiography of the political police of Russia in XIX – beginning XX century]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2009. 21 p. (In Russ.).

13. Kireev I. V. Rol' instituta zhandarmerii v sokhranenii gosudarstvennogo stroia Rossii v XIX veke [The role of the Gendarmerie institute in preserving the state system of Russia in the XIX century]: dis. … kand. ist. nauk. Moscow, 1994. 227 p. (In Russ.).

14. Kosukhkin S. Ia., Malinovskii V. V. Arkhangel'skaia sotsial-demokraticheskaia ssylka kontsa XIX – nachala XX vv. [Arkhangelsk social-democratic exile of the end of XIX – beginning of XX century] // Iz istorii politicheskoi ssylki na Evropeiskii Sever (XVIII – nachalo XX vv.): sb. statei. Vologda: Vologod. ped. in-t, 1978. P. 53–105. (In Russ.).

15. Lavrenova A. M. Otdel'nyi korpus zhandarmov i rossiiskoe obshchestvo v 1880–1917 gg. [The Separate Corps of Gendarmes and the Russian society in 1880–1917]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2018. 303 p. (In Russ.).

16. Lur'e F. M. Politicheskii sysk v Rossii. 1649–1917 [The political investigation in Russia. 1649–1917]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2006. 399 p. (In Russ.).

17. Mulukaev R. S. Politicheskaia politsiia dorevoliutsionnoi Rossii, ee reaktsionnyi, antinarodnyi kharakter: lektsiia [The political police of pre-revolutionary Russia, its reactionary, anti-people character: lection] / AN MVD SSSR. Kafedra istorii organov vnutr. del. Moscow: AN MVD SSSR, 1976. 31 p. (In Russ.).

18. Ovchenko Iu. F. Bezopasnost' imperii: (politicheskii rozysk — sredstvo obespecheniia bezopasnosti rossiiskogo samoderzhaviia, 1880–1917 gg.) [The security of the Empire: (political search — a means of ensuring the security of the Russian autocracy, 1880–1917)]. Moscow: Tekhinform, 2012. 370 p. (In Russ.).

19. Orzhekhovskii I. V. Samoderzhavie protiv revoliutsionnoi Rossii (1826–1880 gg.) [Autocracy against the revolutionary Russia (1826–1880 gg.)]. Moscow: Mysl', 1982. 207 p. (In Russ.).

20. Peregudova Z. I. Politicheskii sysk Rossii (1880–1917) [Political investigation of Russia (1880–1917)]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 430 p. (In Russ.).

21. Romanov V. V. Osnovnye tendentsii razvitiia otechestvennykh i zarubezhnykh istoricheskikh i istoriko-pravovykh issledovanii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. politicheskoi politsii Rossiiskoi imperii v 1826–1860 gg. [The main trends in the development of national and foreign historical and historical-legal research in the second half of the XIX – early XXI centuries of the Political police of the Russian Empire in 1826–1860] // Simbirskii nauchnyi vestnik. 2012. № 3 (9). P. 38–58. (In Russ.).

22. Ruud Ch. A., Stepanov S. A. Fontanka, 16: Politicheskii sysk pri tsariakh [Fontanka, 16: Political investigation under the tsars]. Moscow: Mysl', 1993. 430 p. (In Russ.).

23. Senina N. V. Otdel'nyi Korpus zhandarmov v kontse XIX – nachale XX vv.: organizatsiia, kadry, deiatel'nost' (po materialam Tul'skoi gubernii) [A Separate Corps of Gendarmes in the late XIX – early XX centuries: organization, personnel, activity (based on the materials of the Tula province)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tula, 2007. 23 p. (In Russ.).

24. Strakhov L. V. Voronezhskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie: organizatsiia i deiatel'nost' (1867–1917 gg.) [Voronezh provincial Gendarmerie department: organization and activity (1867–1917)]: dis. … kand. ist. nauk. Voronezh, 2017. 389 p. (In Russ.).

25. Troitskii N. A. Bezumstvo khrabrykh: Russkie revoliutsionery i karatel'naia politika tsarizma, 1866–1882 gg. [The madness of the brave: Russian revolutionaries and the punitive policy of Tsarism, 1866–1882]. Moscow: Mysl', 1978. 335 p. (In Russ.).

26. Trotskii I. M. III Otdelenie pri Nikolae I; Zhizn' Shervuda-Vernogo [The Third Section under Nicholas I; The life of Shervud-Vernyi]. Leningrad: Lenizdat, 1990. 317 p. (In Russ.).

27. Khutarev-Garnishevskii V. V. Otdel'nyi korpus zhandarmov i Departament politsii MVD: organy politicheskogo syska nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny, 1913–1917 gg. [A Separate Corps of Gendarmes and the Police Department of the Ministry of Internal Affairs: agencies of political investigation on the eve and during the First World War, 1913–1917]: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Moscow, 2011. 28 p. (In Russ.).

28. Shchegolev P. E. Okhranniki, agenty, palachi [Guards, agents, punishers]. Moscow: Prosvet, 1990. 332 p. (In Russ.).

УДК 94(47).083
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.04

Иванов Андрей Александрович

доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

Арцуева Анна Саидовна

аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
st099004@student.spbu.ru; ORCID: 0000-0001-8393-2951

«ЖЕЛЕЗНОЙ РУКОЙ НАВЕСТИ ПОРЯДОК»: РУССКИЕ ПРАВЫЕ И ПЕРСИДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1911 гг.

Аннотация. Статья посвящена взглядам русских правых (черносотенцев и националистов) на внешнюю политику Российской империи, обусловленную событиями Конституционной революции в Иране 1905–1911 гг. Цель публикации — выявление и анализ взглядов русских консерваторов на персидский вопрос начала XX в., так как они до сих пор остаются недостаточно изученными. В статье уделено внимание всем основным этапам развития российской политики в Иране за указанный период: анализируется реакция правых на англо-русское соглашение 1907 г., на участие русских военных в монархическом перевороте Мохаммеда Али-шаха, а также на решение правительства о введении российских войск в Иран в 1909 г. и интервенцию 1911 г. Материалы периодической печати и публицистических работ консервативных деятелей позволяют выявить различия и сходства во взглядах русских националистов и крайне правых на участие России в событиях Персидской революции, оценить их отношение к действиям российского правительства. Несмотря на то что на начальном этапе развития персидского вопроса умеренно правые и националисты одобрительно относились к шагам, предпринимаемым русской дипломатией, политика России в Иране периода Конституционной революции в итоге привела к тому, что действия российского МИДа стали критиковаться представителями всех правых организаций Российской империи.

Ключевые слова: русские правые, монархисты, русские националисты, черносотенцы, Иранская революция 1905–1911 гг., Конституционная революция в Персии, внешняя политика.

© Иванов А. А., Арцуева А. С., 2023

UDC 94(47).083
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.04

Ivanov Andrey A.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Saint-Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

Artsueva Anna S.

Postgraduate student
Saint-Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
st099004@student.spbu.ru; ORCID: 0000-0001-8393-2951

"TO BRING ORDER WITH AN IRON HAND": RUSSIAN RIGHT-WINGERS AND THE PERSIAN REVOLUTION OF 1905–1911

Abstract. The article is devoted to the views of Russian right-wingers (black-hundredists and nationalists) on the foreign policy of the Russian Empire, conditioned upon the events of the Constitutional Revolution in Iran of 1905–1911. The purpose of the publication is to identify and analyze the views of Russian conservatives on the Persian question at the beginning of the XXth century, since they still remain under investigated. The article pays attention to all the main stages of development of Russian policy in Iran over the specified period. It analyzes the reaction of the rightists to the Anglo-Russian agreement of 1907, to the participation of the Russian military in the monarchical coup of Mohammad Ali Shah, as well as to the government's decision to send Russian troops to Iran in 1909 and the intervention of 1911. Differences and similarities in Russian nationalists' and extreme rightists' views on Russia's participation in the events of the Persian revolution are revealed on the basis of the periodical press and conservatives' publicistic works and the attitude to the actions of the Russian government is estimated. At the initial stage of development of the Persian question the moderate rightists and nationalists approved the steps taken by Russian diplomacy. Despite this fact the policy of Russia in Iran during the period of the Constitutional Revolution eventually led to the fact that the actions of the Russian Foreign Ministry began to be criticized by representatives of all right-wing organizations of the Russian Empire.

Keywords: Russian right-wingers, monarchists, Russian nationalists, black-hundredists, Iranian Revolution of 1905–1911, Persian Constitutional Revolution, foreign policy.

Введение. Одним из внешнеполитических вопросов, особо волновавших консервативно настроенную часть российского общества в начале XX в., был персидский вопрос: к этому времени Иран оказался в центре борьбы Российской и Британской империй за влияние на Среднем Востоке. Интерес политических кругов и общественности к происходящим в Иране событиям значительно усилился во время Персидской революции 1905–1911 гг., в ходе которой была принята конституция и создан иранский

парламент — меджлис. Революционные события провоцировали беспорядки на русско-иранской границе и серьезно мешали реализации экономических интересов России, а в 1909 г. привели к отречению пророссийски настроенного Мохаммеда Али-шаха от престола, что не могло не вызвать негативной реакции со стороны консервативных деятелей Российской империи. Кроме того, российский МИД, следуя англо-русским договоренностям, считал нежелательным вмешательство во внутренние дела Ирана. Министр иностранных дел А. П. Извольский полагал, что меры, принимаемые Россией для защиты своих учреждений и подданных, «должны быть принимаемы по предварительному уговору с Великобританским правительством, с которым необходимо поддерживать вполне дружеское и искреннее согласие»[1]. Многие представители черносотенных партий и союзов отнеслись к данному дипломатическому курсу с недоверием и разочарованием, видя в нем подтверждение отказа России от самостоятельной политики на Среднем Востоке, и дальнейшие действия российского МИДа в этом регионе, как правило, поддержки правых не встречали. Таким образом, персидский вопрос включал в себя как положение дел в самом Иране, семь лет находившемся в состоянии смуты, так и отношения между Россией и Великобританией в этом регионе, а также давление великих держав на внутреннюю иранскую политику и военное вмешательство. Все эти темы активно обсуждались русскими правыми в начале XX в.

Несмотря на то что отношение консерваторов к внешнеполитическим проблемам Российской империи активно исследуется современными авторами (геополитическим представлениям русских правых уделено внимание в монографиях А. В. Репникова[2] и И. В. Омельянчука[3], взгляды на отдельные внешнеполитические сюжеты рассмотрены в статьях В. Ю. Белянкиной[4], А. А. Иванова[5], А. В. Репникова[6], И. В. Омельянчука[7]), реакция правых

---

[1] Цит. по: *Берзина А. А.* Персия и англо-русские отношения конца XIX – начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (28). С. 23.

[2] *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 223–273.

[3] *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2007. С. 480–521.

[4] *Белянкина В. Ю.* Национальные интересы России на Среднем Востоке в конце XIX – начале XX века через призму внешнеполитических взглядов русских консерваторов // Всеобщая история. 2021. № 2. С. 22–30.

[5] *Иванов А. А.* Союз России с Францией и Великобританией в оценке русских правых начала XX века // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 3 (47). С. 27–43.

[6] *Репников А. В.* «Не будем мы защищать грудью Европу от Азии» (геополитические проекты русских консерваторов) // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции (Кострома, 26–27 марта 2009 г.). Кострома, 2009. С. 275–290.

[7] *Омельянчук И. В.* Внешнеполитические проблемы в идеологии черносотенных партий в Российской империи // Сборник материалов научных конференций: «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж, 2005. С. 113–122.

на персидские события до сих пор остается малоизученной. Исключение составляет лишь новейшая монография А. А. Иванова, посвященная консервативным партиям Российской империи, но и в ней персидский вопрос затрагивается лишь в контексте общего анализа геополитических взглядов русских правых[8]. В связи с этим цель данной публикации заключается в более детальном рассмотрении отношения русского консервативного лагеря к персидскому вопросу. Для достижения поставленной цели были проанализированы периодические издания правых партий и союзов (от черносотенцев до русских националистов), а также публицистические работы консервативных деятелей и некоторые делопроизводственные документы. Основное содержание статьи разделено на три части, соответствующие определенным периодам развития персидского вопроса, в которые особенно ярко проявилось отношение русских консерваторов к данной внешнеполитической проблеме — от принятия Российской империей политики невмешательства до военной интервенции в Иран 1911 г.

Англо-русское соглашение. Начало Конституционной революции в Иране прошло практически незамеченным правой периодической печатью: авторы консервативно настроенных газет и журналов были заняты в этот период революционными событиями в собственной стране. Но в 1907 г., когда завершилась революция в России и были достигнуты договоренности с Англией о разграничении сфер влияния в Средней Азии, внимание консервативной прессы постепенно переключилось на внешнеполитическую обстановку. Уже в начале 1907 г. некоторые правые периодические издания, комментируя появление большого числа статей в британских газетах об изменении отношений двух держав и о желании Англии доказать России свою дружбу, проявили скептицизм и открытое недоверие: «Британский лев в делах внешней политики, особенно в отношении к России, не прочь бывает облечься в лисью шкуру и умильно повилять хвостом. Но нам такие “дипломатические” ухватки у англичан не впервые замечать»[9]. Летом 1907 г. соглашение между Россией и Великобританией было заключено. Известный военачальник, председатель среднеазиатского отдела императорского Общества востоковедения А. Е. Снесарев назвал соглашение 1907 г. одним из «важнейших актов, которые когда-либо видела среднеазиатская обстановка»[10]. Данный документ был призван урегулировать отношения держав в Тибете, Афганистане и Иране. Последний разделялся в соответствии с соглашением на три зоны: за северной частью страны признавался контроль России, далее следовала нейтральная зона,

---

[8] Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. М., 2022. Т. 1: Консервативные партии / В. В. Журавлев, А. А. Иванов и др. С. 384–388.

[9] Русское знамя. 1907. 19 января. № 14.

[10] *Снесарев А. Е.* Англо-русское соглашение 1907 года: [Сообщ. пред. Сред.-Азиат. отд. О-ва востоковедения, Ген. штаба подполк. А. Е. Снесарева, чит. на общ. собр. членов О-ва ревнителей воен. знаний 24 янв. 1908 г.]. СПб., 1908. С. 1.

южная же часть Ирана с выходом к Персидскому заливу становилась сферой влияния Великобритании[11].

События Иранской революции развивались преимущественно в северной, русской, зоне, а потому крайне правые считали нецелесообразным следовать политике невмешательства, на которой настаивали англичане. Однако со своей позицией по данному вопросу черносотенцы поначалу находились в меньшинстве, так как российская публика отреагировала на заключение соглашения 1907 г. практически единодушно одобрительно, что Снесарев отметил в своем критическом обзоре этого международного акта: «В общем надо сказать, что она (русская печать. — *А. И., А. А.*) отнеслась к этому соглашению добродушно. Общий смысл статей был таков, что наконец-то в Средней Азии положен предел длительным недоразумениям, затихла хоть временно вражда и, Бог даст, наладятся когда-нибудь новые, более дружеские и более теплые взаимные отношения России и Англии»[12]. С радостью приветствовали заключение соглашения и русские националисты. А. И. Савенко на страницах газеты «Киевлянин» писал: «Конвенция между Россией и Англией является событием громадной, прямо исторической важности. Целое столетие мы враждовали с Англией. Но это было вековое недоразумение. <…> И только теперь, в столетнюю годовщину Тильзитского мира, который можно считать началом антианглийского направления нашей политики, мы решились честно сговориться с англичанами и размежеваться с ними в Азии. Событие это не только велико по своей важности, но и чрезвычайно благоприятно для обеих держав, заключивших соглашение»[13]. Газета «Новое время», как и «Киевлянин», отзывалась о соглашении в позитивном ключе: «Средняя Азия также не грозит в данный момент никакими осложнениями: три наиболее крупных среднеазиатских вопроса разрешены англо-русским соглашением»[14].

Крайне правые, стоявшие особняком в данном вопросе, в конвенции 1907 г. не только не видели пользы, но, наоборот, считали ее положения вредными для российской внешней политики. Подписание соглашения означало отказ России от независимой политики на Среднем Востоке, что воспринималось правыми как проявление государственной слабости. С конца 1907 г. черносотенная пресса обрушилась с критикой на русскую дипломатию, отстаивая мысль о тесной связи русско-английских договоренностей и революционных событий в Иране. В статье «Наши дипломаты», напечатанной в «Русском знамени», утверждалось, что англичане не желают видеть Иран сильным государством и поэтому «английские дипломаты привлекли усердных не по разуму наших дипломатов и, заручившись их содействием, а также содействием корыстных советников шаха, склонили последнего ввести конституцию

---

[11] История внешней политики России. Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 2018. С. 202.

[12] *Снесарев А. Е.* Указ соч. С. 22.

[13] Киевлянин. 1907. 22 августа. № 231.

[14] Новое время. 1907. 25 августа. № 11297.

в своей стране, совсем полудикой, менее всех других подготовленной к такому государственному строю». Автор статьи заключал: «Наши же дипломаты, не подозревая, что играют исключительно в руку англичанам и желая прослыть за “передовых”… тоже вооружились против персидских черносотенцев, отстаивая неподходящий к Персии, как и к России, конституционный строй»[15]. Выражая настроение Русской монархической партии, газета «Московские ведомости» уже в конце 1907 – начале 1908 г. призывала российские власти разорвать конвенцию с англичанами и «железной рукой навести порядок в Персии»[16].

Внешнеполитическим просчетом считал соглашение 1907 г. и И. А. Зиновьев, входивший в правую группу Государственного совета и много лет занимавший дипломатический пост в Персии. В его брошюре «Россия, Англия и Персия», вышедшей в 1912 г., говорилось: «Русско-английское соглашение по вопросу о Персии было для Англии едва ли не более желательно, чем для нас, и, казалось бы, что при этих условиях не могло встретиться непреодолимых препятствий к заключению разумного соглашения, равномерно обеспечивавшего интересы и достоинство обеих держав. Во всяком случае Англия не могла требовать от нас безусловного принятия ее рискованной программы невмешательства, каковая, подрывая авторитет шаха, служила поощрением революционному движению, а мы, с своей стороны, не были нисколько обязаны принять эту программу»[17]. Однако именно эту программу и принял российский МИД. Не находя объяснения подобному внешнеполитическому решению, И. А. Зиновьев стремился доказать его пагубность для интересов России, имевшей с Ираном общую протяженную границу и потому занимавшей положение, отличное от положения англичан. Он обращал внимание, что и сами англичане прекрасно понимали отличия последствий политики невмешательства для России и Англии. Зиновьев приводил текст телеграммы английского посланника в Тегеране С. Спринг-Райса, отправленной в начале 1907 г. главе британского МИДа Э. Грею, в которой посланник выражал опасение, что революционное движение, направленное в том числе и против иностранного влияния, может стать опасным, если «иностранные правительства примут активное участие во внутренней политике Персии». Далее С. Спринг-Райс писал: «Как Великобритания, так и российское правительство (хотя, благодаря Кавказу, положение России и не сходно с нашим положением) должны насколько возможно воздерживаться от упомянутого выше вмешательства»[18]. И раз даже английский посланник заметил и специально выделил факт отличия британского и русского положения относительно Ирана, то русский министр иностранных дел «должен был бы обратить еще более внимания на это существенное обстоятельство»

---

[15] Русское знамя. 1907. 19 декабря. № 276.

[16] Цит. по: *Белянкина В. Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): дис. … канд. ист. наук. Кострома, 2005. С. 159.

[17] *Зиновьев И. А.* Россия, Англия и Персия. СПб., 1912. С. 51–52.

[18] Там же. С. 36.

при составлении соглашения, утверждал автор брошюры[19]. Подводя итог своим размышлениям о русско-английской конвенции 1907 г., И. А. Зиновьев писал: «Благонадежны и плодотворны лишь те международные соглашения, коими в одинаковой степени обеспечиваются достоинство и законные интересы обеих договаривающихся сторон, а никак не те, в силу коих одна из сторон всецело подчиняет свои интересы благоусмотрению другой стороны»[20]. Англо-русское соглашение, заключал он, бесспорно принадлежит ко второй категории.

Гражданская война в Иране и российская интервенция 1909 г. По мере развития Иранской революции все чаще стали появляться сообщения о беспорядках на русско-иранской границе и нападениях на российских подданных. Так, в конце 1907 г. «Голос Москвы» сообщал об анархии в иранском Азербайджане: «в 60 верстах от Тавриза ограблена почта урмийского русского консульства, шедшая в Россию; курьер консульства смертельно ранен. На персидской территории <…> обстреляно помещение русских подданных»[21]. Уже в мае 1908 г. правые депутаты внесли в Государственную думу запрос «о бездействии русских властей на нашей границе с Персией»[22].

В 1908 г. поводом для общественной дискуссии послужил разгон меджлиса Мохаммедом Али-шахом при поддержке частей Персидской казачьей бригады. Эта бригада существовала в Иране с 1879 г., обучением ее личного состава занимались русские военные. В период правления Мохаммеда Али-шаха командиром бригады был российский офицер — полковник В. П. Ляхов[23]. Летом 1908 г. шах, заручившись поддержкой Персидской казачьей бригады и назначив В. П. Ляхова военным губернатором Тегерана, разогнал меджлис и отменил конституцию 1906 г. Ключевое участие русского офицера в так называемом монархическом перевороте в Иране вызвало бурную реакцию в российском обществе. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» в ответ на осуждение действий полковника В. П. Ляхова представителями либеральной общественности было напечатано: «Из всех обвинений верно одно: персидский парламент был обстрелян, но первые выстрелы были произведены из парламента, поэтому бригада действовала в состоянии самообороны». Оправдывала действия командира бригады и газета «Новое время»[24]. Центральный печатный орган Союза русского народа (СРН) газета «Русское знамя» характеризовала произошедшую ситуацию как выполнение полковником В. П. Ляховым

---

[19] *Зиновьев И. А.* Указ. соч. С. 38.

[20] Там же. С. 52.

[21] *Пикатова Н. В.* Деятельность консульской службы России в Персии во время персидской революции 1905–1911 гг. в освещении русской прессы // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2012. № 133. С. 56.

[22] *Белянкина В. Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века. С. 159–160.

[23] *Тер-Оганов Н. К.* Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М., 2012. С. 134.

[24] *Пикатова Н. В.* Русское общественное мнение и политика России в Персии в 1905–1909 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2011. № 3. С. 176.

своей прямой обязанности «всемерно защищать шаха и его семью при помощи бригады». Сообщение заканчивалось выводом: «В данном случае персидская казачья бригада оказала особые услуги, так как она явилась единственной серьезной и дисциплинированной военной силой, при помощи которой удалось оградить население от начинавшихся грабежей»[25]. Как и умеренно правые, черносотенцы не оставляли без ответа обвинения со стороны либеральной прессы. Называя «недовольной простыней» статью в кадетской газете «Речь», редакция «Русского знамени» отвечала ей: «“Речь” должна помнить, что офицер русской службы “не может быть искателем приключений”, а особенно такой, который командирован с Высочайшего соизволения в Персию. Казаки во главе с Ляховым действовали, как всегда, молодцами и вернули персидскому шаху то, что он, благодаря персидским Витте, Милюковым и Астолыпиным[26], случайно потерял. <…> Казаки с Ляховым на деле показали, как будет действовать все наше казачество, верное Царю и Родине, если ему выпадет счастливая доля отыскивать в России “конституцию”»[27]. Член совета фракции правых в Государственной думе Н. Е. Марков 2-й на заседании 15 ноября 1908 г., выступая по поводу запроса социал-демократической фракции о «незакономерных и вредных для русского государства» действиях полковника В. П. Ляхова, заявил, что «русская Государственная дума, в которой бьется русское сердце… не решится оскорбить доблестного полковника, царского слугу, этим позорным запросом и должна его отвергнуть…»[28].

Иранский контрреволюционный переворот 1908 г. дал русским черносотенцам на некоторое время надежду, что абсолютная власть шаха останется непоколебимой, что было для правых важно, так как персидские политические события зачастую сравнивались с внутриполитической ситуацией в самой России. Перу лидера СРН А. И. Дубровина принадлежит вышедший отдельным изданием фельетон «Плоды персидской конституции»[29], в котором шах назывался персидским царем и разъяснялось, что меджлис — это, по-нашему, Государственная дума. А. И. Дубровин простым языком, доступным малограмотной публике, описывал опасность «модно-европейской идеи» — конституции и меджлиса: «Охватили страну грабежи и несчастья. Потоками полилась людская кровь. <…> Зато весело, все по-новому. Зато действительно свободная жизнь, а не рабская спячка. А Царь все уступает и уступает. Но все мало!»[30] Роспуск меджлиса и отмена конституции назывались в фельетоне прозрением

---

[25] Русское знамя. 1908. 27 июня. № 144.

[26] Имеется в виду журналист газеты «Новое время», брат председателя Совета министров П. А. Столыпина, Александр Аркадьевич Столыпин.

[27] Русское знамя. 1908. 27 июня. № 144.

[28] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 1276.

[29] [*Дубровин А. И.*] Плоды Персидской конституции. СПб., [1908].

[30] *Дубровин А. И.* За Родину. Против крамолы / сост., предисл., коммент. Д. И. Стогов. М., 2011. С. 404.

от «временного наваждения». А. И. Дубровин писал, что теперь восстанавливается традиционный уклад, «мятежники запрятались в подполье» и «смело можно рассчитывать, что при таком образе действий скоро наступит в Персии спокойствие и порядок»[31]. Но в реальности надеждам вождя СРН не суждено было осуществиться, и после летних событий 1908 г. Иранская революция фактически переросла в гражданскую войну.

Ситуация обострилась весной 1909 г.: шахскими войсками был осажден Тебриз, что представляло опасность для жизни русских подданных. Это заставило российское правительство принять решение о посылке войск к осажденному городу. Летом вооруженные отряды революционеров направились к Тегерану, в связи с чем в Иран были отправлены новые войсковые части[32]. Данное политическое решение приветствовалось консервативно настроенными представителями российского общества, но сопутствующие и последующие действия России в Иране продолжали подвергаться резкой критике со стороны правых[33].

По мере ухудшения обстановки в охваченном беспорядками Иранском Азербайджане и продолжающейся осады Тебриза привычная неудовлетворенность крайне правых политикой невмешательства переросла в призывы к решительным действиям. В марте 1909 г. в «Русском знамени» было напечатано: «Положение в Персии все обостряется. Единственною виною тому двусмысленное отношение к Персии русского правительства, отступившего от исторических традиций своих уважения к самодержавной власти даже в соседних государствах. <…> Пора уже покончить с опасной и недостойной для дружественной страны игрой в смуту и вместо глупой конституции рекомендовать шаху водворить порядок в стране с помощью полковника Ляхова»[34]. В умеренно-правых периодических изданиях, несмотря на вполне одобрительное отношение к необходимости согласовывать все действия с Англией и соблюдать принцип невмешательства, к апрелю 1909 г. тоже стало нарастать беспокойство по поводу положения дел в Иране. Так, например, в одном из апрельских номеров «Киевлянина» можно прочесть: «Из Решта и Тавриза революционеры приближаются постепенно к Тегерану, а, как известно, когда революционная волна прорывает плотину, в опасности оказывается и друг, и недруг. Европейским кабинетам следует поэтому заблаговременно принять меры предосторожности»[35]. Долгожданное для правых решение все-таки было принято русским правительством, и в конце апреля 1909 г. российские войска перешли границу с Ираном. Однако довольно быстро ликование

---

[31] *Дубровин А. И.* Указ. соч. С. 405.

[32] *Кулагина Л. М.* Россия и Иран (XIX – начало XX века). М., 2010. С. 175–177.

[33] Подробнее см.: *Арцуева А. С.* Российская интервенция в Иран по материалам русской консервативной прессы (весна – лето 1909 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 3. С. 206–216.

[34] Русское знамя. 1909. 4 марта. № 50.

[35] Киевлянин. 1909. 10 апреля. № 98.

правой периодической печати сменилось разочарованием, так как Россия продолжала координировать свои действия с Британией, что, по мнению правых, приводило лишь к полумерам, вместо действительного разрешения персидского вопроса. Самостоятельных действий российской дипломатии в Иране, накоторые русские правые рассчитывали, по-прежнему не было. Так, в только что начавшей издаваться «Земщине» анонимный автор писал, что отправка отряда в Иран была запоздалой и «отряд-то наш был недостаточно силен по количеству войск, что вызвало тревогу по всей правой печати, да кроме того мы сопровождали прибытие его в Тавриз чуть ли ни извинениями перед Англией и персидскими борцами за "свободу", в чем легко было усмотреть опасность быстрого отозвания этих войск обратно, вследствие неясного понимания взятой на себя задачи»[36]. Газета, выражавшая взгляды умеренного («обновленческого») крыла СРН[37], продолжала отстаивать это мнение и в последующих номерах: «Мы или вовсе не должны идти в Персию, или же должны идти с большими силами, а не крошечным отрядом, не могущим устрашить разбойничьи полчища и остановить их победное шествие к резиденции шаха»[38]. «Русское знамя» также подвергало критике организацию военного похода и действия русских войск, отмечая, что «пребывание нашего отряда, по-видимому, только на пользу персидско-кавказской революции, ибо наш отряд стал лагерем у самого Тавриза, и персидским правительственным войскам волей-неволей пришлось отступить, так как, стреляя по позициям революционеров, правительственные персидские войска должны были бы обстрелять и русский лагерь»[39]. Однако сам факт отхода от политики невмешательства, объявление правительством намерения защитить русские учреждения и подданных в охваченной революцией стране, нахождение российских воинских частей в Иране, безусловно, воспринимались правыми положительно. В «Московских ведомостях» высказывалось одобрение военного вмешательства в Иран одновременно с осуждением недальновидной политики российского МИДа: «…Обстоятельства побудили сделать то, против чего правительства раньше энергично восставали, что они должны были сделать уже давно и что в интересах России требовалось сделать несколько месяцев тому назад, если бы г. Извольский ставил эти интересы выше желания не расходиться с желаниями сэра Грея»[40]. Правая газета «Колокол», в свою очередь, тоже отмечала запоздалость отправки войск, считая, что если бы данная мера была предпринята раньше, революционное движение «никогда не разрослось бы до такой

---

36 Земщина. 1909. 11 июня. № 8.

37 О расколе в СРН и идеологических различиях между «дубровинцами» и «обновленцами» подробнее см.: *Омельянчук И. В.* «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 124–139.

38 Земщина. 1909. 23 июня. № 18.

39 Русское знамя. 1909. 7 мая. № 101.

40 *Пикатова Н. В.* Русское общественное мнение и политика России в Персии в 1905–1909 гг. С. 179.

степени, и Персия была бы избавлена от кровавой смуты, а русская торговля от громадных убытков, нанесенных ей персидской анархией», но тем не менее статья заканчивалась фразой «Все-таки лучше поздно, чем никогда»[41].

Между тем развитие Иранской революции привело в июле 1909 г. к отречению Мохаммеда Али-шаха от престола. Крайне правыми отречение шаха было воспринято как дипломатическое поражение России, допустившей разрушение самодержавного строя в соседней стране. И. А. Зиновьев интерпретировал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Англичане никогда не могли примириться с нашим преобладающим влиянием в Тегеране и в возникшей в Персии революции они усмотрели средство поколебать наше влияние и устранить Мохаммед-Али-шаха, коему они не могли простить его русофильские чувства»[42]. Правые при этом недоумевали, как подобное могла допустить русская дипломатия, и доходили до обвинений российского МИДа в «пособничестве бунту и анархии». Националист А. И. Савенко незадолго до отречения шаха в одном из номеров газеты «Киевлянин» писал, что России необходимо вмешаться, заступиться за шаха, что объявление Россией во всеуслышание своего намерения не вмешиваться во внутренние дела Ирана в этом вопросе дает персидским революционерам «от имени России разрешение безнаказанно свергнуть несчастного шаха, которого мы же сами своими советами завели в беду»[43]. А. И. Савенко считал, что подобная линия внешней политики несовместима «с честью и достоинством России»: «Почему же, когда персидскому бунту приходилось плохо, мы все время вмешивались? И мы по чувству элементарной справедливости и чести должны и теперь вмешаться. Раз мы упорно советовали шаху уступать бунту, раз мы настояли на уступках и этим завели шаха в тяжкую беду, мы обязаны и вывести его из этой беды»[44].

«Земщина» придерживалась такого же мнения и ставила вопрос, «кому же на пользу столь явное несоответствие между русскими интересами и направлением русской политики»: «До каких же пор, однако, будем мы морочить и себя, и других заявлениями о “невмешательстве”, коль скоро мы все время только и занимаемся тем, что вмешиваемся во внутренние дела Персии, причем делаем это неизменно в пользу революционеров, а следовательно, во вред шаху?»[45]. «Земщина», помимо этого, обращала внимание читателей на то, что шах «выполнил все предъявленные ему требования со стороны России и Англии», а потому здравый смысл указывает, что оставление шаха без поддержки — это «преступное и бессмысленное попустительство»: «Если оно к лицу Англии, стороннице и пособнице всевозможных смут в других государствах, то оно отнюдь не к лицу России, всегда руководствовавшейся велениями нравственности и долга и в международных своих отношениях»[46].

---

41 Колокол. 1909. 21 июня. № 985.

42 *Зиновьев И. А.* Указ. соч. С. 7.

43 Киевлянин. 1909. 5 июля. № 183.

44 Там же.

45 Земщина. 1909. 23 июня. № 18.

46 Там же. 11 июня. № 8.

После свержения шаха к власти пришли либералы, что способствовало усилению английского влияния в Тегеране, и Россия вместе с Англией признала новый режим[47]. Такой «печальный конец» персидской смуты назывался в правой прессе «тегеранской катастрофой», нанесшей удар «нашему национальному самолюбию». Редакция «Земщины» отмечала, что русская дипломатия, «“без лести преданная” не русскому делу, а английским интересам, английской указке», дошла до «сознательного унижения и самооплевания»[48].

Новое иранское правительство и российская интервенция 1911 г. После установления в Иране новой власти ситуация не улучшалась: к ущемлению экономических интересов России добавились разногласия с новым иранским правительством, приведшие осенью 1911 г. к серьезному политическому конфликту, результатом которого стала отправка в Казвин военного отряда. Отношения России с новым иранским правительством с самого начала складывались напряженно, и главным камнем преткновения был вопрос о нахождении русских войск на территории Ирана. Правительство Российской империи, чувствуя враждебность радикально настроенных членов меджлиса, не торопилось с принятием решения о выводе войск, министр иностранных дел А. П. Извольский отмечал отсутствие «уверенности в прочности установившегося спокойствия», заявляя, что Иран по-прежнему остается в состоянии анархии и ввиду этого «отозвание наших войск из Персии представляется пока несвоевременным»[49].

Представители консервативного лагеря в этом вопросе, как и ранее, были настроены радикальнее официальной линии правительства. Печатая сообщения о грабежах и разбоях, которым подвергались подданные России и в самом Иране, и на приграничных территориях, правые обвиняли дипломатов и военных в нерешительности и безответственности, заявляя: «Во имя будущего нельзя ограничиваться одной защитой границы». Черносотенцы считали, что «если бы власть посмотрела на дело так просто, то на нашей кавказской границе, и без того беспокойной благодаря внутреннему брожению, создалось бы постоянно угрожающее положение», и поэтому ими высказывалось следующее мнение: «Необходима карательная экспедиция, необходимо самое строгое наказание виновных — и наказание не в виде мифического обещания персидского правительства, а своими собственными средствами и мерами. Нельзя считаться здесь с государственным достоинством Персии, не умаляя нашего государственного достоинства. Кажется, пора это сознать… Неужели и такого урока недостаточно, и мы будем по-прежнему играть в либеральную благожелательность?»[50].

Осенью 1911 г. произошел открытый конфликт между Российской империей и Ираном, правительство которого приняло решение о конфискации

---

47 История внешней политики России. Т. 5. С. 255.

48 Земщина. 1909. 19 сентября. № 90.

49 *Кулагина Л. М.* Указ. соч. С. 179–180.

50 Русское знамя. 1909. 5 сентября. № 198.

имущества лиц, участвовавших в мятеже Мохаммеда Али-шаха (среди прочего конфискации подлежали имения, находившиеся под охраной российского Учетно-ссудного банка). В связи с неисполнением иранским правительством требований России (удаление жандармов, занявших имения, и принесения извинений «за оскорбления, нанесенные служащим консульства») в ноябре ему был вручен ультиматум[51]. Военный министр В. А. Сухомлинов, бывший до 1905 г. председателем киевского отдела Русского собрания, после вышеописанных событий направил письмо председателю Совета министров с требованием сообщить, какого рода задачи могут быть возложены на военное ведомство в ближайшее время в связи с тем, что персидский вопрос создал «к настоящему времени весьма тяжелую обстановку»[52]. Сухомлинов писал: «Персидские власти допустили в последнее время против нас выходки, совершенно не соответствующие взаимному соотношению сил и значению России как великой державы, что и привело наконец к предъявлению нами персидскому правительству ультимативного требования». Военный министр считал, что, если события в Иране будут развиваться неблагополучно для России, «несомненно потребуются дальнейшие военные мероприятия с новыми задачами»[53]. Так как ультиматум не был принят, русские войска стали занимать города Северного Ирана и готовиться к наступлению на Тегеран.

Умеренно правые и русские националисты, в отличие от черносотенцев, одобрявшие согласованность российской политики в Иране с Британской империей и поначалу спокойно и взвешенно реагировавшие на сообщения о персидских событиях, постепенно стали выступать с заявлениями, близкими к позиции крайне правых. Так, уже в первой половине 1909 г. анонимный автор «Нового времени» писал, что «дипломатия наша систематически упускает из виду, что соглашение заключается не ради обеспечения интересов одной из договаривающихся сторон и что задача ее состоит не в исключительном выполнении принятых на себя обязательств, но и в ограждении своих собственных интересов». Отмечая, что «Новое время» всегда поддерживало англо-русское сближение, автор продолжал: «Но сближение отнюдь не есть подчинение всей нашей международной политики указаниям из Лондона. Подобная роль недостойна великой державы. В частности же, в Персии совместная работа наша с Англией возможна лишь при строгом соблюдении наших собственных национальных интересов»[54]. Кризис 1911 г. сделал тон заявлений умеренно правых еще более резким, практически созвучным высказываниям черносотенцев. А. И. Савенко, бывший одним из создателей и лидеров Киевского клуба русских националистов (ККРН), отзывался на события ноября – декабря 1911 г. следующим образом: «События в Персии <…> показали, как низко стоит престиж России как великой державы. <…> Читаешь телеграммы о том,

---

[51] *Кулагина Л. М.* Указ. соч. С. 182–183.

[52] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 7. Д. 471. Л. 1.

[53] Там же. Л. 4.

[54] Новое время. 1909. 26 мая. № 11925. С. 3.

что происходит в Персии, и испытываешь чувство кошмара. Россию ставят ни во что, с нами совершенно перестали считаться. Страха перед Россией не испытывает даже разваливающаяся, жалкая Персия»[55]. А. И. Савенко был возмущен поведением России в Иране, которое не соответствовало «достоинству великой державы», и полагал, что «если мы были оскорблены и пришли к заключению о необходимости прибегнуть к вооруженной силе, то мы должны были действовать. Мы же беспомощно топтались на месте. <…> Более того, мы все время извинялись, клялись всему свету в чистоте наших намерений и т. д.»[56]. Кроме того, общее собрание членов ККРН направило главе правительства телеграмму, в которой осуждало «нашу постоянную и беспредельную уступчивость, граничащую с полной утратой чувства национального достоинства» и высказывало уверенность, что «только беспощадная расправа, такая расправа, о которой помнили бы дети и внуки нынешних персов, может послужить удовлетворением оскорбленного достоинства России как великой державы, восстановить престиж нашего отечества в глазах азиатского Востока и водворить мир и спокойствие в Персии»[57].

Черносотенцы приветствовали российскую интервенцию и, как раньше, призывали российские власти действовать более решительно, вместе с тем ругая их за недальновидную внешнюю политику и половинчатые решения. Видный член СРН и редактор «Земщины» С. К. Глинка-Янчевский писал: «Надо полагать, наглость Персии, не пожелавшей удовлетворить требований нашего ультиматума, никого не изумила. В этом проявилось, конечно, высшее неуважение к России — это правда, но ведь оно со времени изгнания Магомеда-Али всегда и было, только не проявлялось так резко, как теперь, и потому наша дипломатия имела возможность отмаргиваться. Она и показывала вид будто ничего особенного не замечает. <…> Конечно, персюки и зазнались и, наконец, так треснули по башкам наших дипломатов, что им более невозможно отмаргиваться…»[58]. Глинка считал, что российским войскам следует вступить в Тегеран, разогнать меджлис и до восстановления полного порядка оставаться в столице Ирана: «Вот та общая программа, которую мы обязаны выполнить во что бы то ни стало, если желаем действительно умиротворения соседней страны, являющейся теперь гнездом анархии и яблоком раздора»[59]. Надеясь на решительные действия русского правительства, черносотенцы, следя за развитием ситуации, беспокоились, что «того и гляди, — постоим в Казвине и… вновь отзовем свои войска…»[60]. И их беспокойство было ненапрасным, так как после переговоров с Лондоном правительство Российской империи остановило продвижение войск и пошло на очередные уступки.

---

[55] Сборник клуба русских националистов. Вып. 4–5. Киев, 1913. С. 163.
[56] Там же. С. 163–164.
[57] Там же. С. 263.
[58] Земщина. 1911. 19 ноября. № 825. С. 2–3.
[59] Там же.
[60] Земщина. 1911. 26 ноября. № 831. С. 3.

Совет министров отмечал, что «пребывание наших отрядов в Персии отнюдь не носит характера оккупации этой страны: они командированы лишь для охраны русских интересов, пока само персидское правительство не в силах ограждать порядок, и для поддержания предъявленного нами ультиматума. Следовательно, за принятием последнего, необходимость движения на Тегеран может почитаться уже отпавшею»[61]. При освещении этой ситуации на страницах одного из номеров «Земщины» были напечатаны слова, выражавшие реакцию правых, надежды и расчеты которых в очередной раз не были оправданы: «До тошноты обидно»[62].

Заключение. На протяжении нескольких лет русские правые следили за разворачивавшимися событиями на Среднем Востоке. Взгляды националистов и умеренно правых по мере развития иранского кризиса претерпевали определенные изменения: поначалу они одобряли политику невмешательства, согласованность действий с англичанами, но в итоге стали требовать от правительства решительных действий и наведения порядка в Иране с помощью военной силы. Черносотенцы же неизменно на протяжении всех лет придерживались единой позиции по персидскому вопросу — «железной рукой навести порядок», — что, с их точки зрения, должно было сохранить престиж Российской империи на международной арене. Однако у русской дипломатии был иной подход к ведению дел на Среднем Востоке, часто критиковавшийся консерваторами, которые считали, что решение персидского вопроса оборачивается для России негативными последствиями.

Литература

1. Арцуева А. С. Российская интервенция в Иран по материалам русской консервативной прессы (весна – лето 1909 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 3. С. 206–216.

2. Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005. 215 с.

3. Белянкина В. Ю. Национальные интересы России на Среднем Востоке в конце XIX – начале XX века через призму внешнеполитических взглядов русских консерваторов // Всеобщая история. 2021. № 2. С. 22–30.

4. Берзина А. А. Персия и англо-русские отношения конца XIX – начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (28). С. 22–24.

5. Иванов А. А. Союз России с Францией и Великобританией в оценке русских правых начала XX века // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 3 (47). С. 27–43.

6. История внешней политики России: в 5 т. Т. 5. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Академический проект; Парадигма, 2018. 658 с.

---

[61] РГИА Ф. 1276. Оп. 20. Д. 55. ЛЛ. 18 об–19.

[62] Земщина. 1911. 30 ноября. № 835.

7. Кулагина Л. М. Россия и Иран (XIX – начало XX века). М.: Ключ-С, 2010. 272 с.

8. Омельянчук И. В. Внешнеполитические проблемы в идеологии черносотенных партий в Российской империи // Сборник материалов научных конференций: «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж: Истоки, 2005. С. 113–122.

9. Омельянчук И. В. «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 124–139.

10. Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.

11. Пикатова Н. В. Деятельность консульской службы России в Персии во время персидской революции 1905–1911 гг. в освещении русской прессы // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2012. № 133. С. 55–60.

12. Пикатова Н. В. Русское общественное мнение и политика России в Персии в 1905–1909 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2011. № 3. С. 173–180.

13. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. Т. 1: Консервативные партии / В. В. Журавлев, А. А. Иванов и др. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 599 с.

14. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 519 с.

15. Репников А. В. «Не будем мы защищать грудью Европу от Азии» (геополитические проекты русских консерваторов) // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции (Кострома, 26–27 марта 2009 г.) / сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. С. 275–290.

16. Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 352 с.

References

1. Artsueva A. S. Rossiiskaia interventsiia v Iran po materialam russkoi konservativnoi pressy (vesna – leto 1909 g.) [Russian intervention in Iran on the materials of the Russian conservative press (spring – summer 1909)] // Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2022. Vol. 18. № 3. P. 206–216. (In Russ.).

2. Beliankina V. Iu. Vneshnepoliticheskie vzgliady russkikh pravykh v nachale XX veka (1905–1914 gg.) [Foreign policy views of the Russian right-wingers at the beginning of the XXth century (1905–1914)]: dis. ... kand. ist. nauk. Kostroma, 2005. 215 p. (In Russ.).

3. Beliankina V. Iu. Natsional'nye interesy Rossii na Srednem Vostoke v kontse XIX – nachale XX veka cherez prizmu vneshnepoliticheskikh vzgliadov russkikh konservatorov [Russia's national interests in the Middle East at the end XIXth – early XXth century through the prism of foreign policy views of Russian conservatives] // Vseobshchaia istoriia. 2021. № 2. P. 22–30. (In Russ.).

4. Berzina A. A. Persiia i anglo-russkie otnosheniia kontsa XIX – nachala XX v. [Persia and Anglo-Russian relations in the late XIXth – early XXth centuries] // Istoricheskie,

filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 2 (28). P. 22–24. (In Russ.).

5. Ivanov A. A. Soiuz Rossii s Frantsiei i Velikobritaniei v otsenke russkikh pravykh nachala XX veka [The alliance of Russia with France and Great Britain in the perception of Russian right-wingers in the early XXth century] // MCU Journal of Historical Studies. 2022. № 3 (47). P. 27–43. (In Russ.).

6. Istoriia vneshnei politiki Rossii: v 5 t. T. 5. Konets XIX – nachalo XX veka (Ot russko-frantsuzskogo soiuza do Oktiabr'skoi revoliutsii) [History of Russia's foreign policy: in 5 vols. Vol. 5. The end of the XIXth – the beginning of the XXth century (from the Russian-French union to the October Revolution)]. Moscow: Akademicheskii proekt; Paradigma, 2018. 658 p. (In Russ.).

7. Kulagina L. M. Rossiia i Iran (XIX – nachalo XX veka) [Russia and Iran (XIXth – early XXth century)]. Moscow: Kliuch-S, 2010. 272 p. (In Russ.).

8. Omel'ianchuk I. V. Vneshnepoliticheskie problemy v ideologii chernosotennykh partii v Rossiiskoi imperii [Foreign policy problems in the ideology of the Black Hundred Parties in the Russian Empire] // Sbornik materialov nauchnykh konferentsii: «Konservatizm v Rossii i mire: proshloe i nastoiashchee», «Natsional'nyi vopros v Evrope v novoe noveishee vremia», «Pravyi konservatizm v Rossii i russkom zarubezh'e v novoe i noveishee vremia». Voronezh: Istoki, 2005. P. 113–122. (In Russ.).

9. Omel'ianchuk I. V. «Dom, razdelivshiisia v sebe»: raskol Soiuza russkogo naroda ["A house divided in itself": the split of the Union of the Russian people] // Rossiiskaia istoriia. 2021. № 1. P. 124–139. (In Russ.).

10. Omel'ianchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914) [Black Hundred movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2006. 744 p. (In Russ.).

11. Pikatova N. V. Deiatel'nost' konsul'skoi sluzhby Rossii v Persii vo vremia persidskoi revoliutsii 1905–1911 gg. v osveshchenii russkoi pressy [The activities of the Russian consulate in Persia during the Persian revolution 1905–1911 in the coverage of the Russian press] // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2012. № 133. P. 55–60. (In Russ.).

12. Pikatova N. V. Russkoe obshchestvennoe mnenie i politika Rossii v Persii v 1905–1909 gg. [Russian public opinion and Russian policy in Persia in 1905–1909] // Saint Petersburg University Bulletin. Ser. 2: Istoriia. 2011. № 3. P. 173–180. (In Russ.).

13. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – nachalo XX v. [Political parties of Russia. Late XIXth – early XXth century]: v 3 t. T. 1: Konservativnye partii [Conservative parties] / V. V. Zhuravlev, A. A. Ivanov i dr. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2022. 599 p. (In Russ.).

14. Repnikov A. V. Konservativnye kontseptsii pereustroistva Rossii [Conservative concepts of Russia rearrangement]. Moscow: Academia, 2007. 519 p. (In Russ.).

15. Repnikov A. V. «Ne budem my zashhishhat' grud'ju Evropu ot Azii» (geopoliticheskie proekty russkih konservatorov) ["We will not defend Europe from Asia" (geopolitical projects of Russian conservatives)] // Romanovskie chteniia. Tsentr i provintsiia v sisteme rossiiskoi gosudarstvennosti: materialy konferentsii (Kostroma, 26–27 marta 2009 g.) / sost. i nauch. red. A. M. Belov, A. V. Novikov. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2009. P. 275–290. (In Russ.).

16. Ter-Oganov N. K. Persidskaia kazach'ia brigada. 1879– 1921 gg. [The Persian cossack brigade. 1879–1921]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2012. 352 p. (In Russ.).

УДК 93/94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.05

Лобов Михаил Николаевич

аспирант
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
lob.mixail2013@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7937-1036

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СВЕТСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТЕЙ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам взаимоотношений между представителями Русской православной церкви во Владимирской губернии и новой власти — Владимирского губернского временного исполнительного комитета (ВГВИК). После Февральской революции в церковной сфере начали происходить заметные изменения, включая отношения церкви с государством; заметно усилилось влияние мирян на церковную жизнь. Владимирский губернский временный исполнительный комитет, представляющий собой местную власть в губернии, следуя в фарватере решений Временного правительства, практически не вмешивался в церковную жизнь, предоставив духовенству и мирянам самим решать назревшие вопросы. Лишь однажды в вопросе отставки архиепископа Алексия ВГВИК счел нужным вмешаться, поддержав требование отстранения владыки от должности.

Ключевые слова: Февральская революция, Временное правительство, Русская православная церковь, Владимирская губерния, Губернский исполнительный комитет, Владимирская епархия.

UDC 93/94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.05

Lobov Mihail N.

postgraduate student
Moscow City University
Moscow, Russia
lob.mixail2013@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7937-1036

RELATIONSHIPS OF SETILIAN AND CHURCH AUTHORITIES IN THE VLADIMIR PROVINCE AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION

Abstract. This article is devoted to the relationship between representatives of the Russian Orthodox Church in the Vladimir province and the new government, represented by the Vladimir Provincial Provisional Executive Committee (VGVIK). After the February

© Лобов М. Н., 2023

Revolution, noticeable changes began to take place in the church sphere, including relations between the church and the state, and the influence of the laity on church life noticeably increased. The Vladimir Provincial Provisional Executive Committee, which is the local government in the province, following in the wake of the decisions of the Provisional Government, practically did not interfere in church life, leaving the clergy and laity to resolve pressing issues themselves. Only once, in the matter of the resignation of Archbishop Alexy, did VGVIK consider it necessary to intervene, supporting the demand for the removal of the bishop from office.

Keywords: February Revolution, Provisional Government, The Russian Orthodox Church, Vladimir Province, Provincial Executive Committee, Vladimir Diocese.

Введение. Февральская революция способствовала освобождению от государственного контроля различных сторон жизни российского общества, в том числе и религиозной.

Получив возможность свободного развития церковь приступила к внутренним преобразованиям, инициаторами которых стали в первую очередь клирики, выступившие за созыв Поместного собора и восстановление патриаршества. Однако к этому процессу присоединились и прихожане, получившие возможность влиять на церковные преобразования на местном уровне, войдя вместе с духовенством в состав епархиальных съездов и комитетов, в том числе и во Владимирской губернии, где высшим светским органом власти после Февральской революции стал Губернский временный исполнительный комитет (ВГВИК). Последний, имея возможность с помощью административного ресурса влиять на процессы, которые происходили в церковной жизни, тем не менее не стремился к чрезмерному вмешательству в духовные дела, предоставляя духовенству и мирянам решать религиозные вопросы на собственное усмотрение. Именно выяснение характера взаимоотношений между представителями Русской православной церкви (далее — Православная церковь) и Владимирским губернским временным исполнительным комитетом и является целью данной работы.

Основу источниковой базы проведенного исследования составляют архивные материалы, прежде всего делопроизводственная документация ВГВИК, которая находится в фонде 1181 Государственного архива Владимирской области (ГАВО). Кроме того, интерес представляют материалы периодической печати, в основном это статьи «Владимирских епархиальных ведомостей», содержащие достаточно подробную и весьма интересную информацию по истории церковной жизни Владимирской губернии. Историография заявленной проблемы представлена несколькими работами. В исследовании В. И. Старцева[1] рассматривается внутренняя политика (в том числе и в религиозной сфере) Временного правительства в целом. Предметом исследования зарубежного советолога Д. В. Поспеловского стала история Русской православной церкви в XX столетии[2].

---

[1] *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.

[2] *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

В монографии И. В. Омельянчука[3] рассмотрены в том числе и общественно-политические взгляды клира Владимирской епархии накануне Февральской революции, что позволяет точнее определить позицию духовенства в период революционных потрясений. Труды же священнослужителей А. Гоглова[4], Д. В. Кантова[5] и С. Н. Минина[6] гораздо ближе к предмету нашего исследования: они посвящены истории Православной церкви на Владимирской земле, однако написаны, так сказать, с внутрицерковных позиций. При этом во всех вышеназванных работах информация о формах взаимодействия епархиального руководства и Губернского исполнительного комитета встречается довольно редко, что доказывает сохраняющуюся актуальность данного исследования.

Ход и результаты исследования. Начиная с петровских времен в истории Русской церкви наступил период, названный впоследствии синодальным. Его отличительной чертой стал жесткий контроль государства над церковью и духовенством. Высшей властью в Русской Православной церкви обладал Святейший правительствующий синод, члены которого избирались императором, а высшим должностным лицом в православной церкви являлся обер-прокурор — гражданский чиновник. Св. Синод был полностью подвластен императору и заменял патриарха по части исполняемых им функций.

Государство видело в церкви удобный инструмент для сохранения традиционных ценностей в народе и укрепления самодержавной власти. Направленная на достижение этой цели деятельность обер-прокуроров касалась в основном внешних аспектов религии. Так, было открыто множество церковно-приходских школ, новых храмов, в большом количестве издавалась богословская литература[7]. Кроме того, в бытность обер-прокурором К. П. Победоносцева (1880–1905), полностью игнорировавшего мнения остальных членов Св. Синода, достигла своего пика бюрократизация церкви (современники узнавали его в образе Великого Инквизитора, созданном Ф. М. Достоевским[8]). По мнению историка А. Ю. Полунова, обер-прокурор Св. Синода «при всем своем личном благочестии... не только не изжил “синодальный” бюрократизм, но даже довел его до апогея»[9]. Церковь старалась изолировать священнослужителей от общественной деятельности, запретив им участвовать в выборах в земские уездные и губернские собрания, а также в городские думы.

---

[3] *Омельянчук И. В.* Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии). М., 2022.

[4] *Гоглов А.* Владимирское лихолетье: православная церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. М., 2008.

[5] *Кантов Д. В.* На святой Владимирской земле: статьи, очерки, публикации. Владимир; М., 2020.

[6] *Минин С. Н.* Очерки по истории Владимирской епархии (X–XX вв.). Владимир, 2004.

[7] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 22.

[8] *Богданович А. В.* Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 305.

[9] *Полунов А. Ю.* Константин Петрович Победоносцев — человек и политик // Отечественная история. 1998. № 1. С. 51.

В период Революции 1905–1907 гг., духовенство, как все общество, надеялось на перемены, в первую очередь на освобождение церкви от государственного контроля, восстановление патриаршества, введение автономии приходов, проведение литургических реформ. Однако, несмотря на то что Николай II еще в марте 1906 г. разрешил созвать Предсоборное присутствие, решение о созыве Поместного собора постоянно откладывалось[10]. Дело ограничилось созданием Предсоборного присутствия, заседания которого шли с 1906 по 1912 г., и созыва в 1912 г. Предсоборного совещания[11].

Революция не улучшила положение Православной церкви, скорее даже ухудшила. Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», даровавший свободы всем инославным христианам и разрешавший православным свободно покидать веру, поставил забюрократизированную церковь в трудное положение. Л. А. Тихомиров по этому поводу писал: «Облечение правами инославных, при сохранении прежней несамостоятельности Православной Церкви, конечно, ставит ее в самое затруднительное положение»[12]. Кроме того, поведение царского фаворита Г. Распутина, которого поддерживали некоторые церковные деятели и который был неоднократно обвинен в хлыстовстве[13], бросало тень на всю Православную церковь. Так что нет ничего удивительного в том, что в дни Февральской революции духовенство не встало на защиту императора и самодержавия в целом. Св. Синод довольно равнодушно отнесся к отречению помазанника Божьего от престола и установлению нового порядка. 9 марта Св. Синод обратился к верующим с воззванием, в котором признал Временное правительство и фактически призвал население довериться ему. Как и вся страна, духовенство желало реформ и перемен.

Февральская революция привела к падению царского режима и переходу власти, как законодательной, так и исполнительной, к Временному правительству, которое, в свою очередь, должно было передать власть другому правительству, избранному Учредительным собранием. Так как все основные решения о будущем страны должно было принять Учредительное собрание, то и область деятельности Временного правительства была довольно ограниченной. Основными направлениями деятельности Временного правительства были слом некоторых органов государственной власти и замена их на новые, а также провозглашение гражданских свобод[14]. Постановлением от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» Временное правительство подтвердило равенство всех религий перед законом, отменив как религиозные, так и национальные ограничения. Исчезли также препятствия для созыва Поместного собора, и 29 апреля Св. Синод созвал

---

[10] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 29.

[11] *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.): дис. … д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. С. 324

[12] *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 471.

[13] Хлысты — религиозная секта, отличительной чертой которой являлись мистические обряды.

[14] *Старцев В. И.* Указ. соч. С. 244.

Предсоборный совет и призвал к восстановлению принципа выборности епископата[15]. Таким образом, церковь начала освобождаться от влияния государства на ее жизнь. Новым обер-прокурором Св. Синода был избран В. Н. Львов. С целью удаления из Синода сторонников Распутина 14 апреля он издал указ о полной смене его состава, за исключением архиепископа Сергия (Страгородского)[16].

Границы Владимирской епархии совпадали с Владимирской губернией. В епархии существовало три викариатства: Муромское, Суздальское и Юрьевское. 30 июля после смерти своего предшественника архиепископом Владимирским и Суздальским стал Алексий (Дородницын), отличавшийся крайне правыми взглядами[17] и высокомерием, чем сумел довольно быстро настроить против себя либеральную часть духовенства. Он лично просматривал и одобрял в печать материалы «Владимирских епархиальных ведомостей», а на страницах газеты его выставляли в самом лучшем свете, что очень нравилось архиепископу. В 1915 г. он послал один из своих богословских трудов Г. Распутину и между ними сложились довольно неплохие взаимоотношения, что было еще одним источником недовольства архиепископом и в дальнейшем послужило официальной причиной его отставки[18]. В 1916 г. произошло изменение титула епархиального архиерея. Архиепископ Алексий (Дородницын) был титулован как архиепископ Владимирский и Шуйский.

3 марта 1917 г. Владимирский губернатор и царская администрация были арестованы и власть перешла к Владимирскому губернскому временному исполнительному комитету, в состав которого вошли представители земств, городских дум, а также дворянства, государственных служащих, интеллигенции и предпринимателей. Исполнительный комитет проводил политику Временного правительства в губернии, имея довольно широкие полномочия. Архиепископ Алексий, в прошлом активно сотрудничавший с владимирскими монархическими организациями[19], тем не менее 5 марта в своей речи в кафедральном соборе публично поддержал Временное правительство и ВГВИК[20]. Однако в узком кругу своих сторонников он не скрывал монархических убеждений и сожалел о старых временах.

Революционные настроения к этому времени охватили практически все слои населения, в том числе и духовенство, многие представители которого поддержали Февральскую революцию. Миряне же активно включились в церковную жизнь, ярким проявлением чего стало их желание влиять на назначение священнослужителей. В канцелярию Владимирского архиепископа все чаще стали поступать жалобы на священников и даже требования уволить их. Владыка Алексий вынужден был заявить Духовной консистории, что он будет давать

---

15 *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 37.

16 Там же. С. 36.

17 *Омельянчук И. В.* Губернские правые... С. 189–190.

18 *Кантов Д. В.* Указ. соч. С. 172.

19 *Омельянчук И. В.* Губернские правые… С. 190.

20 Владимирские епархиальные ведомости. 1917. 11 марта. № 9–10. С. 81–83.

ход только тем просьбам, которые исходят от всех прихожан или как минимум от двух третей их общего числа. При этом ходатайства должны быть засвидетельствованы сельским старостой или волостным старшиной[21].

21 марта 1917 г. прошло собрание Владимирского городского духовенства, а спустя пять дней — 26 марта — состоялось объединенное собрание духовенства, представителей духовно-учебных заведений и церковных старост города Владимира. Открыл его протоиерей М. Сперанский, объявивший о выборах президиума и разработке программы дальнейшей деятельности собрания. На этом форуме было решено не использовать церковные проповеди для пропаганды каких-либо политических взглядов (т. е. была продекларирована политическая нейтральность церкви), а также объявлено о созыве епархиального съезда, состоящего из представителей клира и мирян. Были определены и нормы представительства: от каждого округа — один священник, один псаломщик или дьякон, один церковный староста, один мирянин, один представитель от мужских монастырей епархии и один от женских; от каждого уезда — один представитель от учителей церковных школ; от духовной консистории — два представителя; от каждого духовно-учебного заведения епархии — один представитель; от группы наблюдателей церковных школ — два представителя[22].

Заседание епархиального съезда было назначено на 17 апреля 1917 г., однако позднее оно было перенесено и проходило с 3 по 6 мая. В съезде принимало участие 370 делегатов. Его председателем был избран Н. М. Георгиевский, товарищем председателя — С. Ф. Архангельский. Обязанности секретарей исполняли Н. В. Малицкий и Н. И. Сергиевский. В президиум съезда также были избраны протоиерей Н. А. Преображенский (бывший член Союза русского народа, до революции занимавший крайне правые позиции[23]), о. А. И. Рождественский и историк-краевед В. Г. Добронравов. 4 мая на утреннем заседании в секретариат были избраны, помимо Н. В. Малицкого и Н. И. Сергиевского, также дьякон Ландышев, псаломщик Смирнов, А. И. Троицкий, С. А. Троицкий, о. Антониев, протоиерей Лепорский, о. П. Линицкий, А. Н. Молитвословов и М. И. Благосклонов-Владимирский. Губернский исполнительный комитет приветствовал епархиальный съезд и пожелал ему благотворной работы на пользу церкви и общества[24].

Съезд принял несколько важных решений. Прежде всего, на основании указа о выборном начале на всех уровнях церковного управления, епархиальный съезд признал необходимым отстранить владыку Алексия от управления епархией, обвинив его в препятствовании развитию церкви, сношениях с Распутиным и деспотизме. Уведомление об этом было направлено обер-прокурору Св. Синода В. Н. Львову. Никто из участников съезда не выступил в защиту архиепископа, ни одного голоса не было подано против его отставки. Кроме того, было решено, что теперь епархия будет управляться епархиальным

---

[21] Владимирские епархиальные ведомости. 1917. 30 марта. № 13. С. 167.

[22] Там же. С. 172–174.

[23] *Омельянчук И. В.* Губернские правые… С. 270, 303, 332.

[24] Владимирские епархиальные ведомости. 1917. 10 июня. № 20–21. С. 215.

съездом под руководством епископа, также избранного съездом. При епископе был создан епархиальный совет, который отныне являлся исполнительным органом епархиального съезда и к которому переходили обязанности консистории. Епархиальный совет должен был состоять из духовенства и мирян в равном числе[25]. Он должен был руководить окружными и приходскими советами, которые еще предстояло создать и на которые бы легла тяжесть управления округами и приходами. Кроме того, было принято решение организовать Владимирский епархиальный исполнительный комитет на то время, пока не будет созван епархиальный совет и избрать делегатов на Всероссийский съезд представителей от духовенства и мирян в Москве.

Ответа от Св. Синода на телеграмму об отстранении архиепископа Алексия епархиальный съезд не получил, после чего было принято решение: если до конца съезда не придет ответа, то 7 мая отправить в Св. Синод вторую телеграмму, а также просить ВГВИК поддержать съезд и отправить телеграмму в Св. Синод еще и от своего имени. Кроме того, исполнительному комитету было предложено наладить сотрудничество с вновь созданным ВГВИК. Помимо отправки телеграммы в Синод, епархиальный комитет попросил ВГВИК отправить владыке Алексию предупреждение о недопустимости митингов, которые он, предположительно, устраивал, и сообщить об ответе[26].

4 мая 1917 г. ВГВИК исполнил просьбу епархиального съезда и отправил телеграмму обер-прокурору В. Н. Львову, в которой просил отстранить архиепископа Алексия от управления епархией[27]. Кроме того, ВГВИК отправил архиепископу Алексию предупреждение, правда в довольно мягкой форме[28]. На что глава епархии ответил, что им всего лишь назначена встреча для заслушивания проекта устава «Общества нового образования» и это вовсе не митинг[29].

Второй телеграммой Владимирский губернский исполнительный комитет вторично предупредил архиепископа о возможности церковной смуты из-за его несогласия уйти в отставку, поэтому пока не поступил ответ от Св. Синода, ВГВИК просил владыку Алексия воздержаться от участия в торжестве перенесения мощей 11 мая и перепоручить это своему викарному епископу[30]. Архиепископ же в ответ заявил, что оснований для церковной смуты против себя он не видит и отказываться от своего долга священника ради этого не будет. Однако если эксцессы на мероприятии все же возникнут, то именно Губернский исполнительный комитет как носитель высшей власти, по его мнению, и должен будет обеспечить правопорядок[31].

---

[25] Там же. С. 217.

[26] Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 1181. Оп 1. Д. 134. Л. 75.

[27] Там же. Л. 79.

[28] Там же. Л. 76–76 об.

[29] Там же. Л. 78.

[30] Там же. Л. 81–81 об.

[31] Там же. Л. 82–82 об.

ВГВИК хотя и оказал поддержку епархиальному съезду, но, приняв к сведению ответ архиепископа, предпочел не вмешиваться в этот внутрицерковный конфликт, оставив его разрешение на усмотрение духовенства и верующих.

Временное управление Владимирской епархией теперь осуществлялось епископом Юрьевским, викарием Евгением (Мерцаловым). Сам архиепископ Алексий не стал дожидаться отстранения от должности и подал в Св. Синод прошение об уходе на покой, которое и было удовлетворено[32]. Официально владыка Алексий оставил кафедру 10 июня 1917 г.

В это время Синод принимает несколько важных для Православной церкви решений. Прежде всего, 4 июля 1917 г. было принято «Временное положение о православном приходе», согласно которому прихожане могли избирать священников на приход, что усиливало влияние мирян на церковное управление. Демократические выборы священнослужителей не получили одобрения со стороны самого духовенства, так как порой это приводило к весьма неожиданным последствиям. Так, в одной из деревень Владимирской епархии прихожане избрали в дьяконы наиболее голосистого мужика. Лишь после того как священник пригрозил прекратить богослужение, крестьянина освободили от этой должности[33].

В тот же день, 4 июля, Временное правительство издает постановление о передаче церковно-приходских школ и церковно-учительских семинарий (всего около 37 тысяч) в ведение Министерства народного просвещения. Кроме того, были национализированы и частные школы. Этот указ вызвал серьезный конфликт между Православной церковью и Временным правительством.

После отставки архиепископа Алексия в среде духовенства Владимирской епархии начали обсуждать кандидатов на вакантную теперь кафедру. Эта полемика, наряду с наиболее острыми вопросами церковной жизни (отношение Церкви к новому политическому строю и новому правительству[34], отделение церкви от государства[35], принадлежность священников к тем или иным партиям[36] и т. п.), нашла свое отражение на страницах «Владимирских епархиальный новостей».

8–12 августа 1917 г. в Епархиальном женском училище прошел съезд духовенства и мирян. В его работе принимали участие более 500 человек, в том числе все викарные епископы и архиепископ Московский и Коломенский Тихон (Беллавин). Большая часть голосов была отдана за популярного в среде духовенства петроградского протоиерея Тимофея (Налимова) — брата умершего 13 июля 1914 г. архиепископа Владимирского Николая, отличавшегося либеральными взглядами[37]. Однако 9 августа в Успенском соборе

---

[32] *Гоглов А.* Указ. соч. С. 51.

[33] *Минин С. Н.* Указ. соч. С. 54.

[34] Владимирские епархиальные ведомости. 1917. 20 мая. № 19. С. 208.

[35] Там же. 3 мая. № 17–18. С. 200.

[36] Там же. 28 апреля. № 16. С. 198.

[37] *Омельянчук И. В.* Губернские правые… С. 189, 175–176.

голосованием на Владимирскую кафедру был избран архиепископ Финляндский Сергий (Страгородский), который уже 10 августа прибыл из Москвы и вступил в новую должность[38].

Кроме того, епархиальный съезд должен был, по поручению Св. Синода, выбрать делегатов на Всероссийский поместный собор, а также епархиальный совет, план создания которого был утвержден еще на первом съезде. Совет должен был состоять из 12 лиц (шестеро духовных и шестеро мирян), при этом шесть человек избирались из города Владимира и считались постоянными и шесть человек — от уездов и считались временно приезжающими. В постоянные члены совета вошли о. М. Тихонравов, дьяк Руберовский, дьякон-псаломщик Богородский, Н. М. Георгиевский, С. Ф. Архангельский и крестьянин Кузнецов. С созданием епархиального совета Временный епархиальный исполнительный комитет прекращал свое существование[39].

Новый орган — епархиальный совет — должен был собираться три раза в неделю. Он начал свою работу с 20 августа и принял меры к открытию окружных и приходских советов, а также приступил к разбору жалоб на священников и дел об их увольнении[40]. Местом для заседаний Совета был избран Владимирский Богородице-Рождественский монастырь, где находилась келья владыки Сергия. Он и сам принимал участие в работе епархиального собора, когда приезжал из Москвы с сессий открывшегося 15 августа 1917 г. Поместного собора Православной церкви, в состав которого он входил по должности. Кроме архиепископа Сергия в работе собора активное участие принимали еще пять выборных представителей от Владимирской епархии: историк-краевед В. Г. Добронравов, руководитель губернской архивной службы Н. В. Малицкий, преподаватель Шуйской гимназии А. Н. Овсянников, псаломщик А. В. Авдиев и наместник Свято-Боголюбовского монастыря архимандрит Александр (Григорьев)[41].

Заключение. Временное правительство не стремилось сохранять подчиненное положение Православной церкви, позволив ей провести все реформы, которые так желало духовенство: был созван Поместный собор (уже после потери власти Временным правительством избравший Патриарха); распущен Св. Синод; восстановили свое самоуправление приходы; народные массы активно начали влиять на церковное управление, что, правда, не всегда приводило к положительным результатам (вспомним избрание на церковную должность мирянина).

---

[38] Владимирская губерния и российская революция в документах 1913–1918 гг.: сб. док. Государственного архива Владимирской области / Архивный департамент Администрации Владимирской области, Государственный архив Владимирской области; отв. ред. Н. Д. Максимова; сост.: Т. А. Лашманова, А. А. Арескин, Н. П. Механикова. Владимир, 2017. С. 174.

[39] Владимирские епархиальные ведомости. 1917. 26 августа. № 32–33. С. 300.

[40] *Гоглов А.* Указ. соч. С. 105.

[41] *Кантов Д. В.* Указ. соч. С. 175.

Конфликты между властью и Православной церковью возникали редко (наиболее заметный из них разгорелся по вопросу о ведомственной принадлежности церковно-приходских школ и церковно-учительских семинарий), так как Временное правительство, занятое решением обострявшихся социально-политических проблем, очень аккуратно подходило к вопросам церковных реформ, не желая порождать напряжение еще и в этой сфере. Во Владимирской губернии местный исполнительный комитет поддержал создание своего церковного аналога (временного епархиального исполнительного комитета) и поспособствовал отставке архиепископа Алексия, отправив соответствующую телеграмму в Св. Синод и предупреждение самому Алексию. В дальнейшем ВГВИК особого внимания к деятельности Епархиального комитета не проявлял, предоставив ему решать церковные вопросы на свое усмотрение.

Литература

1. Гоглов А. Владимирское лихолетье: православная церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. М.: Приход храма Св. Духа сошествия: Изд-во сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2008. 430 с.

2. Кантов Д. В. На святой Владимирской земле: статьи, очерки, публикации. Владимир; М.: Буки Веди, 2020. 264 с.

3. Минин С. Н. Очерки по истории Владимирской епархии (X–XX вв.). Владимир: Нива, 2004. 152 с.

4. Омельянчук И. В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии). М.: МГПУ, 2022. 444 с.

5. Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.): дис. … д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. 899 с.

6. Полунов А. Ю. Константин Петрович Победоносцев — человек и политик // Отечественная история. 1998. № 1. С. 42–55.

7. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

8. Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава / под ред. О. Н. Знаменского. Л.: Наука, 1980. 256 с.

References

1. Goglov A. Vladimirskoe likholet’e: pravoslavnaia tserkov’ na Vladimirshchine v gody bezbozhnoi smuty [Vladimir hard times: the Orthodox Church in the Vladimir region in the years of godless turmoil.]. Moscow: Prikhod khrama Sv. Dukha soshestviia: Izd-vo sestrichestva vo imia svt. Ignatiia Stavropol’skogo, 2008. 430 p. (In Russ.).

2. Kantov D. V. Na sviatoi Vladimirskoi zemle: stat’i, ocherki, publikatsii [On the holy Vladimir land: articles, essays, publications]. Vladimir; Moscow: Buki Vedi, 2020. 264 p. (In Russ.).

3. Minin S. N. Ocherki po istorii Vladimirskoi eparkhii (X–XX vv.) [Essays on the history of the Vladimir diocese (X–XX centuries)]. Vladimir: Niva, 2004. 152 p. (In Russ.).

4. Omel’ianchuk I. V. Gubernskie pravye (stanovlenie i evoliutsiia konservativnogo kryla partiinoi sistemy Rossii na primere Vladimirskoi gubernii) [Provincial Rights

(formation and evolution of the conservative wing of the Russian party system on the example of the Vladimir province)]. Moscow: MGPU, 2022. 444 p. (In Russ.).

5. Omel'ianchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914 gg.) [Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]: dis. … d-ra ist. nauk. Voronezh, 2006. 899 p. (In Russ.).

6. Polunov A. Iu. Konstantin Petrovich Pobedonostsev — chelovek i politik [Konstantin Petrovich Pobedonostsev — man and politician] // Otechestvennaia istoriia. 1998. № 1. P. 42–55. (In Russ.).

7. Pospelovskii D. V. Russkaia pravoslavnaia tserkov' v XX veke [Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Respublika, 1995. 511 p. (In Russ.).

8. Startsev V. I. Vnutrenniaia politika Vremennogo pravitel'stva pervogo sostava [Internal policy of the Provisional Government of the first composition] / pod red. O. N. Znamenskogo. Leningrad: Nauka, 1980. 256 p. (In Russ.).

УДК 902.3; 94(395.5): 393–057.36
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.06

Худавердян Анаит Юрьевна

кандидат исторических наук
Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения
Ереван, Армения
akhudaverdyan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1458-783X

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ АРМЕНИИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Аннотация. Публикуются предварительные результаты антропологического исследования костных останков, полученных при раскопках средневековых памятников на территории Армении. Исследование осуществлялось путем визуального осмотра скелетов, их измерения, описания. В основу работы положены классические краниометрические, краниоскопические, одонтологические, остеологические и палеопатологические методы исследования. Степень развития мышечного рельефа указывает на значительные физические нагрузки в процессе трудовой деятельности. Наличие затылочных структур связано с подъемом и перемещением тяжелых грузов. Выявлены следы патологических процессов на скелетах, и реконструирована их этиология. В структуре палеопатологического профиля групп преобладают такие стрессовые маркеры, как cribra orbitalia, эмалевая гипоплазия, аномалии и травмы. Прижизненные травмы связаны с конфликтными ситуациями на бытовой почве. В результате проведенной работы удалось установить важные особенности жизнедеятельности групп, определить половозрастные показатели, антропогенетические характеристики и особенности распространения заболеваний.

***Ключевые слова*:** Армения, раннее Средневековье, краниология, краниоскопия, одонтология, остеология, палеопатология.

© Худавердян А. Ю., 2023

UDC 902.3; 94(395.5): 393–057.36
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.06

Khudaverdyan Anahit Yu.

Candidate of Historical Sciences
Institute of Archaeology and Ethnography
of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Yerevan, Armenia
akhudaverdyan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1458-783X

ANTHROPOLOGICAL SOURCES USED IN THE STUDY OF THE QUALITY OF LIFE OF THE MEDIEVAL POPULATION OF ARMENIA (PRE-MESSAGE)

Abstract. The article presents preliminary results of an anthropological research of human bone remains, obtained during excavations of medieval monuments on the territory of Armenia. The research methodology involved visual examination of skeletons, measurements, descriptions. The work is based on classical craniometric, cranioscopic, odontological, osteological and paleopathological research methods. The degree of the muscular relief development points to a considerable physical activity as-sociated with labour. The applied methodology revealed traces of pathological processes, whose etiology was further reconstructed. Structural changes appearing in human bones during physical activity people were investigated. The occurrence of superstructures in the occipital bone has been attributed to physical activity and habitual motion such as lifting and transporting heavy. The structure of the paleopathological profile of the groups is dominated by such stress markers as cribra orbitalia, enamel hypoplasia, anomalies, and injuries. Intravital injuries are associated with conflict situations on a domestic basis. As a result of the conducted work it was possible to establish the important features of life-activities of the studied samples, to define sex-age indicators, anthropogenetic characteristics and specificity of spreading of diseases.

Keywords: Armenia, Early Middle Ages, craniology, cranioscopy, odontology, osteology, paleopathology.

Введение. Археологические изыскания средневековых памятников на территории Республики Армения начинают производиться с конца XIX в. и продолжаются до настоящего времени. Следует отметить, что интерес к изучению материальной культуры носителей средневековых традиций только возрастает, в соответствии с этим неуклонно растет и количество зафиксированных и исследуемых памятников. В настоящее время наиболее актуальным является обращение к палеоантропологическим материалам с использованием биоархеологических методик, позволяющих реконструировать образ жизни, демографические параметры, уровень агрессии, болезни, традиции питания, культовые практики населения и т. д.

За последние годы была накоплена значительная база антропологических материалов. А первый антропологический материал Средневековья был

из Гарни и исследован В. П. Алексеевым[1]. За последние годы А. Ю. Худавердян изучила новые средневековые серии из памятников Двин[2], Ором[3], Армавир[4], Зарни Эр[5], Уши[6], Бюракн[7] и Ованнаванк[8]. В данной работе в научный оборот водятся новые материалы из провинций Лори (Багери чала I, Пиджут, Дзоригех) с подробной описательной и табличной характеристикой. Провинция Лори находится на севере Армении (40°55′ с. ш. 44°30′ в. д.), граничит с Грузией, на востоке — с провинцией Тавуш, на юго-востоке — с провинцией Котайк, на юго-западе — с провинцией Арагацотн, на западе — с провинцией Ширак. Могильники на территории провинции Лори были раскопаны археологической экспедицией Института археологии и этнографии НАН РА под руководством С. Г. Обосяна. Пол индивидов определялся на основе морфологических особенностей черепа и костей посткраниального скелета[9]. Возрастные определения проведены с учетом оссификации и прорезывания зубов у индивидов до 23 лет[10] и по длине диафизов длинных костей конечностей[11].

---

[1] *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа: (Краниологическое исследование). М., 1974.

[2] Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения) со следами ростовых нарушений / А. Ю. Худавердян и др. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 87–90; *Khudaverdyan A. Yu.* Decapitation in the Dvina (Armenia): an analysis of the skulls of Middle Ages // Journal of Paleopathology. 2015. Vol. 25. № 1–3. P. 25–34; *Khudaverdyan A. Yu., Babayan F. S.* The human skeleton from Dvin, Armenia: detailed anthropological and paleopathological analysis // Bulletin of the International Association for Paleodontology. 2018. Vol. 12 (1). P. 1–17.

[3] A case of osteomalacia in human skeletal remains from St. Hripsime Church (Horom, Armenia) / A. Yu. Khudaverdyan et al. // Papers on Anthropology. 2019. Vol. XXVIII/2. P. 30.

[4] Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация на Южном Кавказе в эпоху средневековья / А. Ю. Худавердян и др. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 60–88.

[5] *Худавердян А. Ю., Енгибарян А. А., Оганесян А. А., Обосян С. Г.* Комплексное исследование антропологических материалов XIV–XVI вв. из пещеры Зарни Эр (Армения) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 102.

[6] Антропологические особенности населения Армянского нагорья... С. 68.

[7] *Khudaverdyan A. Yu.* Cranial deformation and Torticollis of Early Feudal burial of Byurakn from Armenia // Acta Biologica Szegediensis. 2012. Vol. 56 (2). P. 135.

[8] *Худавердян А. Ю.* Население Ованнаванка в эпоху средневековья // Биологический журнал Армении. 2016. № 4. Т. LXIX. С. 17.

[9] *Brook S., Suchey J. M.* Skeletal age determination based on the Os Pubis: a comparison of the Acsadi – Nemeskeri and Suchey – Brooks methods // Human Evolution. 1990. Vol. 5. P. 230–234; *Lovejoy C. O., Meindl R. S., Pryzbeck T. R., Mensforth R. P.* Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: A new method for the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 17; *Meindl R. S., Lovejoy C. O.* Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 59–62; Standards of data collection from human skeletal remains / J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker (eds.). Fayetteville, 1994 (“Arkansas Archaeological Survey Research Series”, 44).

[10] *AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M.* Brief communication: the London atlas of human tooth development and eruption // American Journal of Physical Anthropology. 2010. Vol. 42 (3). P. 487.

[11] *Scheuer L., Black S.* Developmental juvenile osteology. London, 2000.

Антропологические исследования, патологические изменения описывались по методикам, разработанным рядом авторов[12].

Ход и результаты исследования. Могильник Багери чала I (рис. 1) был выявлен в ходе разведок, проводившихся в 2006 г. у с. Шнох. Анализируемая серия состояла из останков восьми индивидуумов. Из них в трех случаях костные останки принадлежали детям, в пяти — взрослым людям. Во время раскопок были извлечены только фрагменты костей черепной коробки.

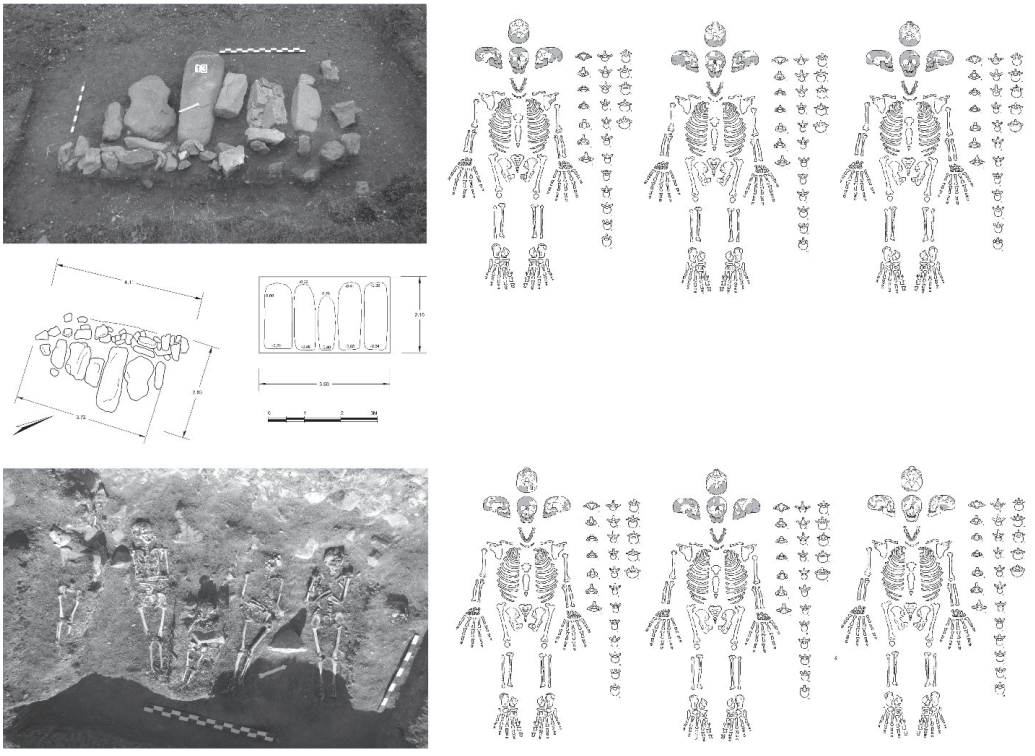

Рис. 1. Могильник Багери чала I (погребение 13, фотографии С. Г. Обосяна)

[12] *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М., 1964; *Алексеев В. П.* Остеометрия: Методика антропологических исследований. М., 1966; *Зубов А. А.* Одонтология: Методика антропологических исследований. М., 1968; *Мовсесян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г.* Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. 1975. № 51. С. 128–148; *Худавердян А. Ю.* Биоархеологические подходы к изучению следов искусственного воздействия на череп (на примере популяций эпохи бронзы и раннего железного века с территории Армении) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 109–111; *Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., Clark G.* Indications of stress from bones and teeth // Paleopathology at the origins of agriculture. New York, 1984. P. 20–39; *Goodman A., Rose J. C.* Assessment of systemic physiological perturbations from dental enamel hyperplasia's and associated histological structures // Yearbook of Physical Anthropology. 1990. № 33. P. 68–100; *Ortner D. J.* Identification of pathological conditions in human skeletal remains. London, 2003.

Их сохраность была очень плохая. Были изучены один скелет ребенка в возрасте около трех лет; два — детей в возрасте от пяти до девяти лет, два — мужчин 40–44 лет, один — женщины 20–24 лет, а также черепа двух индивидов 30–39 лет, половая принадлежность которых не определена.

В первую очередь укажем аномалии, природа происхождения которых не связана (или слабо связана) с болезнями и особенностями физиологического статуса индивида, а имеет генетическую обусловленность. К этим маркерам (краниоскопическим, одонтологичеслим) отнесены следующие:

- метопический шов (sutura frontalis). Одни исследователи считают метопический шов частью синдромов, затрагивающих разные системы организма, другие полагают, что это следствие детской анемии, третьи — что это результат нарушения функции гипофиза или наличие дисфункции вилочковой железы. Метопический шов В. В. Бунак[13] относил к особенностям арменоидного типа. Метопический шов максимально представлен в Закавказье и в Передней Азии[14]. У троих индивидов из могильника Багери чала I отмечен метопический шов;
- мендозный шов (sutura mendoza). У двоих индивидов мендозный шов несплошной (от одного астериона до другого). Явно выраженную предрасположенность к неполному зарастанию шва В. В. Бунак относил к особенностям признаков арменоидного типа[15];
- у четырех индивидов фиксируются вормиевы кости в ламбдовидном шве (os wormii suturae lambdoidea), сосцевидные отверстия на шве (foramina mastoidea), у троих — скулолицевые отверстия (foramina zygomaticofacialia), у двоих — резцовый шов (sutura incisive), отсутствие остистого отверстия (foramina spinosum);
- у троих индивидов встречаются лопатообразные формы верхних медиальных резцов, у двоих — лопатообразные формы верхних латеральных резцов, форма 3 первой борозды эоконуса на первом верхнем моляре. И по одному случаю встречаются коленчатая складка метаконида на первом нижнем моляре, дистальный гребень тригонида и внутренний средний дополнительный бугорок.

У багеричалайцев были обнаружены черепные травмы, нанесенные тупыми предметами в области мозгового отдела черепа. Прижизненные травмы зафиксированы у двух индивидов. Обнаружена травма черепа, нанесенная тупым предметом в области лобной кости с правой стороны. Диаметр дефекта 22 × 18,5 мм (женщина 20–24 лет). Следующая травма наблюдается на правой стороне лобной области, нанесенная предметом с ограниченной поверхностью ударения (мужчина 40–44 лет).

---

[13] *Бунак В. В.* Crania Armenica. Исследование по антропологии Передней Азии // Труды Антропологического НИИ при МГУ. М., 1927. Вып. 2. С. 51, 54.

[14] *Козинцев А. Г.* Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л., 1988.

[15] *Бунак В. В.* Указ соч. С. 50.

Интересным представляется факт наличия экзостоза в ушном канале у трех индивидов. Остеофитные образования в ушном проходе расцениваются как маркер негативного воздействия холодной воды при нырянии[16].

В результате палеопатологической экспертизы костных останков удалось установить высокую частоту такого стрессового маркера, как cribra orbitalia. Признак чаще ассоциируется с железодефицитной анемией. Дефицит железа в организме может быть связан с паразитарными инвазиями и развитием неспецифических инфекций[17]. Данный маркер встречается у пяти индивидов (100 %). Поротический гиперостоз на костях черепной коробки фиксируется у шести субъектов.

На внутренней поверхности костей черепа у пяти индивидов фиксируются следы пальцевидных вдавлений (inmpressiones digitatae). Локализация их разнообразна, но в основном они отмечаются на лобной, теменной и затылочной костях. Повышенное внутричерепное давление может возникать как следствие субэпидуральных гематом, краниостенозов, гидроцефалии, паразитарных кист, воспалительных, опухолевых заболеваний головы, а также развитием синдрома внутричерепной гипертензии[18]. У троих детей фиксируется острое гнойное воспаление сосцевидного отростка височной кости. Разрушение сосцевидного отростка и наличие клоаки, возможно, связаны с воспалением среднего уха (среднего отита).

Наличие такого маркера эпизодического стресса, как эмалевая гипоплазия, указывает на систематическое влияние негативных факторов, таких как инфекции, паразиты, различные периоды голодания, которые воспрепятствовали нормальному развитию организма в период детства[19]. Эмалевая гипоплазия зафиксирована у 80 % индивидов ($n = 4$).

Образование зубного камня чаще связано с особенностями диеты. Известно, что витамин С сдерживает вырабатывание зубного камня, а витамин А, углеводы и кальций, наоборот, стимулируют. Показатель зубного камня в выборке составил 80 % ($n = 4$). Частота встречаемости кариеса в группе составляет 20 % у взрослого населения (1/5). У индивида кариозное поражение сопровождается осложнениями в виде периапикального отверстия. Прижизненная утрата зубов (I^1, P^1, M^1, M^2, M^3) обнаружена у одного индивида (мужчина 40–44 лет).

Костные останки из раскопок могильника Дзоригех были извлечены в 2014 г. (см. рис. 2). Серия состояла из останков девяти индивидов. Были исследованы один скелет ребенка в возрасте до года, а также скелеты четырех мужчин

---

[16] *Kennedy G. E.* The relationship between auditory exostoses and cold water: a latitudinal analysis // American Journal of Physical Anthropology. 1986. № 71. P. 408.

[17] *Larsen C. S.* Bioarchaeology: Interpreting behavior from the human skeleton. Cambridge, 1997.

[18] *Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей (кости людей различных эпох, нормальные и патологические изменения). М.; Л., 1960; *Pospíšilová B., Procházková O.* Paleopathological findings of dry skulls with plagiocephaly // Acta Medica. 2006. № 49. P. 220.

[19] *Goodman A., Rose J. C.* Op. cit. P. 78.

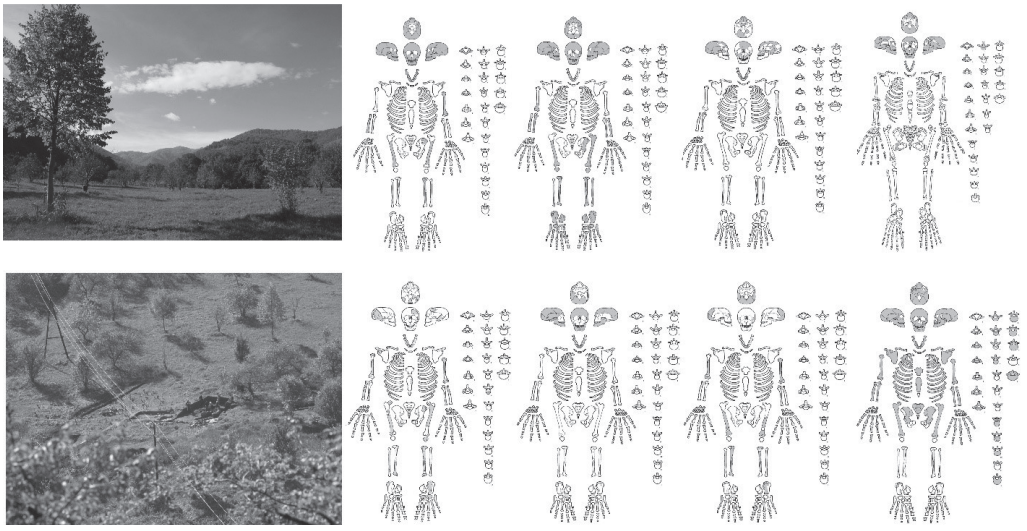

Рис. 2. Могильник Дзоригех (место могильника, фотографии С. Г. Обосяна)

20–24 лет, 35–39 лет и 40–44 лет, двух женщин 40–44 лет и у двоих пол не определен (30–34 лет).

Краниология. Мужские черепа характеризуются как брахикранные, со средним продольным, большим поперечным диаметрами (см. приложение, табл. 1). Лоб среднеширокий, лицо ортогнатное, средневысокое и среднеширокое. Высота носа находится в пределах средних и больших величин, ширина средняя, орбиты средневысокие, среднеширокие, мезоконхные. Проекционная длина нижней челюсти находится в пределах малых и средних величин. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви средняя. Бугристость в области наружной и внутренней поверхностями углов с обеих сторон выражена отчетливо. Симфиз средний, тело малое с очень большой толщиной. Сравнение дисперсий обнаруживает существенное повышение изменчивости девяти признаков и указателей. Обнаружено достоверное преобладание эмпирических дисперсий только двух признаков в мужской серии.

Краниоскопия и одонтология. У восьми индивидов фиксируются os wormii suturae squamosum; у четырех — foramina zygomaticofacialia, processus temporalis ossis frontalis, foramina mastoidea (на шве и вне шва); у троих — foramina infraorbitalia, os postsquamosum, os wormii suturae lambdoidea; у двоих — foramina supraorbitalia, foramina frontalia, processus frontalis squamae temporalis, foramina parietalia, sutura mendoza, foramina spinosum (отсутствие), canalis craniopharyngeus, canalis condyloideus (см. приложение, табл. 2). И по одному случаю встречаются spina trochlearis, os zygomaticum bipartitum tripartitum, os Incae completes, os wormii sut. occipito-mastoideum, condylus occipitalis bipartitum, processus paramastoideus. У троих индивидов отмечена редукция гипоконуса на M^2. По одному случаю встречаются лопатообразные формы верхних медиальных и латеральных резцов, диастема, краудинг I^2, гиподонтия M^3.

Остеология. Продольные размеры длинных костей женских скелетов характеризуются средними размерами (см. приложение, табл. 3). Наименьшая окружность диафиза плечевой кости малая, указатель прочности средний. Строение верхней части диафиза локтевой кости нормальное, сечение не имеет специализированной формы — эуроления. Длина бедренной кости относится к категории средних величин. Указатель поперечного сечения верхней части диафиза характеризуется платимерией. Большеберцовые кости по указателю сечений диафиза характеризуются эурикнемией. Правая локтевая кость мужского скелета небольшой длины и массивная. Строение верхней части диафиза правой локтевой кости характеризуется гиперэуролением.

Длина бедренной кости попадает в градацию средних размеров, сечение характеризуется стеномерией. Большеберцовые кости обладают средними значениями продольных размеров. По указателю платикнемии для правой стороны свойственна мезокнемия.

Перегруженность мускулатуры пояса верхних и нижних конечностей как в мужской, так и в женской группе выше среднего (см. приложение, табл. 4). На плечевых костях наблюдается очень хорошее развитие малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной бугристости. На лучевой кости развиты лучевые шероховатости, что является отражением соответствующего развития мышцы, сгибающей плечо и предплечье, т. е. участвующей в процессе поднимания тяжести. На локтевой кости достаточно хорошо развит гребень квадратного пронатора. Отмечается также хорошее развитие латерального края нижнего конца лучевой кости, к которому прикрепляется эта мышца. На бедренных костях хорошо развита межвертельная линия, которая фактически имеет вид гребня, значительно выступая над уровнем тела кости, linea aspera и ягодичная шероховатость. Рельеф на задней поверхности обеих большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы (третьей головки трехглавой мышцы голени), развит очень хорошо.

Ответной реакцией организма человека на физическую нагрузку, хроническую микротравму являются образования затылочных структур (задний сосцевидный бугорок (tuberculum supra mastoideum posterius, TSP), см. рис. 3а; позадисосцевидный отросток (processus retromastoideus, PR), см. рис. 3б). Позадисосцевидный отросток наблюдается у двух индивидов (мужчины), задний сосцевидный бугорок — у одного (мужчина).

Палеопатология. Поротический гиперостоз внутренней области орбит обнаружен у двух индивидов (мужчины), на костях черепного свода признак фиксируется у пяти субъектов. Пальцевидные вдавления на костях черепа со стороны эндокрана наблюдается у ребенка (0,5–1,1 лет). Признаки мастоидита встречаются у двух индивидов. В ушных каналах у шести индивидов отмечается наличие экзостосов. Доброкачественные опухоли (кнопки-остеомы) фиксируются на лобной, теменных костях у трех индивидов. Размеры остеом варьируются от двух до семи миллиметров.

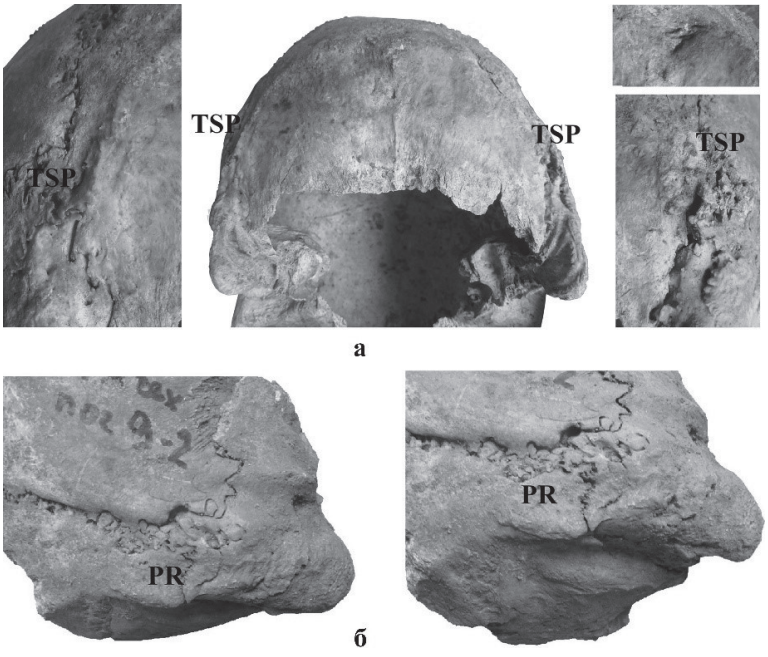

Рис. 3. Затылочные структуры:
а) задний сосцевидный бугорок (TSP, индивид 10),
б) позадисосцевидный отросток (PR, индивид 9-2)

Наиболее распространенными скелетными повреждениями в исследованной группе являются травмы, полученные в течение жизни (четыре случая). На правой теменной кости у мужчины 50–59 лет имеется вдавленный перелом (размеры 17 × 17,5 мм). На левой теменной кости фиксируется порез острым орудием (длина — 50 мм). На левой бедренной кости отмечена травма тупым предметом, возможно палкой (длина — 29 мм). На левой бедренной кости фиксируются два пореза острым орудием (длина — 12,5 мм и 10 мм).

У мужчины 35–39 лет из погребения 2 отмечены следы вдавленных переломов лобной кости. Первый локализован на правой стороне (18 × 8 мм), второй — слева (11,5 × 3,5 мм). Это зажившие следы травм, полученные при ударе тупыми орудиями. Заживление прошло благополучно, хотя после нанесения травмы в области удара произошел локальный воспалительный процесс. Еще одна травма фиксируется у мужчины 20–24 лет из погребения 12 в верхней пластинке теменной кости с левой стороны (размеры — 22,5 × 19 мм, рис. 4а). Вдавленное повреждение от удара тупым предметом в области височной и теменной костей — это последствие сильного удара по черепу с левой стороны (размеры — 58 × 63 мм), т. е. мужчина не успел отреагировать на удар (рис. 4б).

Скелет женщины (40–44 лет) из погребения 11 (см. рис. 5) свидетельствует о насилии и/или несчастном случае. На правой теменной кости имеется предсмертная травма, нанесенная оружием с острым, возможно режущим, краем (рис. 5а). Помимо описанных изменений у нее отмечена травма III шейного

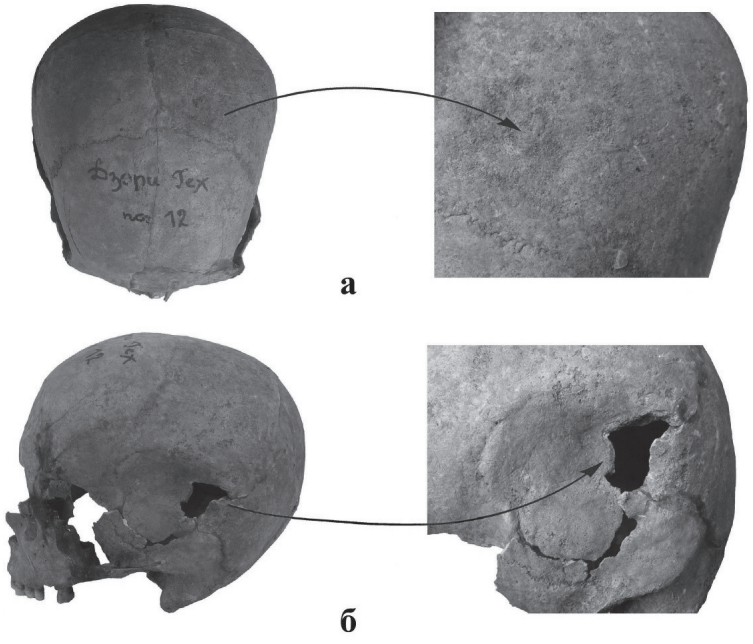

Рис. 4. Травмы черепа (погребение 12)

позвонка в области верхней суставной поверхности (рис. 5в) и ребер (фрагменты 3 и 6 (лев.), рис. 5г). Причина повреждения III шейного позвонка, вероятно, подвывих. Причем связи между позвонками не разрушены полностью. Шея может функционировать, но есть ограничения, мешавшие нормально двигать головой (рис. 5ё). У женщины в нижней трети части диафиза локтевой кости имелся перелом кости с разрывом (рис. 5д). Необычные условия, движения и нагрузка привели к преждевременному деформирующему артрозу в локтевом суставе. Сочленяющиеся поверхности в новом суставе имели краевые костные разрастания, ставшие следствием падения на вытянутую руку с упором на кисть. При данной травме, как правило, движение левой руки становится ограниченным. Травма затронула прилегающую лучевую кость, что способствовало образованию площадки уплощения (рис. 5е). Вероятная причина травматизации — давление со стороны фрагментов локтевой кости. У женщины грудина наклонена в левую сторону (рис. 5б). Трансформированная форма грудной клетки бывает врожденной или приобретенной. Врожденная форма связана с генетическими факторами, когда на каком-то этапе внутриутробного развития скелета случаются сбои. Известно, что чаще деформация передается по наследству. Приобретенная деформация грудины связана с перенесением болезней скелета (рахит, туберкулез, сколиоз), опухолевых образований на ребрах (остеома, хондрома), системных заболеваниий, остеомиелита ребер, эмфиземы легких. На задней стороне правого дистального мыщелка бедренной кости фиксируется костное новообразование (рис. 5ж). Остеоартрит суставов регистрируется и у троих индивидов (погребения 1, 2, 9–2).

Рис. 5. Патологические нарушения на скелете из погребения 11:
а, в, г, д — травмы; е — посттравматические нарушения; б — деформация грудины, ж — остеоартрит (погребение 11, фотография С. Г. Обосяна)

В исследованной выборке из патологий зубной системы встречаются два случая минерализованных отложений (погребения 3/2, 11), эмалевой гипоплазии (погребения 2, 3?) и патологической стертости (погребения 1, 11). В дзоригехской серии зафиксировано три случая кариеса. Кариес выявлен дважды у мужчин (погребения 1, 9–2) и один раз у женщины из погребения 11.

Могильник Пиджут I (рис. 6) был найден в ходе разведок, проводившихся в 2010 г. Из могильника было извлечено два разрушенных захоронения женщин 20–24 лет и 40–44 лет.

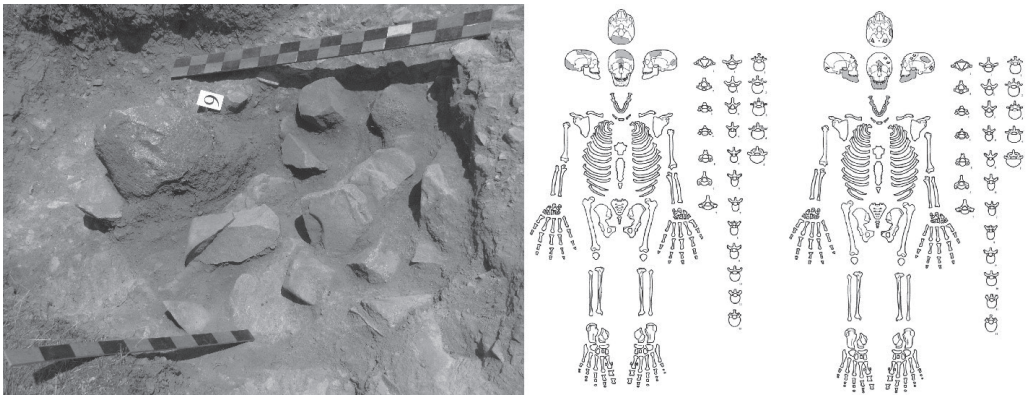

Рис. 6. Могильник Пиджут I (фотография погребения С. Г. Обосяна)

Краниоскопия и одонтология. Выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки на черепе: spina trochlearis, os wormii suturae squamosum, os wormii suturae lambdoidea, sulcus mylohyoideus. На первом правом моляре фиксируется коленчатая складка метаконида.

Палеопатология. Регистрируется поротический гиперостоз на затылочной кости (№ 2, женщина 20–24 лет). Эмалевая гипоплазия обнаружена на премолярах (P_1, P_2). На премолярах (P_1, P_2) и молярах (M_1, M_2) фиксируется зубной камень (№ 2, женщина 20–24 лет).

Заключение. Исследованы костные останки 19 индивидов из могильников раннесредневековой культуры провинции Лори, жители которой имеют в среднем большой поперечный и средний продольный диаметры (брахикрания). Лоб среднеширокий, лицо ортогнатное, средневысокое и среднеширокое. У индивидов чаще встречаются следующие краниоскопические и одонтологические маркеры: os wormii suturae squamosum, os wormii suturae lambdoidea, sutura incisive, os zygomaticum bipartitum tripartitum, os postsquamosum, sutura mendoza, foramina mastoidea (вне шва), foramina spinosum (отсутствие), foramina mentalia, sutura frontalis, spina trochlearis, foramina parietalia, canalis craniopharyngeus, лопатообразные формы верхних медиальных и латеральных резцов, коленчатая складка метаконида на первом нижнем моляре, редукция гипоконуса вторых верхних моляров (M2 $\sum$ 3). У индивидов провинции Лори продольные размеры длинных костей скелетов характеризуются как средние. Реконструированный рост также попадает в категорию «средний».

Рассмотрение палеопатологий взрослого населения говорит о росте травматизма в раннесредневековых выборках. На мужских скелетах травмы наблюдаются в разы чаще, чем на женских. Прижизненные травмы костей черепа скорее всего связаны с проявлениями межперсональных конфликтных действий на бытовой почве. Ранение, сопряженное со смертью, обнаружено только у одного индивида.

Нам удалось установить повышенную встречаемость таких стрессовых маркеров, как cribra orbitalia, эмалевая гипоплазия. Среди населения заболевание кариесом было невысоким, прижизненная утрата зубов и альвеолярный абсцесс встречались нечасто, наблюдался повышенный процент наличия зубного камня. Гендерных различий в распределении дегенеративно-дистрофических поражений суставов и позвоночника нет, т. е. физические нагрузки приходились на долю как взрослых мужчин, так и женщин. Что касается наличия затылочных структур, то большая часть физической нагрузки приходилась на долю взрослых мужчин. Формирование подобных структур связано с подъемом и перемещением тяжелых грузов[20].

Мы попытались представить предварительные данные по качеству жизни в раннесредневековых популяциях на территории Армении. Спектр патологий, характерных для сельского населения, весьма распространен в средневековых группах. Вероятно, население испытывало негативное воздействие, связанное с переселенческим стрессом. Это обстоятельство позволяет нам подтвердить данные краниологии, одонтологии и остеологии о неоднородности средневекового[21] населения Армении.

Литература

1. Алексеев В. П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

2. Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа: (Краниологическое исследование). М.: Наука, 1974. 317 с.

3. Алексеев В. П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

4. Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация на Южном Кавказе в эпоху средневековья / А. Ю. Худавердян и др. // Вестник археологии, антропологии и этнографии: [электронный журнал]. 2018. № 1 (40). С. 60–88. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://ipdn.ru/_private/a40/60-88.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

5. Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения) со следами ростовых нарушений / А. Ю. Худавердян и др. // Вестник археологии, антропологии и этнографии: [электронный журнал]. 2017. № 3 (38). С. 73–99. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://ipdn.ru/_private/a38/73-99.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

6. Бунак В. В. Crania Armenica. Исследование по антропологии передней Азии. М.: Ассоциация науч.-исследоват. ин-тов при Физико-математич. фак-те 1 М.Г.У., 1927. Вып. 2. 264 с. (Труды Антропологического научно-исследовательского института при 1 М.Г.У.; Вып. 2).

7. Зубов А. А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.

---

[20] *Худавердян А. Ю.* Биоархеологические подходы к изучению следов искусственного воздействия на череп… С. 103–114.

[21] Антропологические особенности населения Армянского нагорья... С. 98.

8. Козинцев А. Г. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л.: Наука, 1988. 167 с.

9. Мовсесян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. 1975. № 51. С. 127–150.

10. Рохлин Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох, нормальные и патологические изменения). М.; Л.: Наука, 1960. 302 с.

11. Худавердян А. Ю. Биоархеологические подходы к изучению следов искусственного воздействия на череп (на примере популяций эпохи бронзы и раннего железного века с территории Армении) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 103–114.

12. Худавердян А. Ю. Население Ованнаванка в эпоху средневековья // Биологический журнал Армении. 2016. № 4. Т. LXIX. С. 13–21.

13. Худавердян А. Ю., Енгибарян А. А., Оганесян А. А., Обосян С. Г. Комплексное исследование антропологических материалов XIV–XVI вв. из пещеры Зарни Эр (Армения) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 93–117.

14. A case of osteomalacia in human skeletal remains from St. Hripsime Church (Horom, Armenia) / A. Yu. Khudaverdyan et al. // Papers on Anthropology. 2019. Vol. XXVIII/2. P. 28–44.

15. AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief communication: the London atlas of human tooth development and eruption // American Journal of Physical Anthropology. 2010. Vol. 42 (3). P. 481–490.

16. Brook S., Suchey J. M. Skeletal age determination based on the Os Pubis: a comparison of the Acsadi – Nemeskeri and Suchey – Brooks methods // Human Evolution. 1990. Vol. 5. P. 227–238.

17. Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., Clark G. Indications of stress from bones and teet // Paleopathology at the origins of agriculture. New York: Academic Press, 1984. P. 13–49.

18. Goodman A., Rose J. C. Assessment of systemic physiological perturbations from dental enamel hyperplasia's and associated histological structures // Yearbook of Physical Anthropology. 1990. № 33. P. 59–110.

19. Kennedy G. E. The relationship between auditory exostoses and cold water: a latitudinal analysis // American Journal of Physical Anthropology. 1986. Vol. 71 (4). P. 401–415.

20. Khudaverdyan A. Yu. Cranial deformation and torticollis of early feudal burial of Byurakn from Armenia // Acta Biologica Szegediensis. 2012. Vol. 56 (2). P. 133–139.

21. Khudaverdyan A. Yu. Decapitation in the Dvina (Armenia): an analysis of the skulls of Middle Ages // Journal of Paleopathology (Italy). 2015. Vol. 25. № 1-3. P. 25–34.

22. Khudaverdyan A. Yu., Babayan F. S. The human skeleton from Dvin, Armenia: detailed anthropological and paleopathological analysis // Bulletin of the International Association for Paleodontology. 2018. Vol. 12 (1). P. 1–17.

23. Larsen C. S. Bioarchaeology: Interpreting behavior from the human skeleton. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 461 p.

24. Lovejoy C. O., Meindl R. S., Pryzbeck T. R., Mensforth R. P. Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: A new method for the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 15–28.

25. Meindl R. S., Lovejoy C. O. Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 57–66.

26. Ortner D. J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. 2nd edition. London: Academic Press, 2003. 645 p.

27. Pospíšilová B., Procházková O. Paleopathological findings of dry skulls with plagiocephaly // Acta Medica. 2006. № 49. P. 219–222.

28. Scheuer L., Black S. Developmental juvenile osteology. London: Academic Press, 2000. 587 p.

29. Standards of data collection from human skeletal remains / J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker (eds.). Fayetteville: Arkansas Archaeological Survey, 1994. 272 p. (“Arkansas Archaeological Survey Research Series”, 44).

References

1. Alekseev V. P. Osteometriia: Metodika antropologicheskikh issledovanii [Osteometry: Anthropological research methodology]. Moscow: Nauka, 1966. 251 p. (In Russ.).

2. Alekseev V. P. Proiskhozhdenie narodov Kavkaza: (Kraniologicheskoe issledovanie) [Origin of the peoples of the Caucasus]. Moscow: Nauka, 1974. 317 p. (In Russ.).

3. Alekseev V. P., Debets G.F. Kraniometriia: Metodika antropologicheskikh issledovanii [Craniometry: Methods of anthropological researches]. Moscow: Nauka. 1964. 128 p. (In Russ.).

4. Antropologicheskie osobennosti naseleniia Armianskogo nagor’ia i etnogeneticheskaia situatsiia na Iuzhnom Kavkaze v epokhu srednevekov’ia [Anthropological characteristics of the Armenian Highlands population and ethnogenetic situation in south Eastern Europe in the Middle Age] / A. Iu. Khudaverdian i dr. // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii: [elektronnyi zhurnal]. 2018. № 1 (40). P. 60–88. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://ipdn.ru/_private/a40/60-88.pdf (access date: 01.03.2023). (In Russ.).

5. Antropologicheskaia kharakteristika individov IX–XI vv. iz pamiatnika Dvin (Armeniia) so sledami rostovykh narushenii [Anthropological characteristics of individuals of the IX–XI centuries from the monument of Dvin (Armenia) with growth disorders] / A. Iu. Khudaverdian i dr. // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii: [elektronnyi zhurnal]. 2017. № 3 (38). P. 73–99. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://ipdn.ru/_private/a38/73-99.pdf (access date: 01.03.2023). (In Russ.).

6. Bunak V. V. Crania Armenica. Issledovanie po antropologii perednei Azii [Crania Armenica. Research on anthropology of Western Asia]. Moscow: Assotsiatsiia nauch.-issledovat. in-tov pri Fiziko-matematich. fak-te 1 M.G.U., 1927. 264 p. (Trudy Antropologicheskogo nauchno-issledovatel’skogo instituta pri 1 M.G.U.; Vol. 2). (In Russ.).

7. Zubov A. A. Odontologiia: Metodika antropologicheskikh issledovanii [Odontology: (Methods of anthropological investigations)]. Moscow: Nauka, 1968. 199 p. (In Russ.).

8. Kozintsev A. G. Etnicheskaia kranioskopiia. Rasovaia izmenchivost’ shvov cherepa sovremennogo cheloveka [Ethnic cranioscopy. Racial variability of the sutures of the skull of modern man]. Leningrad: Nauka, 1988. 167 p. (In Russ.).

9. Movsesian A. A., Mamonova N. N., Rychkov Iu. G. Programma i metodika issledovaniia anomalii cherepa [A program and methodology of study of skull ab-normalities] // Voprosy antropologii. 1975. № 51. P. 127–150. (In Russ.).

10. Rokhlin D. G. Bolezni drevnikh liudei (kosti liudei razlichnykh epokh, normal’nye i patologicheskie izmeneniia) [Diseases of ancient people (bones of people of different eras, normal and pathological changes)]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1960. 302 p. (In Russ.).

11. Khudaverdian A. Iu. Bioarkheologicheskie podkhody k izucheniiu sledov iskusstvennogo vozdeistviia na cherep (na primere populiatsii epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka s territorii Armenii) [Bioarchaeological approaches to study on traces of artificial of influence on the skull (on the example of populations Bronze Age and Early Iron Age from the Armenia)] // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii: [elektronnyi zhurnal]. 2016. № 1 (32). P. 103–114. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://ipdn.ru/_private/a37/72-93.pdf (access date: 01.03.2023). (In Russ.).

12. Khudaverdian A. Iu. Naselenie Ovannavanka v epokhu srednevekov'ia [Population of Hovhannavank in the Middle Ages] // Biological Journal of Armenia. 2016. № 4. Vol. LXIX. P. 13–21. (In Russ.).

13. Khudaverdian A. Iu., Engibarian A. A., Oganesian A. A., Obosian S. G. Kompleksnoe issledovanie antropologicheskikh materialov XIV–XVI vv. iz peshchery Zarni Er (Armeniia) [A comprehensive studyof the XIV–XVIth centuries anthropological materials from the Zarni Er Cave (Armenia)] // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii: [elektronnyi zhurnal]. 2018. № 3 (42). P. 93–117. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://ipdn.ru/_private/a42/93-117.pdf (access date: 01.03.2023). (In Russ.).

14. A case of osteomalacia in human skeletal remains from St. Hripsime Church (Horom, Armenia) / A. Yu. Khudaverdyan et al. // Papers on Anthropology. 2019. Vol. XXVIII/2. P. 28–44.

15. AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief communication: the London atlas of human tooth development and eruption // American Journal of Physical Anthropology. 2010. Vol. 42 (3). P. 481–490.

16. Brook S., Suchey J. M. Skeletal age determination based on the Os Pubis: a comparison of the Acsadi – Nemeskeri and Suchey – Brooks methods // Human Evolution. 1990. Vol. 5. P. 227–238.

17. Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., Clark G. Indications of stress from bones and teet // Paleopathology at the origins of agriculture. New York: Academic Press, 1984. P. 13–49.

18. Goodman A., Rose J. C. Assessment of systemic physiological perturbations from dental enamel hyperplasia's and associated histological structures // Yearbook of Physical Anthropology. 1990. № 33. P. 59–110.

19. Kennedy G. E. The relationship between auditory exostoses and cold water: a latitudinal analysis // American Journal of Physical Anthropology. 1986. Vol. 71 (4). P. 401–415.

20. Khudaverdyan A. Yu. Cranial deformation and torticollis of early feudal burial of Byurakn from Armenia // Acta Biologica Szegediensis. 2012. Vol. 56 (2). P. 133–139.

21. Khudaverdyan A. Yu. Decapitation in the Dvina (Armenia): an analysis of the skulls of Middle Ages // Journal of Paleopathology (Italy). 2015. Vol. 25. № 1-3. P. 25–34.

22. Khudaverdyan A. Yu., Babayan F. S. The human skeleton from Dvin, Armenia: detailed anthropological and paleopathological analysis // Bulletin of the International Association for Paleodontology. 2018. Vol. 12 (1). P. 1–17.

23. Larsen C. S. Bioarchaeology: Interpreting behavior from the human skeleton. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 461 p.

24. Lovejoy C. O., Meindl R. S., Pryzbeck T. R., Mensforth R. P. Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: A new method for the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 15–28.

25. Meindl R. S., Lovejoy C. O. Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 57–66.

26. Ortner D. J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. 2nd edition. London: Academic Press, 2003. 645 p.

27. Pospíšilová B., Procházková O. Paleopathological findings of dry skulls with plagiocephaly // Acta Medica. 2006. № 49. P. 219–222.

28. Scheuer L., Black S. Developmental juvenile osteology. London: Academic Press, 2000. 587 p.

29. Standards of data collection from human skeletal remains / J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker (eds.). Fayetteville: Arkansas Archaeological Survey, 1994. 272 p. (“Arkansas Archaeological Survey Research Series”, 44).

Приложение

Таблица 1

Индивидуальные и средние размеры и указатели черепов из Дзоригеха

№, по Мартину и др.	Признак	1 ♂	2 ♂	10 ♂	10–2 ♀	11 ♀	12 ♂	♂		
								n	*x*	*s*
1	Продольный диаметр	190	183	181,5	–	174	178	4	183,2	5,0
8	Поперечный диаметр	153	143	142,5	142	146	151,5	4	147,5	5,5
8:1	Черепной указатель	80,6	78,2	78,6	–	83,91	85,2	4	80,7	3,2
17	Высотный диаметр от ba	–	–	–	–	135	–		–	
17:1	Высотно-продольный указатель	–	–	–	–	77,6	–		–	
17:8	Высотно-поперечный указатель	–	–	–	–	92,5	–		–	
20	Высотный диаметр от po	–	–	–	–	116	–		–	
20:1	Высотно-продольный указатель	–	–	–	–	66,7	–		–	
20:8	Высотно-поперечный указатель	–	–	–	–	79,5	–		–	
5	Длина основания черепа	–	–	–	–	110	–		–	
9	Наименьшая ширина лба	105,5	96,5	92,8	–	93,8	95	4	97,5	5,5
9:8	Лобно-поперечный указатель	68,96	67,5	65,2	–	64,3	62,8	4	66,2	2,6
10	Наибольшая ширина лба	135	121	112,5	–	119	118,8	4	121,9	9,4
11	Ширина основания черепа	138	130	–	–	129	135	3	134,4	4,0
12	Ширина затылка	123,5	119,8	121	97?	113,5	125	4	122,4	2,3
29	Лобная хорда	116	120?	110	–	112	118	4	116,0	4,3
30	Теменная хорда	111	–	113	–	104,5	114	3	112,7	1,5
31	Затылочная хорда	108,8	–	96	96,5	92,5	–	2	102,4	–

№, по Мартину и др.	Признак	1 ♂	2 ♂	10 ♂	10–2 ♀	11 ♀	12 ♂	♂		
								n	*x*	*s*
7	Длина затылочного отверстия	–	–	–	–	38	–		–	
16	Ширина затылочного отверстия	31	–	–	–	28,5	31,5	2	31,3	–
32	Угол профиля лба от n	86	–	–	–	–	–	1	86	–
–	Угол профиля лба от g	81	–	–	–	–	–	1	81	–
40	Длина основания лица	–	–	–	–	95,8	–		–	
45	Скуловой диаметр	–	137,5	–	–	–	126,5?	2	132	–
48	Верхняя высота лица	65	78	–	–	73,5	72,8	3	71,94	6,5
48:45	Верхний лицевой указатель	–	56,8	–	–	–	57,6	2	57,2	–
43	Верхняя ширина лица	112?	108	100	–	109,8	106	4	106,5	5
60	Длина альвеолярной дуги	55,5?	57,5	58	–	54	57	4	57	1,0
61	Ширина альвеолярной дуги	64,8?	66	–	–	–	65	3	65,3	0,6
62	Длина неба	46,5	45	–	–	54	–	2	45,8	–
63	Ширина неба	33,5?	34	–	–	–	31,8	3	33,1	1,1
55	Высота носа	50	59	–	–	54,8	52,8	3	53,94	4,6
54	Ширина носа	27,5	25?	–	–	–	26,2	3	26,3	1,2
54:55	Носовой указатель	55	42,4	–	–	–	49,7	3	49,1	6,3
51	Ширина орбиты от mf	44	44	39?	–	42	–	3	42,4	2,8
51a	Ширина орбиты от d	41	–	–	–	40	–	1	41	–
52	Высота орбиты	30	37,5?	–	–	37,2	34	3	33,9	3,7
52:51	Орбитный указатель (mf)	68,2	85,3	–	–	88,6	–	2	76,8	–
52:51a	Орбитный указатель (d)	73,2	–	–	–	93	–	1	73,2	–
MC	Максилло-фронтальная ширина	22	–	–	–	–	–	1	22	–

№, по Мартину и др.	Признак	1 ♂	2 ♂	10 ♂	10–2 ♀	11 ♀	12 ♂	♂		
								n	*x*	*s*
MS	Максилло-фронтальная высота	11,8	–	–	–	–	–	1	11,8	–
MS:MC	Максилло-фронтальный указатель	53,7	–	–	–	–	–	1	53,7	–
DC	Дакриальная ширина	25?	–	–	–	–	–	1	25?	–
DS	Дакриальная высота	15	–	–	–	–	–	1	15	–
DS:DC	Дакриальный указатель	60	–	–	–	–	–	1	60	–
SC	Симотическая ширина	13	–	–	–	–	–	1	13	–
SS	Симотическая высота	6,8	–	–	–	–	–	1	6,8	–
SS:SC	Симотический указатель	52,4	–	–	–	–	–	1	52,4	–
72	Общий лицевой угол	89	–	–	–	–	–	1	89	–
73	Средний лицевой угол	87	–	–	–	–	–	1	87	–
74	Угол альвеолярной части	96	–	–	–	–	–	1	96	–
75 (1)	Угол выступания носа	35	–	–	–	–	–	1	35	–
77	Назомалярный угол	126	135	133	–	–	138	4	133	5,0
zm	Зиго-максиллярный угол	110	110	–	–	–	107	3	109	1,7
68 (1)	Длина н. ч. от мыщелков	102,5	02,5	97?	–	91?	99	4	100,3	2,7
68	Длина н. ч. от углов	75,8	78	80	–	80?	82	4	78,95	2,6
70	Высота ветви	66,5	67	54	–	59	64,5	4	63	6,0
71a	Наименьшая ширина ветви	34,5	33,5	32	–	33,2	34	4	33,5	1,0
69	Высота симфиза	34,5	35	28	–	29	34,5	4	33	3,3
69 (1)	Высота тела	27?	29	28	–	25	30	4	28,5	1,2
69 (2)	Толщина тела	16,5?	14	15	–	13	16	4	15,4	1,1
47	Полная высота лица	126?	133	–	–	114	123	3	127,4	5,1

Таблица 2

Индивидуальные размеры зубов из памятника Дзоригех

	Индивид 11		**Индивид 3?**		**Индивид 10**		**Индивид 2**		**Индивид 12**	
	Верхняя челюсть Вестибуло-лингвальный диаметр VL_{cor}									
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
I1	8,6	-	–	–	-	-	6,7	6,5	-	-
I2	–	–	–	–	–	–	6,5	6,3	6,6	6,8
C	–	9,1	–	–	–	–	7,9	7,9	8,5	8,7
P1	9,8	–	–	–	9,2	8,9	8,5	–	8,8	9,2
P2	8,6	8,8	–	–	–	8,2	8,6	8,6	–	8,9?
M1	11,9	–	–	–	11,1	11	11,1	11,4	11,2	–
M2	10,8	–	–	–	10,3	10,8	11,5	11,3	11	11,2
M3	10,5	10,5	–	–	9,8	–	11,2	11,3	–	–
	Мезио-дистальный диаметр MD_{cor}									
I1	7,1	6,9	–	–	–	–	7,2	7,2	–	–
I2	5,1	5,1	–	–	–	–	7,6	7,2	6,2	6,2
C	–	–	–	–	6,9	–	7,9	–	7,2	7,3
P1	6,2	–	–	–	6,6	6,6	7,1	–	6,6	7
P2	5,6	5,1	–	–	–	6,3	6,7	7	–	6,2
M1	9,5	10,2	–	–	9,9	10	10,1	10,2	9,8	–
M2	8,8	–	–	–	8,8	9,3	9?	9,9	5,9	9,1
M3	9,1	9,4	–	–	9,1	–	9,3	10	–	–
	Высота коронки H_{cor}									
M1	6	6	–	–	6,1	7,2	5,6?	6,6	–	–
M2	5,7	–	–	–	5,8	5,8	7,5	5,8	–	–
M3	5,7	5,9	–	–	5,5	–	6,5	5,8	–	–
	Мезио-дистальный диаметр шейки MD_{col}									
M1	6,9	7,2	–	–	7,5	7,5	7,3	6,8	–	–
M2	5,9	–	–	–	6,2	6,7	6,9	6,6	–	–
M3	5,9	6,6	–	–	–	–	6,2	6	–	–
	Площадь коронки MD × VL									
M1	113,1	–	–	–	109,9	110	112,2	116,3	109,8	–
M2	95,1	–	–	–	90,7	100,5	103,5	111,9	64,9	101,92
M3	95,6	98,7	–	–	89,2	–	106,95	113,0	–	–
	Индекс коронки I_{cor} (VL / MD) × 100									
M1	125,3	–	–	–	112,2	111,2	109,91	111,8	114,3	–
M2	122,8	–	–	–	117,1	116,2	127,8	114,2	186,5	123,1
M3	115,4	111,8	–	–	107,7	–	120,5	113,0	–	–
	Модуль коронки $m_{cor}MD + VL / 2$									
M1	10,7	–	–	–	10,5	10,5	10,6	10,8	10,5	–
M2	9,8	–	–	–	9,6	10,1	10,3	10,6	8,5	10,2
M3	9,8	9,95	–	–	9,5	–	10,3	10,7	–	–

	Индивид 11		Индивид 3?		Индивид 10		Индивид 2		Индивид 12	
	Нижняя челюсть									
	Вестибуло-лингвальный диаметр VL_{cor}									
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
I1	6,5	6,3	–	–	–	–	5,4	–	5,9	6
I2	7,2	6,7	–	5,8	–	–	6	5,8	6,4	6,4
C	7,8	7,3	–	6,8	–	–	8,1	8,1	8,1?	7,7
P1	7,5	–	–	6,5	–	–	7,4	6,8	7,5	7,5
P2	7,4	7,5	7,2	7	–	–	8,3	8,1	7,1	7,3
M1	10,8	10,8	10,3	9,6	–	–	–	–	9,8	10,1
M2	–	10,1	10	9,1	–	–	10,5	10,1	9,9	10
M3	–	–	–	–	–	–	10,6	10,4	9,5	9,5
	Мезио-дистальный диаметр MD_{cor}									
I1	5,5	6	–	–	–	–	4,8	–	5,4	5,3
I2	6	6,2	–	5,5	–	–	6,2	5,7	5,8	5,7
C	7	7	–	6,6	–	–	6,9	6,9	6,9	7,1
P1	7,1	–	–	6,6	–	–	6,9	6,9	6,5	6,6
P2	6,8	6,9	6,9	6,8	–	–	6,8	7,1	6,8	6,9
M1	10,1	10,1	11,1	11,5	–	–	–	–	11,3	11,2
M2	–	10	9,3	10,1	–	–	11	11	10,8	10,1
M3	–	–	–	–	–	–	11,8	11,4	10	9,1
	Высота коронки H_{cor}									
M1	4,6	4,4?	4,8	5,4	–	–	–	–	4,6	4,6
M2	–	3,8	5,8	5,1	–	–	5,8	5,7	5,3	4,7
M3	–	–	–	–	–	–	5,8	5,2	5,6	6,1
	Мезио-дистальный диаметр шейки MD_{col}									
M1	8	9,9?	8,9	8,8	–	–	–	–	9,2	8,9
M2	–	7,6	7,9	7,9	–	–	8,7	7,9	9	8,9
M3	–	–	–	–	–	–	8,9	8,4	7,2	7,1
	Площадь коронки MD × VL									
M1	109,1	109,1	114,4	110,4	–	–	–	–	110,8	113,2
M2	–	101	93	91,91	–	–	115,5	111,1	106,92	101
M3	–	–	–	–	–	–	125,1	118,6	95	86,5
	Индекс коронки I_{cor} (VL / MD) × 100									
M1	106,94	106,94	92,8	83,5	–	–	–	–	86,8	90,2
M2	–	101	107,6	90,1	–	–	95,5	91,9	91,7	99,1
M3	–	–	–	–	–	–	89,9	91,3	95	104,4
	Модуль коронки m_{cor} MD + VL / 2									
M1	10,5	10,5	10,7	10,6	–	–	–	–	10,6	10,7
M2	–	10,1	9,7	9,6	–	–	10,8	10,6	10,4	10,1
M3	–	–	–	–	–	–	11,2	10,9	9,8	9,3

Таблица 3

Остеометрическая характеристика индивидов из памятника Дзоригех

№	Признак	Индивид 1		Индивид 2		Индивид 11	
		♀	левая	♂	левая	♀	левая
	Плечевая кость (Humerus)						
1	Наибольшая длина	–	–	–	–	300	307
2	Общая длина	–	320	–	–	303	306
3	Ширина верхнего эпифиза	–	54	–	–	44	43,6
4	Ширина нижнего эпифиза	–	–	–	–	56	56
5	Наибольший Ø середины диафиза	–	26	–	–	19,5	19
6	Наименьший Ø середины диафиза	–	24	–	–	18,8	18,5
7.	Наименьшая окружность диафиза	–	82	–	–	56	57
7a	Окружность середины диафиза	–	78	–	–	59	60
7:1	Индекс массивности	–	–	–	–	18,7	18,6
6:5	Указатель поперечного сечения	–	92,4	–	–	96,5	97,4
	Лучевая кость (Radius)						
1	Наибольшая длина	–	–	–	245	232	–
2	Физиологическая длина	–	–	–	206	224	-
4	Поперечный Ø диафиза	–	17	–	15	13	14
5	Сагиттальный Ø диафиза	–	13,7	–	14	11	11
3	Наименьшая окружность диафиза	–	49	–	46	39	39
3:2	Указатель массивности	–	–	–	22,4	17,5	–
5:4	Указатель поперечного сечения	–	80,6	–	93,4	84,7	78,6
	Локтевая кость (Ulna)						
1	Наибольшая длина	–	–	–	–	255	241?
2	Физиологическая длина	–	–	226,5	–	224	215
11	Сагиттальный Ø диафиза	–	–	17	16,2	11	11
12	Поперечный Ø диафиза	–	–	14	13	14	12,9
13	Верхний поперечный Ø диафиза	–	–	16,5	–	16,5	16
14	Верхний сагиттальный Ø диафиза	–	–	18	–	15	14
3	Наименьшая окружность диафиза	–	–	40	–	33	30
3:2	Указатель массивности	–	–	19,4	–	14,8	13,96

№	Признак	Индивид 1		Индивид 2		Индивид 11	
		♀	левая	♂	левая	♀	левая
11:12	Указатель поперечного сечения	–	–	121,5	124,7	78,6	85,3
13:14	Указатель платолении	–	–	91,7	–	110	114,3
	Бедренная кость (Femur)						
1	Наибольшая длина	–	–	–	460	433	430
	Длина в естественном положении	–	–	–	451	427	427
2	Мыщелковая ширина	–	–	–	–	76,5	76
21	Сагиттальный Ø середины диафиза	35	37	33,5	32	29	27
7	Поперечный Ø середины диафиза	29	29,5	28	28,9	25	24,8
9	Верхний поперечный Ø	30,8	32	28,5	27	28,1	27,8
10	Верхний сагиттальный Ø	31,8	31	32	33,1	23	23,2
8	Окружность середины диафиза	100	104	95	96	85	82
8:2	Указатель массивности	–	–	–	21,3	19,91	19,3
6:7	Указатель пилястрии	120,7	125,5	119,7	110,8	116	108,9
10:9	Указатель платимерии	–	–	112,3	122,6	81,9	83,5
	Большая берцовая кость (Tibia)						
1	Полная длина	–	–	368	368	–	–
2	Мыщелково-таранная длина	–	–	352	351	–	–
1а	Наибольшая длина	–	–	382	–	–	–
5	Наибольшая ширина верхнего эпифиза	–	–	74	–	–	–
6	Наибольшая ширина нижнего эпифиза	–	–	52	51	–	–
8	Сагиттальный Ø середины диафиза	36,8	–	34	36	–	–
8а	Сагиттальный Ø на уровне пит. отв.	27,8	–	39	39,9	–	–
9	Поперечный Ø середины диафиза	26,8	–	24	23,5	–	–
9а	Поперечный Ø на уровне пит. отв.	26,2	–	27	25,2	–	–
10	Окружность середины диафиза	100	–	94	96	–	–
10б	Наименьшая окружность диафиза	–	–	88	87	–	–
9:8	Указатель сечения	72,9	–	70,6	65,3	–	–
10b:1	Указатель прочности	–	–	23,3	23,7	–	–

№	Признак	Индивид 1		Индивид 2		Индивид 11	
		♀	левая	♂	левая	♀	левая
9a:8a	Указатель платикнемии	94,3	–	69,3	63,2	–	–
10:1	Указатель массивности	–	–	24,9	26,1	–	–
	Малая берцовая кость (Fibula)						
1	Наибольшая длина	–	–	–	–	–	–
	Показатели пропорции и длины тела						
R1:H1	Лучеплечевой указатель	–	–	–	–	77,4	–
T1: F2	Берцово-бедренный указатель	–	–	–	81,6	–	–
H1+R1/ F1+T1	Интермембральный указатель	–	–	–	–	–	–
H1+R1/ F2+T1	Интермембральный указатель	–	–	–	–	–	–
H1:F2	Плече-бедренный указатель	–	–	–	–	70,3	71,9
R1:T1	Луче-берцовый указатель	–	–	–	–	–	–
	Длина тела	–		167,8		162,4	

Таблица 4

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей

Признак	Индивид 9–2 ♂			Индивид 10 ♂			Индивид 2 ♂			Индивид 11 ♀		
	правая	левая	суммарно	правая	левая	суммарно	правая	левая	суммарно	правая	левая	суммарно
Плечевая кость (Humerus)												
Crista tuberculiminoris, crista tuberculimajoris	3	3	3	–	–	–	–	–	–	2	2	2
Tuberositasdeltoidea	3,5	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2	2
Tuberculummajus, tuberculumminus	3	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2	2
Margi lateralis, medialis e anterior, epicondili lateralis et medialis	2,5	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2	2
Средний балл	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2	2
Лучевая кость (Radius)												
Tuberositasradii		2,5	–	–	–	–	–	–	2,5	2,5	2,5	2,5
Margounterossea	–	–	–	–	–	–		2,5	2,5	2	2	2
Бороздки для сухожилий разгибателей	–	–	–	–	–	–		3	3	2	2	2
Processusstyloideus	–	–	–	–	–	–		3	3	2	2	2
Средний балл	–	–	–	–	–	–						
Локтевая кость (Ulna)												
Margointerossea, margoposterior	2	–	–	–	–	–	–	2,5	2,5	2	2	2
Cristamusculisupinatoris	–	–	–	–	–	–		2,5?		2	2	2
Tuberositasulnae	–	–	–	–	–	–		3		2	2	2
Средний балл	–	–	–	–	–	–				2	2	2

Продолжение и окончание Таблицы 4

Признак	Индивид 9–2 ♂			Индивид 10 ♂			Индивид 2 ♂			Индивид 11 ♀		
	правая	левая	суммарно	правая	левая	суммарно	правая	левая	суммарно	правая	левая	суммарно
Бедренная кость (Femur)												
Trochantermajor	–			2			2,5?			2	2	2
Trochanterminor	–	2,5		2	2		2?			2,5	2,5	2,5
Tuberositasglutea	3	3		2			3?	3		2,5	2,5	2,5
Lineaaspera	3	3		2	2		3?	3		2,5	2,5	2,5
Epicondili	–	–	–	–	–	–	2	–	–	2	2	2
Средний балл												
Большая берцовая кость (Tibia)												
Tuberositastibiae		3		2,5			2,5	3	–	–	–	–
Margoanterior, margointerossea		3		3	3?		2,5	2,5	–	–	–	–
Linea musculi solei, musculus soleus		3		2			3	3	–	–	–	–
Бороздки для сухожилий разгибателей	2?	3		2	2?			3	–	–	–	–
Средний балл									–	–	–	–
Малая берцовая кость (Fibula)												
Развитие краев		3	–	–	–	–	3	3	3	–	–	–

УДК 94 (3)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.07

Алексеев Константин Александрович

кандидат философских наук
Филиал Российского государственного
университета им. А. Н. Косыгина в г. Твери
Тверь, Россия
alekseev.k@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9131-6331

ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ХЕТТСКОГО ПЛЕМЕНИ

Аннотация. В статье изложены результаты анализа генофонда древних хеттов с определением происхождения (автохтонного или пришлого) каждой митохондриальной гаплогруппы. Результаты сравнительно-палеогенетического анализа включены в более широкую систему данных археологии и лингвистики, и на основе комплексной оценки сделаны выводы о происхождении хетто-лувийской (анатолийской) группы индоевропейских языков из ареала древнеямной культуры Молдаванской степи. Анализ специфики погребального обряда показал его трансляцию из ямно-буджакской культуры Фракии через Трою II в Царский некрополь в Аладже в долине Галиса — исторические места обитания хеттов. Кроме того, высказаны предположения об обстоятельствах, месте и времени дивергенции хеттов и лувийцев.

Ключевые слова: индоевропейцы, хетты, лувийцы, митохондриальные гаплогруппы, Троя, ямная культура, буджакская культура.

UDC 94 (3)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.07

Alekseev Konstantin A.

Candidate of Philosophical Sciences
The Kosygin Russian State University (Tver branch)
Tver, Russia
alekseev.k@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9131-6331

EXPERIENCE OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF THE HITTITE TRIBE

Abstract. The article presents the results of the analysis of the gene pool of the ancient Hittites with the determination of the origin (autochthonous or alien) of each mitochondrial haplogroup. The results of comparative paleogenetic analysis are included in a wider system of archeological and linguistic data, and on the basis of a comprehensive assessment,

© Алексеев К. А., 2023

conclusions are drawn about the origin of the Hittite-Luwian (Anatolian) group of Indo-Europeans from the area of the ancient Yamnaya culture of the Moldavian steppe. The analysis of the specifics of the funeral rite showed its translation from the Yamno-Budjak culture of Thrace through Troy II to the Royal Necropolis in Aladja in the valley of Galisa — on the historical habitats of the Hittites. Assumptions are also made about the circumstances, place and time of the divergence of the Hittites and the Luwians.

Keywords: Indo-Europeans, Hittites, Lowians, mitochondrial haplogroups, Troy, Yamnaya culture, Budjak Culture.

Введение. Вопрос происхождения хеттов (шире — хетто-лувийцев) и всей анатолийской ветви индоевропейских языков имеет принципиальное значение для индоевропейских исследований, поскольку анатолийская ветвь раньше прочих отделилась от единой семьи[1], и, соответственно, установление места, времени и обстоятельств этой дивергенции может стать ключом для разрешения проблемы индоевропейской прародины и этногенеза всей языковой семьи.

В рамках дискурса о хеттском этногенезе условно можно выделить два историографических направления. Гипотезу об автохтонном происхождении хеттов (они, как и лувийцы, никуда не мигрировали с территории Анатолии) в советские годы высказывали Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов[2], а сравнительно недавно эту идею поддержал А. Г. Козинцев[3].

Противоположное направление исследований основывалось на том, что хетты были пришлым народом в Малой Азии. В частности, Л. А. Гиндин и В. А. Сафронов высказывали гипотезу о приходе хеттов через Дербентский проход (вдоль побережья Каспия) или по берегу Черного моря, в любом случае — с Северного Кавказа, из Волго-Кубанских степей. Что касается лувийцев, то их приход предполагался с Балкан через Геллеспонт (Дарданеллы)[4]. Со своей стороны, Л. С. Клейн утверждал, что и хетты, и лувийцы пришли из ареала баденской культуры (т. е. с Дуная и Балкан), так же, через Геллеспонт, только двумя волнами, повлекшими разрушение Трои I и Трои II в 2500 и 2200 гг. до н. э. соответственно[5]. При этом если согласиться с Сафроновым, что в формировании культуры Новосвободной (которую автор считает

---

1 *Козинцев А. Г.* Начальный этап индоевропейской истории // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 152.

2 *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 ч. Ч. 2. Тбилиси, 1984. С. 863, 869.

3 *Козинцев А. Г.* Указ. соч. С. 154.

4 *Гиндин Л. А.* Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 57, 60; *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 238.

5 *Клейн Л. С.* Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007. С. 140–141.

хеттской) участвовал комплекс Болераз-Баден (еще неразделенный хетто-лувийский, по Клейну), то никакого противоречия в этих двух миграционных моделях не обнаружится[6].

На наш взгляд, именно в части верификации гипотез хеттского этногенеза неоспоримую эффективность может продемонстрировать метод анализа данных о генофонде населения, обитавшего в ареале расселения исторических хеттов, зафиксированных письменными источниками.

Ход и результаты исследования. Первые упоминания индоевропейских имен из Канеса (Несы, см. рис. 1) относятся к ~2000 г. до н. э., а собственно древнехеттские тексты появляются после 1750 г. до н. э.

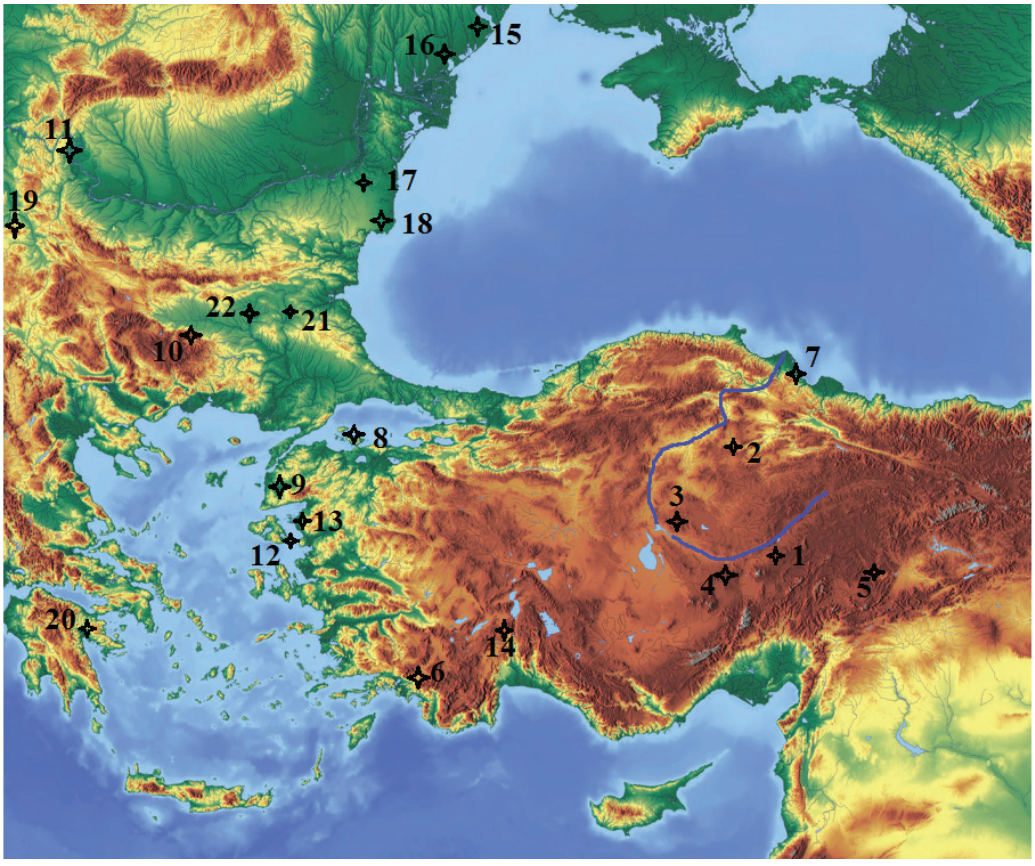

Рис. 1. Древняя Анатолия и Балканы (карта составлена автором)

Цифрами на карте обозначены: 1) Канес; 2) Аладжа-Хююк; 3) Каман-Калехююк; 4) Оваёрен; 5) Арслантепе; 6) Ментеше; 7) Икизтепе; 8) Баркин; 9) Троя; 10) Юнаците; 11) Лепенский Вир; 12) Митилена; 13) Педасос; 14) Бейджесултан; 15) Кошары; 16) Нерушай, Татарбунары; 17) Поручик Гешаново; 18) Плачидол; 19) Рогожевац; 20) Лерна, Аргос; 21) Бояново; 22) Эзеро, Медникарово

[6] *Сафронов В. А.* Указ. соч. С. 225, 237.

Отметим, что имена неситов из Канеса свидетельствуют об уже свершившейся дивергенции анатолийской группы индоевропейских языков на собственно хеттский и лувийский[7]. Более того, к 2000 г. до н. э. анатолийские языки уже *чрезвычайно длительный период* существовали раздельно[8]. В силу этого предметом нашего анализа будет генетический состав именно хеттской популяции.

Для анализа были привлечены восемь митохондриальных ДНК, выявленных у насельников долины Галиса (Кызыл-Ирмак, *тур.* Kızılırmak) бронзового века и данные о которых были опубликованы в 2018 г. группой специалистов под руководством Петера де Барро Дамгаарда (см. табл. 1). Радиоуглеродное определение возраста образцов не проводилось, датирование осуществлялось на основе стратиграфии по традиционной (некалиброванной) шкале. Отчеты о раскопках представлены так, что связать какой-либо погребальный обряд с конкретным индивидом невозможно. Ясно, что часть умерших (дети MA 2203, MA 2205) были погребены под полами своих домов по широко распространенному (как на Ближнем Востоке, так и в Европе, например, в Триполье) обычаю земледельческих племен. Другие умершие (погибшие) вообще не были захоронены надлежащим образом, а просто брошены без погребения посреди дома, где приняли смерть (MA 2206, MA 2208), или были выброшены из своих могил (в порядке их осквернения) в общий колодец (MA 2210, MA 2212, MA 2213)[9].

Таблица 1

Генофонд насельников долины Галиса в Древней Анатолии[10]

Индивид	mtHg	Место обнаружения	Период
MA 2210	H	Оваёрен, провинция Невшехир, Турция	Ранняя бронза (EBA II) 2200–2100 гг. до н. э.
MA 2212	W5		
MA 2213	J1c10a		
MA 2205	J2b1	Каман-Калехююк, провинция Киршехир, Турция	Период ассирийских колоний 2000–1750 гг. до н. э.
MA 2206	U1a		
MA 2208	H6a1b2e		
MA 2200	K1a+150		Древнехеттский период (1750–1500 гг. до н. э.)
MA 2203	J1c		

Представленная выборка явственно распадается на два неравных кластера, которые мы условно обозначим как автохтонный и пришлый. К автохтонному кластеру мы относим те гаплогруппы, которые встречаются в Анатолии (или в сопредельных регионах Древнего Востока) в периоды, предшествующие раннему бронзовому веку.

---

[7] *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник древней истории. 1982. № 3 (161). С. 11.

[8] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Указ. соч. С. 860.

[9] The first horse herders and the impact of early bronze age steppe expansions into Asia / P. de Barros Damgaard et al. // Science. 2018. Vol. 360. № 6396. Eaar7711. Supplementary materials S1.5.1–2.

[10] Ibid. Tab. S15.

• J1c — встречается в Баркине в период 5525–5160 гг. до н. э.[11] и дважды — в Арслантепе (современная турецкая провинция Малатья, Восточная Анатолия, 4934–4681 BP, что должно соответствовать 2984–2731 гг. до н. э. по некалиброванной датировке)[12]. Потомком этой гаплогруппы является субклад J1c10a, непосредственный предок которого — J1c10 — встречается еще в Ганжи-Даре (6965–6830 гг. до н. э.) в Иране[13]. Очевидно, перед нами довольно стабильная древневосточная популяция.

• Митохондриальная гаплогруппа (mtHg) H широко встречается в культурах, атрибутируемых как индоевропейские, она проявляется у тохар в Восточном Туркестане и в культуре Баден[14], что само по себе может подтверждать гипотезу Л. С. Клейна. Тем не менее для Анатолии она является автохтонной и скорее подтверждает гипотезу К. Ренфрю об анатолийском происхождении всех индоевропейцев, чем гипотезу возвратного движения хеттов с Дуная в Малую Азию. До недавнего времени исследователи не могли с точностью определить, она ли присутствует в Ментеше близ Мармариса (5085±35 г. до н. э.) или это гаплогруппа H5-C16192T[15]. Однако после публикации в 2020 г. сведений о mtHg H из Арслантепе (4906 BP, 2956 г. до н. э. по некалиброванной шкале)[16] сомнения относительно гаплогруппы из Ментеше отпадают.

• K1a+150 — очень редкая гаплогруппа встречается в Баркине (5525–5160 гг. до н. э.) в форме K1a-C150T[17].

• U1a — несомненно, автохтонная. Ее филиальный субклад U1a1d встречается в Арслантепе в Восточной Анатолии (4516 BP, 2566 г. до н. э.)[18], что предполагает бытование и мутацию гаплогруппы на территории Анатолии. Точные совпадения обнаруживаются за пределами Анатолии — в Тепе-Гиссаре (в древней Гиркании, 2810±25 г. до н. э.) при допущении, что это может быть mtHg U1c[19].

• J2b1 — вероятно, автохтонная, встречается в Актопраклике в Западной Анатолии (7602 BP, 5652±30 г. до н. э.)[20]. При этом несомненно, что носители mtHg J2b1 на заре неолита мигрировали на Балканы, где указанная гаплогруппа обнаруживает себя в Лепенском Вире на Дунае (современная Сербия,

---

[11] The genomic history of Southeastern Europe / I. Mathieson et al. // Nature. 2018. Vol. 555. Sup. Tab. 1.

[12] Genomic history of neolithic to bronze age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus / E. Skourtanioti et al. // Cell. 2020. Vol. 181. Tab. S1, S9.

[13] The genomic history of Southeastern Europe. Sup. Tab. 1.

[14] *Алексеев К. А.* К вопросу о происхождении индо-иранцев и тохар в свете новейших данных генетики // Genesis: Исторические исследования. 2020. № 12. С. 39–40.

[15] The genomic history of Southeastern Europe. Sup. Tab. 1.

[16] Genomic history of neolithic to bronze age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus. Tab. S1, S9.

[17] The genomic history of Southeastern Europe. Sup. Tab. 1.

[18] Genomic history of neolithic to bronze age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus. Tab. S1, S9

[19] The genomic formation of South and Central Asia / V. M. Narasimhan et al. // Science. 2019. Vol. 365. Sup. materials. Data S1.

[20] *Hofmanov'a Z.* Palaeogenomic and biostatistical analysis of ancient DNA data from mesolithic and neolithic skeletal remains. Mainz, 2016. P. 24, tab. 7; P. 45, tab. 14.

5205±54 г. до н. э.)[21]. Таким образом, допустимо, хотя и необязательно, другое объяснение ее появления в хеттском генофонде — как возвратная миграция с Балкан.

• Те же предположения рождаются в отношении mtHg W5. Она встречается в Баркине 7499 BP (5549±30 г. до н. э.)[22], а потом обнаруживает себя в Юнаците (скелет № 103, идентификатор I0787 / ACAD 15612A), в слое, относящемся к культуре Криводол[23]. Сама эта культура входит в блок с Сэлкуца III и Бубани-Хум, синхронизируемая с Трипольем B II, является завершающей фазой энеолита на Балканах, следуя за блоком Гумельница – Коджадермен – Караново VI[24]. Таким образом, применительно к mtHg W5 можно говорить о возвратной миграции с Балкан.

Тем не менее из восьми гаплогрупп безусловно автохтонными являются пять (62,5 % хеттского генофонда), еще две гаплогруппы (25 %), вероятно, являются автохтонными. Сама по себе численность автохтонного кластера дает основание для принятия гипотезы об автохтонном происхождении хеттов. Гидронимика региона как будто подтверждает, что формирование и развитие общеанатолийского языка (после его выделения из общеиндоевропейского) происходило именно на территории Малой Азии[25]. Однако все приводимые Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым гидронимы (Hulana, Haraas-hapaas, Marassanta — собственно античный Галис) обнаруживают изоглоссы с другими индоевропейскими языками, что позволяет выделить общеиндоевропейские корневые основы: *hulno — волна; *hap — река; *mar — море. А это, в свою очередь, свидетельствует скорее в пользу более общей гипотезы Гамкрелидзе, Иванова и К. Ренфрю об анатолийской прародине всех индоевропейцев, чем в пользу автохтонности хеттов и лувийцев. Другой набор лексем, приводимый И. Сингером и Дж. Стейнером, указывает на то, что хетты все-таки были пришлыми, а не автохтонными насельниками Малой Азии[26].

В системной связи с этим утверждением лингвистов находится одна единственная, несомненно, пришлая mtHg H6a1b2e (12,5 % хеттского генофонда). Появление ее в Малой Азии в строго определенный период ранней бронзы может быть объяснено только данными археологии, которые свидетельствуют о приходе в долину Галиса около 2200 г. до н. э. носителей специфического обряда погребения в ямах, окруженных неправильной каменной кладкой, перекрытых деревянными балками, в сопровождении коровьих черепов и копыт[27]. У историков нет сомнений, что этими пришельцами были именно

---

[21] The genomic history of Southeastern Europe. Sup. Tab. 1.

[22] *Hofmanov'a Z.* Cit. op. P. 24, tab. 7; P. 45, tab. 14.

[23] The genomic history of Southeastern Europe. Sup. note 1. P. 14–15.

[24] *Манзура И. В.* Владеющие скипетрами // Stratum plus. 2000. № 2. С. 255.

[25] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Указ. соч. С. 861.

[26] *Мэллори Дж. П.* Индоевропейские прародины // Вестник древней истории. 1997. № 1. С. 75–76.

[27] *Акургал Э.* Анатолия (Малая Азия) // История человечества: в 8 т. М., 2003. Т. 2. С. 216.

индоевропейские хетты[28]. С нашествием индоевропейцев также связывается пожар и разрушение Трои IIg (по К. Блегену — ок. 2200 г. до н. э., по Дж. Меллаарту — 2300 г. до н. э.) с той разницей, что Дж. Меллаарт, Л. С. Клейн и В. А. Сафронов полагали, что разрушителями были лувийцы, уже отделившиеся от хеттов[29].

Таким образом, интеграция различных методов палеогенетики, археологии и лингвистики дает нам конвенциональную картину безусловно пришлого характера хеттского населения в долине Галиса — носителей митохондриальной гаплогруппы H6a1b2e.

Остается выяснить, откуда хетты пришли в Анатолию. В силу своей далеко зашедшей мутации совершенно однозначно этот интересующий нас субклад не может считаться латентным для Анатолии, но возникшим вне региона Ближнего Востока. Кроме хеттов гаплогруппа встречается в форме предкового субклада H6a1b только в ямной (курган Кутулюк, Самарская область, 2420±75 г. до н. э.) и Афанасьевской (Усть-Куюм, Алтай, 2310±35 г. до н. э.) культурах[30]. Это обстоятельство как будто подтверждает гипотезу Сафронова и Гиндина о приходе хеттов из Волго-Кубанских степей. Это наиболее короткий путь миграции, однако совершенно дискретный, так как отсутствует четко выстроенная логистическая цепочка миграции ямников с Кубани через Большой Кавказ, Колхиду и Риони в Анатолию (если миграция шла по побережью Черного моря). Напротив, в последние годы исследователи отказались от предположения о культурном влиянии степных и древнеямных племен на кавказские культуры[31]. Культурные тенденции шли не с Волги на Кавказ, а именно в обратном направлении: высокие культуры Кавказа и Закавказья, особенно их металлургические технологии, оказывали влияние на Степь вплоть до того, что сама идея кургана, возможно, пришла в Степь из Майкопа[32].

На наш взгляд, путь проникновения волжской mtHg H6a1b2e в Анатолию был более долгим, огибающим Черное море по северной дуге. **При этом предварительно оговоримся, что в момент начала миграции с Волги на запад носители mtHg H6a1b2e еще не были индоевропейцами и не говорили на хетто-лувийских языках.**

На пути миграции значимой точкой является могильник Кошары I на Тилигульском лимане между Одессой и Николаевом. Могильник функционировал довольно длительное время в период 3230–2970±70 гг. до н. э. Исследователи

---

[28] *Bryce T.* The Kingdom of the Hittites. Oxford, 2005.

[29] *Клейн Л. С.* Указ. соч. С. 141; *Сафронов В. А.* Указ. соч. С. 240.

[30] The genomic formation of South and Central Asia / V. M. Narasimhan et al. // Science. 2019. Vol. 365. № 6457. Sup. mat. Data S1.

[31] *Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г.* Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры. СПб., 2005. С. 83.

[32] *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // Российская археология. 2004. № 1. С. 97.

причисляют его к постстоговской (новоданиловской) культурной традиции[33], характерной чертой которой являются овальные могильные ямы[34].

Происхождение насельников Кошар I с Волги (по крайней мере, из контактной зоны Хвалынск – Средний Стог) подтверждается таким культурным маркером, как набедренные пояса хвалынского типа[35]. Являясь наследниками культурных традиций Хвалынска и Новоданиловки, насельники Кошар I вполне могли принести с собой в Буджакскую степь широко распространенный в Хвалынске ритуал заклания крупного рогатого скота и погребения останков коров вместе с останками людей[36]. Подобный ритуал отмечен в более раннем, сугубо среднестоговском (новоданиловском) могильнике Джурджулешты[37].

В период 2820–2620 гг. до н. э., который С. В. Иванова именует *протобуджакским горизонтом*, постстоговский элемент сливается *с той энеолитической традицией, которая уже неотличима от ямной*[38], в результате чего формируется собственно буджакская культура, которая, таким образом, оказывается явлением относительно поздним, которому предшествует очень длительный энеолитический горизонт. По существу, С. В. Иванова имеет в виду ту энеолитическую традицию, в которой могильные ямы приобретают прямоугольное очертание, перекрыты деревом, покойники уложены скорченно на спине (как в среднестогской культуре) и ориентированы на запад (в отличие от Джурджулешт и Кошар I, где покойники в большинстве случаев ориентированы на восток и северо-восток[39]).

В. А. Сафронов называл такой набор ритуальных признаков (курган, деревянное перекрытие, западная ориентация) *древнеямным культурным ядром,* древнейшим памятником которого в Молдаванской степи был, по его мнению, курган Думяны, по сопровождающей его керамике относимый к периоду Триполье B I–II[40]. В силу этого мы не видим оснований для использования столь витиевато-неопределенной терминологии, которую применяет С. В. Иванова.

Вопрос о генезисе ямных древностей в Пруто-Днестровском междуречье выходит за рамки настоящего исследования, при этом мы вполне допускаем, что в генезисе древнеямной культуры участвовали насельники Джурджулешт и выходцы из Новоданиловки, Хвалынска и Среднего Стога, однако применительно к судьбе носителей волжской mtHg H6a1b2e совершенно очевидно,

---

[33] *Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е.* Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса, 2005. С. 108.

[34] *Иванова С. В.* Об истоках формирования буджакской культуры // Старожитності степового Причерномор'я і Криму. Вип. XVI. Запоріжжя, 2012. С. 29.

[35] *Петренко В. Г.* Проблема «Триполье и Степь» и памятники энеолита — ранней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Вип. 9. Одеса, 2009. С. 20.

[36] *Манзура И. В.* Указ. соч. С. 258.

[37] *Петренко В. Г.* Указ. соч. С. 20.

[38] *Иванова С. В.* Об истоках формирования буджакской культуры. С. 31.

[39] *Котова Н. С.* Ранний Энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006. С. 66–68.

[40] *Сафронов В. А.* Указ. соч. С. 200–201.

что его обладатели уже **пост**стоговской культурной традиции вливаются в бытующую сравнительно длительное время в Молдаванской степи древнеямную культуру. Это включение в ямную культуру происходит между прекращением функционирования Кошар I (2970 г. до н. э.) и началом бытия собственно буджакской культуры (2620 г. до н. э.). Постстоговцы (носители mtHg H6a1b2e) не представляли собой элиту вновь образованной буджакской культуры, не составляли большинства населения, не изменили ее антропологического состава (который характеризуется как средиземноморский[41], в отличие от гимперморфного протоевропейского типа среднестоговцев и хвалынцев), а следовательно, не изменили и лингвистического статуса. Среднестоговский (новоданиловский) элемент **лишь присутствовал** в буджакской культуре (со своими овальными ямами и погребениями коров), несомненно, приняв язык древних ямников.

Ретроспективно учитывая, что в Анатолии носители mtHg H6a1b2e говорили на хетто-лувийских языках, мы можем утверждать, что та энеолитическая традиция, которая уже неотличима от ямной (по терминологии Ивановой), или, собственно, ***древнеямное культурное ядро*** **(по терминологии Сафронова), в состав которого в период 2970–2620 гг. до н. э. вливаются постстоговские мигранты с Волги, изначально была сформирована именно хетто-лувийцами.**

Таким образом, происхождение анатолийских индоевропейцев оказывается теснейшим образом связанным со сложнейшей проблемой происхождения собственно ямных древностей, и это тема отдельного исследования.

Обратим внимание, что в наших предшествующих работах мы утверждали, что протогреки также происходят из ареала буджакской кульутры (которую Л. С. Клейн называл нерушайской). Противоречия здесь нет, поскольку по нашей схеме протогреки сами влились в состав будущей буджакской культуры около 3040 г. до н. э. аналогично вхождению в ее состав постстоговцев (носителей mtHg H6a1b2e), при этом древние ямники (протохетто-лувийцы) в Молдаванской степи обитали задолго до включения в свой состав иных групп населения — начиная с 3400 г. до н. э., быть может, даже ранее[42]. Собственно, возникновение буджакской культуры как археологического феномена может быть результатом именно консолидации различных этнических компонент. Другой вопрос, что протогреки в рамках буджакской культуры сумели сохранить свою лингвистическую идентичность, а носители mtHg H6a1b2e ее утратили, став в конце концов хетто-лувийцами.

На Балканах ямная (буджакская) культура появляется уже как единый комплекс всех интегрированных в нее элементов. Болгарские археологи отмечают две волны ямной экспансии за Дунай. Первая приходится на период Эзеро А (слои XIII–VIII), когда еще отсутствуют каменные гробницы

---

41 *Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е.* Указ. соч. С. 145.

42 См.: *Алексеев К. А.* Дивергенция палеобалканской группы индоевропейцев и освоение ими Балкано-Анатолийского региона в бронзовом веке // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 1. С. 122–123.

и шнуровой орнамент. Вторая волна, которая нас интересует, приходится на период Эзеро В – Михалич, синхронизируемый с ранней бронзой II (ЕВА / РБВ II)[43]. Она отмечена курганами Поручик Гешаново (2410±50 г. до н. э.) и Плачидол (2220±50 г. до н. э.) в Нижней Мезии[44]. В Плачидоле обнаруживаются погребения постстоговского типа (овальные ямы)[45], что позволяет нам считать, что именно вторая волна ямной экспансии принесла на Балканы mtHg H6a1b2e, надежно связанную с постстоговской культурной традицией.

Докатившись до Нижней Мезии, ямная волна разделилась: часть мигрантов продвинулась вверх по Дунаю вплоть до Верхней Мезии, где оставила курганы с характерными каменными ящиками-цистами в Рогойеваце[46], близ Крагуеваца, а также в Белотиче и Бела Церкве (Belotić, Bela Crkva между Валево и Лозницей) — все находятся на территории современной Сербии[47]. Л. Николова отмечает, что элементы ритуала Рогойеваца ранее не были известны на Балканах, что позволяет отнести всю верхнемизийскую группу ямных погребений к РБВ II–III[48].

Как известно, отличительным признаком культуры древних греков, пришедших в Элладу, являются погребения в каменных ящиках, составленных из монолитных плит[49]. Этот элемент ранее действительно был обнаружен в буджакской культуре. На основании безусловного наличия каменных погребальных ящиков мы полагаем, что именно верхнемизийские ямники были предками исторических греков. Поднявшись по Мораве, они вышли к северному побережью Эгеиды на участке впадения Вардара, Струмы и Марицы. Здесь в период 2200–2100 гг. до н. э. греки вступили в контакт с жителями Трои II–III, у которых смогли заимствовать гончарный круг. Эту технологию около 2100 г. до н. э. они принесли в Элладу (на Пелопоннес, Лерну IV)[50].

Другая часть ямников из Нижней Мезии двинулась на юг, перешла Балканский хребет и осела в районе Ямбола во Фракии. Характерным памятником здесь является группа курганов Бояново, относимая к периоду ЕВА II (Михалич)[51]. В Бояново из Плачидольской группы транслируется постстоговский ритуал с овальными могильными ямами (рис. 2), и допустимо предполагать mtHg H6a1b2e.

---

[43] *Александров С.* Могилни гробове от ранната бронзова епоха в Тракия (55 години по-късно) // Археология (София). 2015. Кн. 1–2. С. 36, 38.

[44] *Иванова С. В.* Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области // Российская археология. 2014. № 2. С. 18.

[45] *Иванова С. В.* Об истоках формирования буджакской культуры. С. 29.

[46] Такое написание у Л. Николовой (см. сноску 47); на картах — Рогојевац.

[47] *Николова Л.* Ямная культура на Балканах // Stratum plus. 2000. № 2. С. 441; *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974. С. 79, 80.

[48] *Николова Л.* Указ. соч. С. 445.

[49] *Монгайт А. Л.* Указ. соч. С. 41.

[50] *Алексеев К. А.* Дивергенция палеобалканской группы индоевропейцев… С. 117–118.

[51] *Iliev I.* The Pit Grave culture in the lower Tundzha valley // Studia Praehistorica (Sofia). 2011. № 14. P. 3392.

Рис. 2. Бояново, Лозянский курган, могила № 5

Источник: Александров С. Могилни гробове от ранната бронзова епоха в Тракия (55 години по-късно) // Археология (София). 2015. Кн. 1–2. С. 33.

Болгарские археологи отмечают, что ямники, проживавшие в районе Ямбола, еще сохраняли свою культурную идентичность — *классическую курганную модель*, как выражается С. Александров[52]. Часть их продвинулась на запад — в район Нова Загора и Раднево. Шнуровой орнамент в культуре Эзеро появляется именно на этапе B[53] как свидетельство второй волны ямного влияния. При этом в ходе контактов с местным населением происходит явная деградация ямного ритуала: в могилах постепенно исчезает деревянное перекрытие (в Медникарово)[54] и охра[55].

Именно на основании отсутствия во фракийской группе характерных погребений в каменных ящиках, а также в силу заметной деградации ямных культурных традиций мы не можем считать, что ямные насельники Фракии были непосредственными предками тех греков, которые около 2100 г. до н. э. пришли в Элладу. Напротив, овальная форма могил дает основание полагать, что ямные насельники Фракии были именно носителями mtHg H6a1b2e и хетто-лувийских диалектов, которые пришли на Галис около 2200 г. до н. э. Не исключено, что, обитая во Фракии, хетто-лувийцы включили в состав своего генофонда местное население (гаплогруппы W5, J2b1), хотя это совершенно необязательно.

По нашему мнению, нашествие ямников не было причиной разрушения Трои II около 2200 г. до н. э., наоборот, носители mtHg H6a1b2e (т. е. хетто-лувийцы) некоторое время проживали в Трое II на правах этнического меньшинства.

---

[52] *Александров С.* Указ. соч. С. 38.

[53] *Иванова С. В.* Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области. С. 15.

[54] *Николова Л.* Указ. соч. С. 434, 442.

[55] *Александров С.* Указ. соч. С. 41.

Вновь обратим внимание на хеттский погребальный ритуал — сугубо ямный (с деревянными перекрытиями), с элементами хвалынско-среднестоговской обрядности (коровьи черепа и копыта), с облицовкой могильных ям изнутри отдельными камнями (рис. 3) — и сравним его с ритуалом погребения в Бояново (рис. 4).

Рис. 3. Могильные цисты хеттов в Аладжа-Хююке

Источник: Zimmermann T. Early Bronze Age elites: A fresh look at some old and new evidence from West and Central Anatolia // Early Bronze Age Troy: chronology, cultural development and interregional contacts. Bonn, 2016. P. 278.

Рис. 4. Бояново, курган 1, центральное погребение

Источник: Iliev I. The Pit Grave culture in the lower Tundzha valley // Studia Praehistorica (Sofia). 2011. № 14. P. 383–385.

На наш взгляд, за исключением формы могил их внутренняя архитектоника идентична, что позволяет утверждать трансляцию ямной обрядности из Бояново в Аладжа-Хююк (на исторические места обитания хеттов). Конкретно мы видим облицовку могильных ям изнутри, причем именно отдельными камнями, а не монолитными плитами. И эта обрядность характеризует именно хеттов во Фракии. Обратим внимание, что ямный обряд у хеттов в долине Галиса заметно деградировал, в частности отсутствует такой важнейший элемент ямного ритуала, как курганная насыпь.

При этом трансляция ямного ритуала из Бояново в Аладжа-Хююк была не прямой, но именно через Трою II. По нашему мнению, в ходе второй волны экспансии на Балканы ямники не останавливаются в Ямболе, а переходят Геллеспонт и поселяются, быть может, не в самом городе, но, по крайней мере, в его окрестностях — в Троаде — около 2400 г. до н. э., что соответствует рубежу слоев b–c Трои II. Именно к этим слоям К. Блеген относит характерное безынвентарное захоронение женщины примерно тридцатилетнего возраста на левом боку в скорченном положении в яме, обложенной *небольшими обломками камней*[56]. Ритуал и по положению погребенной, и по оформлению могилы совершенно аналогичен центральному погребению в кургане 1 Боянова (см. рис. 4).

Очень важно, что, по описанию К. Блегена, речь идет не о монолитных плитах, плотно подогнанных друг к другу и образующих ящик (как в греческой традиции), а именно об **отдельных камнях** в качестве внутренней облицовки могильной ямы. Иными словами, о той же архитектонике, что в Бояново и Аладжа-Хююке.

При крайне низкой выборке (всего 4–5 надлежащим образом погребенных троянцев Второго города) единственное погребение с облицовкой камнями является достаточно ярким и своеобразным, отличным от погребений в пифосах (сосудах) и под полами домов. Последние обряды следует считать древними, неолитическими, автохтонными для Анатолии. В силу этого можно с осторожностью предположить, что удельный вес ямников, переселившихся в Троаду, составлял 20–25 % населения Трои II и окрестностей. Эта относительная малочисленность объясняет, почему в течение 7–8 поколений (2400–2200 гг. до н. э.) язык и культура мигрантов — носителей mtHg H6a1b2e и хетто-лувийского диалекта — нисколько не изменили культурного облика и этнического состава Трои II.

Аналогичную модель отношений автохтонного населения и ямных мигрантов (вне категорий «господство – подчинение», «субстрат – суперстрат») мы наблюдаем в Эзеро В и Медникарово: ямный обряд деградирует и трансформируется, ямники активно пользуются местной керамикой, при этом местное население перенимает шнуровой орнамент. При этом Эзеро В остается самостоятельной

[56] *Блеген К.* Троя и троянцы. М., 2004. С. 44; *Blegen C. W., Caskey J. L., Rawson M., Sperling J.* Troy. Vol. I: General introduction. The first and second settlements. Princeton, 1950. P. 255.

культурой, не утрачивающей собственной идентичности, не принимающей язык мигрантов. То же происходило в Трое II: в нее проникает ямный обряд внутренней облицовки могил отдельными камнями, а под ее влиянием ямники отказываются от курганной обрядности.

Здесь необходимо сделать отступление относительно населения Трои и присутствия в его составе хетто-лувийцев. Л. А. Гиндин как будто первым высказал, на наш взгляд, ошибочную точку зрения, что основателями Трои I были протофракийцы[57], и эту мысль повторяли затем многие лингвисты[58]. На самом деле основателями Трои I были насельники рядом расположенного энеолитического поселения Кумтепе B (3300–3000 гг. до н. э.)[59], и на протяжении последующих пяти периодов городского строительства (Троя I–V) не происходило никакой принципиальной смены ни населения, ни культуры вплоть до возникновения Илиона (Троя VI–VIIa)[60], который мы считаем основанным фригийцами[61]. Таким образом, если допустить, что Трою I основали протофракийцы, это значит, что они к 3300 г. до н. э. уже выделились из состава палеобалканской и аугментной макрогрупп, первым делом основав Кумтепе B. С точки зрения глоттохронологии такое предположение совершенно недопустимо. В силу этого мы склонны согласиться с западными специалистами, утверждающими, что на данной стадии исследований невозможно установить происхождение основателей Кумтепе B и насельников Трои I–V[62].

Что касается присутствия в составе населения Трои хетто-лувийцев, то этот факт подтверждается многочисленными топонимами из окрестностей гомеровского Илиона с корнем *-κιλ-* и присоединением в греческой трансляции еще одного суффиксального *λ* (например, Κιλλαίος — река, стекающая с вершины *холмистой Иды*), этимология которых связана с сугубо *хет*. hila — двор бога, т. е. храм (по всей видимости, Аполлона), иными словами — сакральными местами. Более профанное происхождение имеет название города Педасос (Πηδασος) в Адрамиттийском заливе напротив Лесбоса (от инактивного *хет.* peda — место[63]). Таким образом, хетты, несомненно, проживали в Троаде. Вопрос в другом: сохранились ли эти топонимы от периода 2400–2200 гг. до н. э. или являются гораздо более поздними, относящимися к периоду существования Илиона (1800–1250 гг. до н. э.)? Второе предположение представляется более вероятным и основательным.

---

[57] *Гиндин Л. А.* Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы… С. 56; *Его же.* Население гомеровской Трои: историко-филологическое исследование по этнологии древней Анатолии. М., 1993. С. 15

[58] *Соломатина Е. И.* Лесбос эпохи бронзы // Античный мир и археология. 2015. № 17. С. 6–7.

[59] The Oxford handbook of Ancient Anatolia. Oxford, 2011. P. 719.

[60] *Акургал Э.* Указ. соч. Т. 2. С. 212.

[61] *Алексеев К. А.* Дивергенция палеобалканской группы индоевропейцев… С. 116–117.

[62] The Oxford handbook of Ancient Anatolia. P. 162.

[63] *Гиндин Л. А.* Население гомеровской Трои… С. 59–60.

Заключение. На основе проведенного анализа можно сделать ряд выводов относительно происхождения и судьбы хеттского племени. Присутствие в хеттском генофонде, по крайней мере, одной чуждой для Малой Азии митохондриальной гаплогруппы, связанной с Волгой, однозначно позволяет считать хеттов пришлым народом в Анатолии. При этом сами по себе носители mtHg H6a1b2e не были ни хетто-лувийцами, ни даже индоевропейцами. Они были носителями постстоговской культурной традиции, характерными чертами которой были набедренные пояса хвалынского типа и овальные могильные ямы на таких археологических памятниках, как Кошары I (в Буджакской степи), Плачидол (в Нижней Мезии) и Бояново (во Фракии).

В период 2970–2620 гг. до н. э. постстоговские носители mtHg H6a1b2e вливаются в состав формирующейся буджакской культуры и именно в этот момент принимают индоевропейский язык ее носителей.

Таким образом, мы полагаем, что истинными хетто-лувийцами (еще до включения в их состав мигрантов с Волги) были древние (энеолитические) ямники Молдаванской степи.

В период Эзеро B – Михалич – Троя II b-c (ок. 2400 г. до н. э.) происходит вторая волна миграции ямников на Балканы. Заметно деградировавший (но все же с ямными признаками) погребальный обряд хеттских царей в Аладжа-Хююке с характерной внутренней облицовкой могил отдельными камнями указывает на приход всей анатолийской ветви индоевропейских диалектов именно из Фракии, где бытовали и как таковые ямные древности, и аналогичные приемы оформления погребальных ям (Бояново).

Промежуточной остановкой хетто-лувийцев на пути из Фракии на Галис, вероятно, была Троя II. Ямный элемент составлял четверть троянского населения (не более 25 %). Очевидно, именно под влиянием троянской культуры в период 2400–2200 гг. до н. э. происходит деградация ямного ритуала (исчезает курганный обряд).

Около 2200 г. до н. э. в Трое II происходит некоторый социальный конфликт, в ходе которого, очевидно, произошло историческое разделение единой анатолийской группы диалектов на собственно хеттский (неситский) и лувийский. Хетты ушли из Трои II на исторические места обитания в долину Галиса, а лувийцы, вероятно, заселяют Бейджесултан XII в исторической Лидии (близ современной Ыспарты), синхронный с Царским некрополем в Аладжа-Хююке[64]. Дивергенция на рубеже Трои II–III вполне отражает тот феномен, который Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов именовали *чрезвычайно длительным периодом* раздельного существования хеттов и лувийцев — к 2000 г. до н. э. этот период составлял уже 200 лет.

Представленная модель хеттского этногенеза является сугубо предварительной и открытой для критики. Полную доказательную силу модель приобретет,

[64] *Авилова Л. И.* Анатолийские клады металлических изделий. М., 2018. С. 27; *Маккуин Дж. Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. С. 23, 24.

когда появятся данные по палеогенетике лувийцев и троянцев I–V городов. В настоящий момент по населению Трои (не только I–V, но также VI–VIIa) палеогенетических данных не опубликовано вовсе (при крайне малом числе известных погребений), а для насельников территории исторического обитания лувийцев (древняя Арцава, современная турецкая провинция Ыспарта) применительно к периоду 2090–1975 гг. до н. э. опубликовано всего три гаплогруппы (K1a, H, T2b)[65] и все они имеют анатолийское (автохтонное) происхождение. Таким образом, лувийская выборка оказывается нерепрезентативна, хотя бы в сравнении с хеттским генофондом, для которого имеются данные о восьми гаплогруппах, из которых первая — пришлая, позволяющая выстроить историческую ретроспективу.

Литература

1. Авилова Л. И. Анатолийские клады металлических изделий: очерки металлопроизводства и культурного контекста. М.: Институт археологии РАН, 2018. 248 с.

2. Акургал Э. Анатолия (Малая Азия) // История человечества: в 8 т. Т. 2. М.: ЮНЕСКО; ИД «Магистр-Пресс», 2003. С. 209–227.

3. Александров С. Могилни гробове от ранната бронзова епоха в Тракия (55 години по-късно) // Археология (София). 2015. Год LVI. Кн. 1–2. С. 33–48.

4. Алексеев К. А. Дивергенция палеобалканской группы индоевропейцев и освоение ими Балкано-Анатолийского региона в бронзовом веке // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 1. С. 111–129.

5. Алексеев К. А. К вопросу о происхождении индо-иранцев и тохар в свете новейших данных генетики // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 34–43. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.12.34080

6. Блеген К. Троя и троянцы. М.: Центрполиграф, 2004. 221 с.

7. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: [в 2 ч.]. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. XCVI+1330 с.

8. Гиндин Л. А. Население гомеровской Трои: историко-филологическое исследование по этнологии древней Анатолии. М.: Наука, 1993. 210 с.

9. Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 54–65.

10. Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник древней истории. 1982. № 3 (161). С. 3–30.

11. Иванова С. В. Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области // Российская археология. 2014. № 2. С. 5–20.

12. Иванова С. В. Об истоках формирования буджакской культуры // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму: збірник наукових праць. Т. 16. Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2012. С. 18–62.

13. Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра / Ин-т археологии НАН Украины. Одесса: Изд-во КП ОГТ, 2005. 207 с.

[65] The genomic history of Southeastern Europe. Sup. Tab. 1.

14. Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб.: [б. и.], 2007. 226 с.

15. Козинцев А. Г. Начальный этап индоевропейской истории: свидетельства лингвистики, палеогенетики и археологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 152–157.

16. Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры. СПб.: Европейский дом, 2005. 316 с.

17. Котова Н. С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: СНУ им. В. Даля, 2006. 328 с.

18. Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М.: Наука, 1983. 183 с.

19. Манзура И. В. Владеющие скипетрами // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2000. № 2. С. 237–295.

20. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. 428 с.

21. Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародины // Вестник древней истории. 1997. № 1. С. 61–82.

22. Николова Л. Ямная культура на Балканах (Динамика структуры погребального обряда и соотношение с другими культурами ранней бронзы) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2000. № 2. С. 423–458.

23. Петренко В. Г. Проблема «Триполье и Степь» и памятники энеолита — ранней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Матеріали з археології Північного Причорномор'я = Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вип. 9. Одеса: Фаворит, 2009. С. 10–38.

24. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 398 с.

25. Соломатина Е. И. Лесбос эпохи бронзы по археологическим, мифо-эпическим и клинописным свидетельствам // Античный мир и археология. 2015. № 17. С. 3–23.

26. Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // Российская археология. 2004. № 1. С. 84–99.

27. Blegen C. W., Caskey J. L., Rawson M., Sperling J. Troy. Vol. I: General introduction. The first and second settlements. Princeton: Princeton University Press, 1950. 396 p.

28. Bryce T. The Kingdom of the Hittites. Oxford: Oxford University Press, 2005. XX+554 p.

29. Genomic history of neolithic to bronze age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus / E. Skourtanioti et al. // Cell. 2020. Vol. 181. P. 1158–1175.e28. DOI: 10.1016/j.cell.2020.04.044

30. Hofmanov´a Z. Palaeogenomic and biostatistical analysis of ancient DNA data from Mesolithic and Neolithic skeletal remains: dissertation. Mainz, Johannes Gutenberg University Press, 2016. 180 p.

31. Iliev I. The Pit Grave culture in the lower Tundzha valley // Studia Praehistorica (Sofia). 2011. № 14. P. 381–398.

32. The first horse herders and the impact of early bronze age steppe expansions into Asia / P. de Barros Damgaard et al. // Science. 2018. Vol. 360. № 6396. Eaar7711. P. 1420–1422. Supplementary materials. DOI: 10.1126/science.aar7711

33. The genomic formation of South and Central Asia / V. M. Narasimhan et al. // Science. 2019. Vol. 365. P. 997–1002. Supplementary materials. DOI: 10.1126/science.aat7487

34. The genomic history of Southeastern Europe / I. Mathieson et al. // Nature. 2018. Vol. 555. P. 197–203. Supplementary note. P. 1–58. DOI: 10.1038/nature25778

35. The Oxford handbook of Ancient Anatolia / S. R. Steadman, G. McMahon (ed.). Oxford University Press, 2011. 1174 p.

36. Zimmermann T. Early Bronze Age elites: A fresh look at some old and new evidence from West and Central Anatolia // Early Bronze Age Troy: chronology, cultural development and interregional contacts. Proceedings of an International conference held at the University of Tübingen May 8–10, 2009 / edited by Ernst Pernicka, Sinan Ünlüsöy & Stephan W. E. Blum. Bonn, 2016. P. 277–287.

References

1. Avilova L. I. Anatoliiskie klady metallicheskikh izdelii: ocherki metalloproizvodstva i kulturnogo konteksta [Anatolian hoards of metal products: essays on metal production and cultural context]. Moscow: Institut arkheologii RAN. 2018. 248 p. (In Russ.).

2. Akurgal E. Anatoliia (Malaia Aziia) [Anatolia (Asia Minor)] // Istoriia chelovechestva: v 8 t. T. 2. Moscow: IuNESKO; ID «Magistr-Press», 2003. P. 209–227. (In Russ.).

3. Aleksandrov S. Mogilni grobove ot rannata bronzova epokha v Trakiia (55 godini po-k”sno) [Early Bronze Age barrow graves in Thrace (55 years later)] // Archaeology (Sofia). 2015. Year LVI. Vol. 1–2. P. 33–48. (In Bulg.).

4. Alekseev K. A. Divergentsiia paleobalkanskoi gruppy indoevropeitsev i osvoenie imi Balkano-Anatoliiskogo regiona v bronzovom veke [Divergence of the Paleobalkan group of Indo-Europeans and their development of the Balkan-Anatolian region in the Bronze Age] // MCU Journal of Historical Studies. 2022. № 1. P. 111–129. (In Russ.).

5. Alekseev K. A. K voprosu o proiskhozhdenii indo-irantsev i tokhar v svete noveishikh dannykh genetiki [On the question of the origin of the Indo-Iranians and Tocharians in the light of the latest genetic data] // Genesis: istoricheskie issledovaniia. 2020. № 12. P. 34–43. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.12.34080. (In Russ.).

6. Blegen K. Troia i troiantsy [Troy and the Trojans]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 221 p. (In Russ.).

7. Gamkrelidze T. V., Ivanov Viach. Vs. Indoevropeiskii iazyk i indoevropeitsy: rekonstruktsiia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokul’tury [Indo-European language and Indo-Europeans: reconstruction and Historical and typological analysis of proto-language and proto-culture]: [v 2 ch.]. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo universiteta, 1984. XCVI+1330 p. (In Russ.).

8. Gindin L. A. Naselenie gomerovskoi Troi: istoriko-filologicheskoe issledovanie po etnologii drevnei Anatolii [The population of Homeric Troy: historical and philological studies on the ethnology of ancient Anatolia]. Moscow: Nauka, 1993. 210 p. (In Russ.).

9. Gindin L. A. Prostranstvenno-khronologicheskie aspekty indoevropeiskoi problem i «Karta predpolagaemykh prarodin shesti nostraticheskikh iazykov» V. M. Illich-Svitycha [Spatial and chronological aspects of the Indo-European problem and the “Map of the supposed homelands of the six nostratic languages” by V. M. Illich-Svitych] // Voprosy iazykoznaniia. 1992. № 6. P. 54–65. (In Russ.).

10. D’iakonov I. M. O prarodine nositelei indoevropeiskikh dialektov [About the Ancestral Home of Speakers of Indo-European Dialects] // Journal of Ancient History. 1982. № 3 (161). P. 3–30. (In Russ.).

11. Ivanova S. V. Balkano-Karpatskii variant iamnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti [Balkan-Carpathian variant of the yamnaya cultural-historical region] // Russian Archaeology. 2014. № 2. P. 5–20. (In Russ.).

12. Ivanova S. V. Ob istokakh formirovaniia Budzhakskoi kul'tury [About the origins of the Budjak culture formation] // Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ia i Krimu: zbirnik naukovikh prats'. T. 16. Zaporizhzhia: Zaporiz'kii natsional'nii universitet Zaporizhzhia: Zaporiz'kii natsional'nii universitet, 2012. P. 18–62. (In Russ.).

13. Ivanova S. V., Petrenko V. G., Vetchinnikova N. E. Kurgany drevnikh skotovodov mezhdurechia Iuzhnogo Buga i Dnestra [Burial mounds of ancient pastoralists between the rivers of the Southern Bug and Dniester] / In-t arkheologii NAN Ukrainy. Odessa: Izd-vo KP OGT, 2005. 207 p. (In Russ.).

14. Klein L. S. Drevnie migratsii i proiskhozhdenie indoevropeiskikh narodov [Ancient migrations and the origin of Indo-European peoples]. St. Petersburg: [b. i.], 2007. 226 p. (In Russ.).

15. Kozintsev A. G. Nachalnyi etap indoevropeiskoi istorii: svidetelstva lingvistiki, paleogenetiki i arkheologii [The initial stage of Indo-European history: evidence of linguistics, paleogenetics and archaeology] // Tomsk State University Journal of History. 2016. № 5 (43). P. 152–157 (In Russ.).

16. Korobkova G. F., Shaposhnikova O. G. Poselenie Mikhailovka — etalonnyi pamyatnik drevneyamnoi kul'tury [The settlement of Mikhaylovka is a reference monument of ancient yamnaya culture]. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 2005. 316 p. (In Russ.).

17. Kotova N. S. Rannii eneolit stepnogo Podneprov'ia i Priazov'ia [Early Eneolithic of the steppe Dnieper and Azov]. Lugansk: SNU im. V. Dalia, 2006. 328 p. (In Russ.).

18. Macqueen J. G. Khetty i ikh sovremenniki v Maloi Azii [The hittites and their contemporaries in Asia Minor]. Moscow: Nauka, 1983. 183 p. (In Russ.).

19. Manzura I. V. Vladeiushchie skipetrami [Wielding scepters] // Stratum plus Journal. Archaeology and Cultural Antropology. 2000. № 2. P. 273–295. (In Russ.).

20. Mongait A. L. Arkheologiia Zapadnoi Evropy. Bronzovyi i zheleznyi veka [Archaeology of Western Europe. Bronze and Iron Ages]. M.: Nauka, 1974. 428 p. (In Russ.).

21. Mallory J. P. Indoevropeiskie prarodiny [Indo-European homelands] // Journal of Ancient History. 1997. № 1. P. 61–82. (In Russ.).

22. Nikolova L. Iamnaia kul'tura na Balkanakh [Yamnaya culture in the Balkans] (Dinamika struktury pogrebal'nogo obriada i sootnoshenie s drugimi kul'turami rannei bronzy) // Stratum plus Journal. Archaeology and Cultural Antropology. 2000. № 2. P. 423–458. (In Russ.).

23. Petrenko V. G. Problema «Tripole i Step» i pamiatniki eneolita – rannei bronzy Severo-Zapadnogo Prichernomoria [The problem of "Tripoli and the Steppe" and the monuments of the Eneolithic – Early Bronze Age of the Northwestern Black Sea region] // Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomoria. Vol. 9. Odessa, 2009. P. 10–38. (In Russ.).

24. Safronov V. A. Indoevropeiskie prarodiny [Indo-European ancestral lands]. Gor'kii: Volgo-Viatskoe kn. izdatel'stvo, 1989. 398 p. (In Russ.).

25. Solomatina E. I. Lesbos epokhi bronzy po arkheologicheskim, mifo-epicheskim i klinopisnym svidetelstvam [Lesbos of the Bronze Age according to archaeological, mytho-epic and cuneiform evidence] // Ancient World and Archeology. 2015. № 17. P. 3–23. (In Russ.).

26. Chernykh E. N., Orlovskaia L. B. Radiouglerodnaia khronologiia drevneiamnoi obshchnosti i istoki kurgannykh kultur [Radiocarbon chronology of the ancient Yamnaya

community and the origins of the kurgan cultures] // Russian Archaeology. 2004. № 1. P. 84–99. (In Russ.).

27. Blegen C. W., Caskey J. L., Rawson M., Sperling J. Troy. Vol. I: General introduction. The first and second settlements. Princeton: Princeton University Press, 1950. 396 p.

28. Bryce T. The Kingdom of the Hittites. Oxford: Oxford University Press, 2005. XX+554 p.

29. Genomic history of neolithic to bronze age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus / E. Skourtanioti et al. // Cell. 2020. Vol. 181. P. 1158–1175.e28. DOI: 10.1016/j.cell.2020.04.044

30. Hofmanov´a Z. Palaeogenomic and biostatistical analysis of ancient DNA data from Mesolithic and Neolithic skeletal remains: dissertation. Mainz, Johannes Gutenberg University Press, 2016. 180 p.

31. Iliev I. The Pit Grave culture in the lower Tundzha valley // Studia Praehistorica (Sofia). 2011. № 14. P. 381–398.

32. The first horse herders and the impact of early bronze age steppe expansions into Asia / P. de Barros Damgaard et al. // Science. 2018. Vol. 360. № 6396. Eaar7711. P. 1420–1422. Supplementary materials. DOI: 10.1126/science.aar7711

33. The genomic formation of South and Central Asia / V. M. Narasimhan et al. // Science. 2019. Vol. 365. P. 997–1002. Supplementary materials. DOI: 10.1126/science.aat7487

34. The genomic history of Southeastern Europe / I. Mathieson et al. // Nature. 2018. Vol. 555. P. 197–203. Supplementary note. P. 1–58. DOI: 10.1038/nature25778

35. The Oxford handbook of Ancient Anatolia / S. R. Steadman, G. McMahon (ed.). Oxford University Press, 2011. 1174 p.

36. Zimmermann T. Early Bronze Age elites: A fresh look at some old and new evidence from West and Central Anatolia // Early Bronze Age Troy: chronology, cultural development and interregional contacts. Proceedings of an International conference held at the University of Tübingen May 8–10, 2009 / edited by Ernst Pernicka, Sinan Ünlüsöy & Stephan W. E. Blum. Bonn, 2016. P. 277–287.

УДК 94(37)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.08

Чисталев Марк Сергеевич

кандидат исторических наук
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
marcus7@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7178-4549

NILUMQUE A FONTE BIBISSET: ОБРАЗЫ НИЛА В РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЭПОХИ СЕВЕРОВ

Аннотация. В статье на примере сравнительного анализа сочинения Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского» и сохранившихся Нильских сцен рассматривается репрезентация Нила эпохи правления династии Северов. Отмечается, что образ Нила используется в литературе для формирования римской идентичности. Вместе с тем Нил у Филострата состоит из сложных переплетений греческих и римских политических, религиозных и философских clichés, итогом задействования которых является сначала ниспровержение Нила с вершины первенства среди мест, где философы могут получить новые знания и достичь предела мудрости, а затем и вовсе ментальное подчинение Нила человеку, обращение к жизнеописанию которого на стыке языческой и христианской эпохи символизирует формирование специфических надкультурных элементов новой империи, где роль египетской традиции теряет свою индивидуальность, становясь частью единого имперского пространства. Автор приходит к выводу, что сюжеты мозаичных панно эпохи Северов продолжают появившийся еще в правление Антонинов тренд на превалирование сцен противостояния с большими хищниками. Кроме того, использование образа карликов в качестве художественного воплощения жителей Египта по-прежнему доминирует в Нильских сценах. Мотивы противостояния с природой, характер которой усложнял любое путешествие по Нилу, будучи агрессивным и неестественным для римлян, можно интерпретировать как визуализацию труднодоступности Нильской долины, не позволяющей достичь истоков реки. Именно такая трактовка в совокупности с по-прежнему отсутствующим интересом к реальному Египту и его культуре продолжает оставаться объединяющим фактором в римской литературе и изобразительном искусстве исследуемого периода.

Ключевые слова: Древний Рим, Египет, образ Нила, римская литература, восприятие иноземной культуры.

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

© Чисталев М. С., 2023

UDK 94(37)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.08

Chistalev Mark S.

Candidate of Historical Sciences
Lobachevsky University
Nizhny Novgorod, Russia.
marcus7@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7178-4549

NILUMQUE A FONTE BIBISSET: IMAGES OF THE NILE IN ROMAN LITERATURE AND FINE ART OF THE SEVERAN PERIOD

Abstract. In this paper, on the example of a comparative analysis of the work of Flavius Philostratus *The Life of Apollonius of Tyana* and the surviving Nilotic scenes, considers the representation of the Nile during the reign of the Severan dynasty. It is noted that the image of the Nile is used in literature to form the Roman identity. At the same time, Philostratus' Nile consists of a complex interweaving of Greek and Roman political, religious and philosophical clichés, the result of which is first the overthrow of the Nile from the top of the primacy among the places where philosophers can gain new knowledge and reach the limit of wisdom, and then completely mental the subordination of the Nile to a man, the appeal to whose biography at the junction of the pagan and Christian epochs symbolizes the formation of specific supracultural elements of the new empire, where the role of the Egyptian tradition loses its individuality, becoming part of a single imperial space. The author comes to the conclusion that the plots of the mosaic panels of the Severan epoch continue the trend that appeared back in the reign of the Antonine dynasty for the prevalence of scenes of confrontation with large predators. In addition, the use of the image of dwarfs as an artistic embodiment of the inhabitants of Egypt still dominates the Nilotic scenes. The motives of confrontation with nature, whose aggressive and unnatural pattern for the Romans made any journey along the Nile difficult, can be interpreted as a visualization of the inaccessibility of the Nile Valley, which does not allow reaching the sources of the river. This interpretation, combined with the still lacking interest in the real Egypt and its culture, that continues to be a unifying factor in Roman literature and the fine arts of the period under study.

Keywords: Ancient Rome, Egypt, image of the Nile, Roman literature, perception of foreign culture.

Acknowledgements: the work was carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences, project No. 20-18-00374 "Imperial Mediterranean: models, discourses and practices of imperialism from Antiquity to early Modern Times".

Введение. Уникальная Нильская долина, наряду с другими символами Египта, такими как великие пирамиды или Сфинкс, становится в античном мире значимым топосом египетской цивилизации. Выступая в определенных случаях даже в качестве синонима самого Египта, Нил оказывается одним из ключевых объектов восприятия египетской культуры

в римском обществе. Становление представлений о Ниле, в свою очередь, напрямую связано с кросс-культурными контактами между Египтом и Римом, что предполагает наличие устойчивой зависимости визуализации образа Нила от исторических событий как внутри римской державы, так и в рамках ее взаимоотношений с Египтом. Прежде всего речь идет о гражданских войнах в Риме, смерти Помпея, отношениях Клеопатры с Цезарем и Антонием, падении республики и установления принципата. Переосмысление римлянами сложившихся исторических обстоятельств, по сути, превратилось в процесс формирования собственной идентичности. Соответственно, возникший в результате этого образ других в лице египтян в римском коллективном сознании должен был с подачи римских авторов выполнять определенную функцию разграничения между цивилизованным (римским) и варварским (в данном случае — египетским) началами. Однако в силу того, что образ Египта в римском обществе формировался не только поэтами и прозаиками, но и имел особое визуальное выражение в виде так называемых Нильских сцен, необходимо провести комплексное исследование, что способствовало бы пониманию процессов становления римского имперского сознания в контексте укрепления Рима как мировой державы.

Таким образом, ключевой особенностью данной работы будет применение сравнительного метода для сопоставления литературного и материального (визуального) образа Нила. Проблематика заявленной темы в такой формулировке поставлена впервые, подобных исследований ни в зарубежной, ни в отечественной историографии до настоящего времени не проводилось[1].

Следует отметить, что данная статья является завершающей в серии исследований автора, охватывающих период, начиная с правления Юлиев – Клавдиев и заканчивая приходом к власти Северов. Это позволит подвести итоги не только по хронологическому периоду, заявленному в теме статьи, но и обобщить результаты работы всего цикла исследований, посвященных изучению образа Нила в римской литературе и сопоставлению этого образа с Нильскими сценами в рамках обширной темы межкультурного диалога Египта и Рима.

Ход и результаты исследования. К моменту прихода к власти в Риме Северов начинается новый этап взаимоотношений центра империи с Египтом. С. Свейн обоснованно отметил, что Северы, будучи первой династией, происходившей не из Италии, не имели заранее предопределенных культурных и политических предубеждений, свойственных их предшественникам[2]. Отсюда проистекает характеристика и самой империи эпохи Северов, которую

---

[1] Подробная историография вопроса: *Чисталев М. С.* Деконструкция Aegyptiaca Romana: историографические трансформации и постановка проблемы // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48. № 4. С. 749–754.

[2] *Swain S.* Culture and nature in Philostratus // Philostratus / ed. by E. Bowie, J. Elsner. Cambridge, 2009. P. 34.

М. Грант обозначил как изменившуюся[3]. Политика Рима, в свою очередь, все больше смещалась в сторону увеличения значимости восточных провинций[4], среди которых Египет по-прежнему занимал особое место.

Около 199 г. н. э. Септимий Север совершил длительное путешествие по Египту вместе со своей супругой Юлией Домной и сыновьями[5]. Автор биографии Септимия Севера в Historia Augusta указывает, что путешествие в Александрию было для него приятным благодаря поклонению богу Серапису (SHA, Sept. Sev., 17, 4). В самом Египте Септимий был отождествлен с богом Сераписом, что отразилось на специфической иконографии императора: он изображался с тремя локонами, спускающимися на лоб, придающими ему сходство с изображениями египетского бога.

Преемники Септимия продолжили практику покровительства эллинизированным египетским культам, и пика своей популярности они достигли уже в правление его сына Септимия Бассиана Каракаллы, посетившего Александрию в 215 г. н. э. Согласно Диону Кассию, Каракалла принес в дар Серапису меч, которым он предположительно убил своего брата Гету (Dio Cass., LXXVIII, 22, 3). Образы Исиды и Сераписа нашли свое отражение и на монетах Каракаллы[6], основавшего особый культ Сераписа как бога врачевания.

Очевидно, что именно в правление Каракаллы эллинизированные египетские культы получили наибольшее покровительство среди римских императоров. При этом, несмотря на выдающееся положение Исиды и Сераписа, столь стремительное возвышение именно египетских культов нельзя назвать уникальным: в столице империи эпохи Северов активно развивался религиозный синкретизм с привлечением различных иноземных божеств. Кроме того, усиливающаяся именно в правление Северов связь императорского культа с восточными божествами отражает попытку создания новой теологии, способной найти опору среди различных этнических и социальных слоев римского общества. Необходимо также учитывать, что невероятная для предыдущих периодов частота поездок императоров в Египет создавала важные предпосылки для усиления влияния и распространения египетских образов на территории империи в целом и Италии в частности.

В литературе эпохи Северов репрезентация Египта и Нила нашла свое отражение в сочинении «Жизнь Аполлония Тианского» греческого писателя Флавия Филострата, являвшегося одним из виднейших участников придворного литературного кружка супруги Септимия Севера Юлии Домны, которая собрала вокруг себя многих выдающихся деятелей своего времени. Уже в начале произведения можно обнаружить упоминания о том, что Юлия Домна

---

[3] *Grant M.* The Severans: the changed Roman Empire. New York, 1996. P. 16.

[4] Подробнее о политике Северов см.: *Ball W.* Rome in the East. The transformation of an Empire. New York, 2016; *Scott A. G.* Emperors and usurpers. An historical commentary on Cassius Dio's Roman History. Oxford, 2018.

[5] *Lewis N.* When did Septimius Severus reach Egypt? // Historia. 1979. Bd. 28. Hft. 2. P. 253–254.

[6] *Чисталев М. С.* Египет и Рим. М., 2019. С. 151.

поручила Флавию Филострату написать новый труд об Аполлонии Тианском, основываясь на дневниках его ученика Дамида (VA, I, 3). Однако вопрос наличия определенного заказа со стороны Юлии Домны в историографии до сих пор остается дискуссионным[7].

Называя смысловое содержания труда Филострата культурной инновацией, Е. Г. Рабинович подчеркивает, что сама концепция представляла собой сочетание традиционных и архаических элементов, формирующих специфическую надкультурную божественность Аполлония Тианского, в которую, по ее мнению, автор вкладывал задачу гармонизации социума в условиях административного замораживания хаоса в империи[8]. Однако зарубежные исследователи далеко не всегда склонны видеть политические мотивы в содержании сочинения Филострата. Так, Т. Уитмарш оспаривает ориентированность автора «Жизни Аполлония Тианского» именно на римскую элиту ввиду излишнего внимания к греческой культуре и отсутствию имперской проблематики эпохи Северов[9]. Отдельными авторами ставится под сомнение и сам факт достоверности отсылок Филострата к поручению со стороны Юлии Домны[10]. Вне зависимости от того, насколько убедительной выглядит аргументация в современных исследованиях, труд Флавия Филострата предполагал переосмысление политической истории недавнего прошлого в соответствии с современными ему римскими реалиями, с попыткой пересмотреть ее статус в рамках греко-римского культурного дискурса[11].

Учитывая, что главный герой произведения — философ-пифагореец, традиционное восприятие Египта в качестве центра философского паломничества позволяет ему стать подходящим географическим фоном в повествовании Филострата. В контексте исследования образа Нила интерес представляет в первую очередь фрагмент пятой книги, повествующий о встрече Аполлония с Веспасианом в Александрии (VA, V, 27–37). Свой рассказ об этом эпизоде Филострат начинает с упоминания о том, что Веспасиан, еще не будучи императором, специально отправился в Александрию, чтобы получить совет от Аполлония (VA, V, 27; VIII, 7). После совершения обряда жертвоприношения, даже не разобравшись в делах Александрии, Веспасиан обратился к Аполлонию с мольбой вручить ему власть в римской державе, на что получил ответ, что философ уже сделал это, помолившись о правосудном, благородном

---

[7] *Flinterman J. J.* The ancestor of my wisdom: Pythagoras and Pythagoreanism in Life of Apollonius // Philostratus / ed. by E. Bowie, J. Elsner. Cambridge, 2009. P. 164; *Swain S.* Op. cit. P. 37–38.

[8] *Рабинович Е. Г.* Жизнь Аполлония Тианского Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985. С. 270.

[9] *Whitmarsh T.* Prose literature and the Severan Dynasty // Severan Culture / ed. by S. Swain, S. J. Harrison, J. Elsner. Cambridge, 2007. P. 33.

[10] *Kemezis A. M.* Roman politics and the fictional narrator in Philostratus' Apollonius // Classical Antiquity. 2014. Vol. 34. P. 61–101. Подробнее об историографии дебатов о специфике нарратива Филострата см.: *Марков К. В.* Пространственные категории римской политики в «Жизни Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 57–59.

[11] *Марков К. В.* Указ. соч. С. 59.

и здравомыслящем правителе (VA, V, 28). Воодушевившись ответом Аполлония, Веспасиан, обратившись к египтянам, заявил: «*Пользуйтесь мною, как Нилом*» (VA, V, 28). Следует отметить, что Филострат радикальным образом изменяет сложившуюся в предшествующий период традицию изображения Нила в качестве дурного предзнаменования, сознательно связывая с Нилом будущие имперские благодеяния Веспасиана. Словно подменяя собой Нил, Веспасиан метафорически предлагает египтянам черпать его знания и мудрость, соединяя воедино физические, философские и религиозные качества Нила. Отдавая свои ресурсы во благо египтян, Веспасиан, в свою очередь, сам получает их от египетского источника Аполлония. Причем первое сравнение Нила с метафизической чашей, общей для всех египтян, Филострат делает еще до встречи с Веспасианом, когда Аполлоний выступил с обличительной речью в отношении александрийцев (VA, V, 25). Таким образом, политическая и экономическая составляющие образа Нила у Филострата получают в дополнение сакральный смысл. В этой связи отождествление Веспасианом себя с Нилом может рассматриваться так же, как самопожертвование будущего правителя для наведения порядка в империи в целом и в Египте в частности.

Накануне отъезда Веспасиан пытается уговорить Аполлония последовать за ним, однако получает отказ по причине того, что философ не успел еще «*посмотреть все, что есть в Египте»* и *«испить истоков Нила*» (VA, V, 37). Подобная формулировка, вложенная Филостратом в уста Аполлония, восходящая к более ранней традиции поиска истоков реки, получает новую трактовку. Филострат оставляет изведанное и обстоятельно изученное нижнее течение Нила с Александрией Веспасиану, сохраняя за философом истоки (верховье) Нила. Вследствие этого географическое пространство на всей протяженности Нила окончательно становится недосягаемым даже для самого амбициозного правителя. Благодаря такому приему, по мнению Э. Маноларакиа, Филострат устанавливает вневременное доминирование философии над кратковременностью и ограниченностью имперской власти[12].

В шестой книге Нил становится географическим фоном для путешествия Аполлония к нагим мудрецам в Эфиопию. Ключевым моментом всего эпизода является сравнение эфиопской мудрости с мудростью индийских брахманов, однако преодоление Нила становится одной из целей путешествия Аполлония, о чем он неоднократно говорит своим собеседникам (VA, V, 37; VI, 22). Уже во вступительной части книги атмосфера путешествия поддерживается сопоставлением Нила и Инда (VA, VI, 1). Двойственное представление истоков Нила — как географической точки, означающей конец путешествия, и как интеллектуальной цели — позволяет рассматривать Нил в качестве символа философского развития самого Аполлония, что, с точки зрения Э. Маноларакиа, завершает его образ как высшего морального авторитета, универсализируя греческую мудрость[13].

---

[12] *Manolaraki E.* Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus. Berlin, 2013. P. 269.

[13] *Manolaraki E.* Op. cit. P. 273.

При этом описание Филостратом путешествия Аполлония вверх по Нилу насыщено серьезными географическими ошибками. Во вступительной части шестой главы автор утверждает, что Эфиопия граничит с Египтом через Мероэ[14] (VA, VI, 1). Однако уже в следующем параграфе Филострат указывает, что граница находится в Сикаминосе, что соответствует современному городу Дейр-эль-Мухаррак, находящемуся более чем в 120 км от Асуана (VA, VI, 2). Покинув эфиопских нагих мудрецов, которых Филострат неожиданно помещает недалеко от колоссов Мемнона (VA, VI, 6), Аполлоний со спутниками, поднимаясь далее вверх по Нилу, достигает порога «*от устья самого дальнего, а к истокам самого ближнего*» (VA, VI, 26. Пер. Е. Г. Рабинович). После этого они преодолевают еще два порога, и в результате самый дальний от устья порог странным образом оказывается первым Нильским порогом, находящимся чуть южнее Асуана. Поражает и незначительное расстояние между объектами, о котором пишет Филострат: 10 стадиев между первым и вторым порогами (т. е. менее двух километров), и 15 стадиев между вторым и третьим (немногим более двух с половиной километров). При том что истинная протяженность реки на первом участке почти 300 км, а на втором и вовсе более 400 км. В довершение всего, миновав указанные пороги, путешественники сразу оказываются в эфиопской деревушке (VA, VI, 27).

В чем же заключается причина такого количества неточностей? Едва ли можно говорить о пробелах в знании географии Египта у Филострата, учитывая, что путешествие по Нилу Септимия Севера вместе с супругой Юлией Домной состоялось незадолго до написания биографии Аполлония. Сама поездка должна была актуализировать представление о знаковых местах Египта в памяти римлян, по крайней мере тех, кто был близок к императорскому двору. В действительности, абсурдное на первый взгляд отступление от египетских географических реалий, как верно подметил Д. Элснер[15], нужно рассматривать не как путешествие в пространстве, а, скорее, как концептуальный маршрут, что является недвусмысленным намеком для читателя на необходимость воспринимать само путешествие Аполлония аллегорически. В конечном счете важна не фактическая точность географических объектов, упомянутых Филостратом, а символизм, посредством которого вся ойкумена вплоть до самых дальних границ задействована в получении личного опыта и знаний Аполлония.

Что касается персонажа с именем Нил, то на его примере Филострат демонстрирует, что одновременно с поиском источников новых знаний сам Аполлоний является вместилищем мудрости, которую он принес на берега Нила и с помощью Нила (VA, VI, 12). Назидательное отношение Аполлония даже к таким устоявшимся египетским топосам, связанным с мудростью и ученостью, как образ Нила, укладывается в заявленную еще в первой книге миссию философа: не столько получать знания, сколько учить других тому, что уже познал (VA, I, 17). Таким

[14] Т. е. между современными городами Асуан и Хартум.

[15] *Elsner J.* Hagiographic geography: travel and allegory in the Life of Apollonius of Tyana // The Journal of Hellenic Studies. 1997. Vol. 117. P. 29.

образом, присоединившись к Аполлонию, Нил как персонаж, а вместе с ним и Нил как водная артерия, символически подчинились мудрости Аполлония. Это и есть истинное достижение истоков Нила, конечный пункт назначения путешествия философа, пребывание в котором символически должно прервать традицию поиска мудрости на берегах Нила.

В связи с этим заявление Аполлония после посещения третьего порога о непроходимости маршрута и невозможности добраться до первоисточника реки уже не выглядит столь обескураживающим для читателя. Неспособность достичь истоков отнюдь не должна вызывать разочарование, как об этом пишет Э. Манолараки[16], напротив, даже спутники Аполлония не испытывают чувства неудовлетворенности по поводу очевидной неудачи. Аполлоний уже подчинил себе Нил, а постижение истоков происходит не в области видимой реальности, а посредством человеческого сознания, без физического доступа к ним.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что образ Нила по-прежнему используется в литературе для формирования римской идентичности, разумеется с поправкой на происхождение автора текста. Нил Филострата символизирует собой одновременно имперское и интеллектуальное начала, объединенные между собой главным действующим лицом всего произведения — Аполлонием Тианским. Через деяния Аполлония Филострат одобряет притязания имперской власти на дельту Нила, но его самые сокровенные уголки он оставляет под контролем философа и, таким образом, трансформирует популярный в античности топос поиска истоков Нила из географической плоскости в философско-религиозную. Филострат таким способом хочет не только поставить точку в античных дебатах о Ниле, но и продемонстрировать неактуальность самой постановки вопроса: Нил физически является неотъемлемой частью империи, но лишь его нижнее течение доступно для познания правителям Рима, а все захватнические попытки властителей из прошлого, равно как и устремления современных ему императоров на изучение истоков, изначально обречены на неудачу, поскольку никаких возможностей имманентного достижения цели не существует. Таким образом, само путешествие Аполлония и его спутников представляет собой не реальное продвижение вверх по Нилу, а вымышленный, ментальный маршрут, в котором фактическое местоположение географических объектов и расстояния не имеют принципиального значения. В свою очередь, трансцендентность истоков Нила превращает представления о нем в универсальную интерпретацию, одинаково доступную для всех жителей империи.

Вместе с тем Нил у Филострата состоит из сложных переплетений греческих и римских политических, религиозных и философских clichés, итогом задействования которых является сначала ниспровержение Нила с вершины первенства среди мест, где философы могут получить новые знания и достичь предела мудрости (VA, III, 16), а затем и вовсе ментальное подчинение Нила человеку, обращение к жизнеописанию которого на стыке языческой

[16] *Manolaraki E.* Op. cit. P. 290.

и христианской эпохи символизирует формирование специфических надкультурных элементов новой империи, где роль египетской культурной, религиозной и философской традиции теряет свою индивидуальность, становясь частью единого имперского пространства.

Относительно визуального образа Нила следует отметить, что количество Нильских сцен, уверенно датируемых эпохой Северов, значительно уступает предшествующим периодам. Всего на территории Италии можно выделить три таких объекта: два из них были найдены в Риме и еще один — в Кампании.

1. Первая интересующая нас мозаика, датируемая началом III в. н. э., была обнаружена в 1873 г. в окрестностях базилики Святого Стефана на Целийском холме[17]. В настоящий момент она хранится в Национальном археологическом музее Неаполя (№ 122861).

Мозаика представляет собой черно-белое квадратное по форме изображение, являвшееся декоративным украшением пола. Композиция не имеет выраженного центрального элемента, а основной сюжет ориентирован по всем четырем сторонам. Отчетливо различима водная гладь реки, в которой можно выделить отдельно растущие лотосы, а также плывущих уток и крокодила. В трех тростниковых лодках изображены сцены симплегмы (сплетения тел борцов) с участием карликов. Кроме того, в одной из лодок карлик танцует на корме с двумя палками в руках. Еще один карлик танцует на спине бегемота, стоящего на берегу реки, в то время как другой карлик с копьем в руках охотится на него.

Контекст существования этой Нильской сцены точно неизвестен, но можно предположить, что помещение, где она располагалась, было частью терм или иного объекта, где обязательно присутствовала вода.

2. Другая римская мозаика, найденная напротив базилики Святого Саввы рядом с Авентинским холмом, также относящаяся к началу III в. н. э.[18], была перенесена в Национальный музей Рима (№ 171). Изображение размером три на три метра представляет собой центральное панно с Нильскими сценами, обрамленное восемью небольшими панно, а также четырьмя декоративными элементами по углам.

На переднем плане в реке, выделенной зеленым и синим цветами, между островками и буйной нильской растительностью можно увидеть двух бегемотов и крокодила. Карлик, находящийся в левом нижнем углу панно, держит в одной руке копье, а в другой — верхнюю часть амфоры, которую он собирается использовать вместо щита. Один из бегемотов преследует двух карликов, пытающихся спастись от него на небольшой тростниковой лодке. Рядом со зданием, на крыше которого натянут велум, прогуливается еще один карлик с палками в руках. На заднем плане хорошо различимо сооружение с двумя башнями и высокой стеной, построенными на скальном выступе. В воде рядом

---

[17] *D'Asdia M.* Mosaici nilotici dal Celio // Bollettino d'Arte. 1999. Vol. 109–110. P. 77–78.

[18] *Werner K. E.* Mosaiken aus Rom. Polychrome Mosaikpavimente und Emblemata aus Rom und Umgebung. Würzburg, 1995. S. 228–229.

с этими скалами стоят два карлика, также вооруженных копьями и разбитыми амфорами в качестве щитов. Мозаика имеет множество непрофессиональных и даже грубых реставраций, в результате чего создается впечатление будто бы один из карликов пытается напасть на скалу, которая в действительности некогда была частью изображения еще одного бегемота. На одном из выступов скалы находится ибис. Территория рядом с домами дополнена пальмами и другой растительностью, а небо, на фоне которого летят птицы, раскрашено четырьмя различными оттенками оранжевого цвета.

Использование карликами амфор в качестве щита является весьма примечательным элементом, который можно обнаружить и на более ранних Нильских сценах. На одной из мозаик так называемых домов-садов в Остии, датируемой серединой II в. н. э.[19], карлик сражается с крокодилом, при этом в качестве оружия он использует дубину, а для защиты — верхнюю часть разбитой амфоры. Подобная сцена встречается на черно-белой мозаике перед погребальной камерой гробницы № 16 Остийского некрополя, относящейся[20] ко второй половине II в. н. э. Центральным объектом композиции данной мозаики является крокодил, на которого с двух сторон охотятся карлики в лодках. Один из них использует в качестве щита верхнюю часть разбитой амфоры, а в другой руке держит палку.

Где именно была расположена исследуемая мозаика, в настоящее время установить уже не представляется возможным, но, учитывая, что Авентин в первые века нашей эры был излюбленным местом проживания состоятельных римлян[21], можно предположить, что она являлась частью убранства одной из городских вилл.

3. Третьим объектом в данном списке является небольшая круглая стеклянная чаша высотой около девяти сантиметров и диаметром десять сантиметров, датируемая 200–220 гг. н. э.[22] Обстоятельства и время ее находки, равно как и место, установить уже невозможно. Доподлинно известно только то, что чаша входила в коллекцию адвоката Феликса Слэйда, жившего в конце XVIII–XIX вв., завещавшего все свое собрание, включая античное стекло, Британскому музею, где она хранится до сих пор (№ 1868.5–1.919).

На поверхности стекла выполнена гравировка, представляющая собой изображение женщины в вуали, лежащей на подиуме неподалеку от тростниковой хижины. В одной руке у нее находится систр (музыкальный инструмент), а в другой — патера (ритуальный сосуд). На оборотной стороне чаши можно увидеть молодого обнаженного мужчину, производящего градуировку колонны, чтобы в последующем использовать ее как ниломер.

Сюжет гравировки имеет много общего с другой Нильской сценой, расположенной на одной из терракотовых плит[23], относящихся к так называемым

---

[19] *Becatti G.* Scavi di Ostia IV: Mosaici e Pavimenti Marmorei. Rome, 1961. P. 113–114.

[20] *Baldassarre I.* Necropoli di Porto. Isola Sacra. Roma, 1996. P. 176–177.

[21] *Versluys M. J.* Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman views of Egypt. Leiden, 2002. P. 77.

[22] *Harden D. B.* Glass of the Ceasars. Milan, 1987. P. 199.

[23] Речь идет о рельефе № Ср 4203, хранящемся в Лувре.

рельефам Кампана, где также на переднем плане изображена обнаженная женщина, держащая в одной руке чашу. Д. Б. Харден в каталоге к выставке 1987 г. уверенно отождествляет женщину с богиней Исидой[24]. Кроме того, изображение полулежащей женщины с чашей, вероятно, предполагало наличие ассоциаций с симпозиумами, в том числе проходившими на берегах Нила.

Заключение. В целом следует отметить, что даже при столь незначительной по количеству объектов выборке, как и в период правления Антонинов, основным способом визуализации Нильских сцен остаются мозаичные панно. Единственная в своем роде сохранившаяся до наших дней стеклянная чаша позволяет предположить, что разнообразие объектов, на которых могли располагаться Нильские сцены, было гораздо более значительным, но в силу влияния временного фактора и хрупкости материалов лишь единичным экземплярам удалось пережить перипетии непростых исторических эпох и многочисленных войн.

Использование образа карликов в качестве художественного воплощения жителей Египта по-прежнему доминирует в Нильских сценах. Гравировку на стеклянной чаше (№ 3) следует отнести к исключениям в общей тенденции, особенно если учитывать тот факт, что, вероятнее всего, она являлась предметом, связанным с отправлением культа Исиды, а значит, в силу религиозной направленности акцент в сюжетной линии был сделан на иные образы.

В то же время сюжеты мозаичных панно эпохи Северов продолжают появившуюся еще в правление Антонинов традицию изображения сцен противостояния с крупными хищниками (крокодилами, бегемотами). Даже симплегмы на римской мозаике, обнаруженной на Целийском холме (№ 1), дополнены изображениями сцен защиты от бегемота. Таким образом, можно констатировать, что трансформация Нильских сцен от сакрально-идиллических пейзажей к бесконечным столкновениям с агрессивной внешней средой к концу II в. н. э. была полностью завершена. Более того, именно мотивы противостояния с природой, агрессивный и неестественный для римлян характер которой усложнял любое путешествие по Нилу, можно интерпретировать как визуализацию труднодоступности Нильской долины, не позволяющей достичь истоков реки. Именно такая трактовка в совокупности с по-прежнему отсутствующим интересом к реальному Египту и его культуре продолжает оставаться объединяющим фактором в римской литературе и изобразительном искусстве исследуемого периода.

Подводя общий итог сравнительному анализу образа Нила, результаты которого были опубликованы в течение последних двух лет, хотелось бы в первую очередь отметить, что представления о Ниле, начиная с правления Августа и вплоть до эпохи Северов, претерпели определенные изменения. Если в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. в римской литературе Нил, с одной стороны,

[24] *Harden D. B.* Op. cit. P. 200.

персонифицировался со злейшим врагом Рима — Клеопатрой, становясь воинственным началом, несущим угрозу Риму, а с другой — позиционировался как экзотическое пространство, являвшееся частью воображаемого (фантазийного) Египта, то уже со второй половины I в. н. э. образ Нила становится предельно политизированным. В литературе эпохи Флавиев, Антонинов, а затем и Северов преобладает тематика триумфа над Египтом как символа безграничного самодержавия в пределах империи. Нил более не изображается как удивительное природное явление, но в то же время пропадает и отторжение некогда чужого римлянам образа. Наряду с этим наполненное идеологией восприятие Египта исключительно как римского пространства предполагает, что значительная его часть по-прежнему не поддается разумному познанию, как, например, у Валерия Флакка, или вовсе недоступна для физического контакта, как истоки Нила у Флавия Филострата. Кроме того, Нилу достается роль связующего звена между событиями прошлого и настоящего. Причем если при Флавиях речь идет об исторических событиях, связанных с гражданской войной, то в литературе периода правления Северов через призму становления новых надкультурных элементов империи переосмысление получает политическая история уже самой династии Флавиев.

Значительной переработке в указанный период подверглись и Нильские сцены. Уже в конце I в. н. э. традиции республиканского периода трансформируются в сторону стереотипизации сюжетов вплоть до символического обозначения Нила с помощью набора знаков-топосов, а жители долины начинают изображаться в виде карликов. К концу I в. н. э. во времена Антонинов отказ от традиционных изображений людей в пользу карликов становится традиционным. С одной стороны, появление сюжетов с карликами является следствием укрепления сформированных еще в правление Августа стереотипов в отношении египтян, а с другой стороны, подобного рода образы в изобразительном искусстве поддерживают мифические представления о фигуре обитателей долины Нила, которые, в свою очередь, выступая в качестве сущностной и неизменной константы египетского общества, задают определенный, приемлемый для римлян набор базовых истин. Данные образы — это выраженный с помощью изобразительных приемов синоним господства.

Главный объединительный лейтмотив для литературного Нила, равно как и для его художественного воплощения, — это фактическое отчуждение Нила от реального Египта: отдельные элементы культурных и религиозных традиций, искусства, а также известные в античном мире географические объекты задействованы в формировании его образа исключительно с целью воссоздания определенных ассоциаций или атмосферы места. Более того, истинность знания о Египте в целом, формировавшаяся римскими авторами на протяжении почти четырех веков, за редким исключением была предопределена и воплощена исключительно в том языке, которым она выражалась. Иными словами, репрезентация Египта в римском сознании была наполнена

определенным набором идеологем, ассоциаций и коннотаций, в значительной степени не имевших никакого отношения к реальному Египту.

Таким образом, стереотипные представления о Египте становятся римской традицией. Различного рода (преимущественно негативные) clichés о Египте с подачи поэтов эпохи Августа вошли в обиход римской литературы и заняли в ней доминирующее положение. За этими идеологемами, безусловно, стоит пропагандистский подход, в основе которого лежат, во-первых, образы Египта как варварского государства с неприемлемыми для римлянина нравами, а во-вторых, желание сместить акцент с внутриримского гражданского противостояния в сторону борьбы с коварным внешним врагом в лице Клеопатры и ее державы. Соответственно, последующие поколения римских авторов сформировали свое видение Египта во многом на основе таких произведений, что изначально закладывало идентичность мировоззренческих подходов, а следовательно, все, что они писали о Египте, неизбежно несло на себе отпечаток этноцентризма и шовинизма по отношению к египтянам. Похожим образом развивалась и иконография Нильских сцен. Ложное сознание порождало исключительно искаженную реальность.

Как итог, римская репрезентация Египта становится фундаментальным образом, навязанным со стороны Рима. Безмолвное принятие этого образа самими египтянами демонстрирует существенную разницу между идеологическими возможностями римлян и египтян, находившихся в составе империи на правах побежденного и подчиненного народа.

Литература

1. Марков К. В. Пространственные категории римской политики в «Жизни Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 57–64.

2. Рабинович Е. Г. Жизнь Аполлония Тианского Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М.: Наука, 1985. С. 217–276.

3. Чисталев М. С. Деконструкция Aegyptiaca Romana: историографические трансформации и постановка проблемы // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48. № 4. С. 749–454. DOI: 52575/2687-0967-2021-48-4-749-754

4. Чисталев М. С. Египет и Рим. М.: Вече, 2019. 319 с.

5. Baldassarre I. Necropoli di Porto. Isola Sacra. Roma: Ist. Poligrafico e Zecca dello Stato, 1996. 213 p.

6. Ball W. Rome in the East. The transformation of an Empire. New York: Routledge, 2016. 539 p.

7. Becatti G. Scavi di Ostia IV: Mosaici e Pavimenti Marmorei. Rome: Libreria dello Stato, 1961. 409 p.

8. D'Asdia M. Mosaici nilotici dal Celio // Bollettino d'Arte. 1999. Vol. 109–110. P. 77–86.

9. Elsner J. Hagiographic geography: travel and allegory in the Life of Apollonius of Tyana // The Journal of Hellenic Studies. 1997. Vol. 117. P. 22–37.

10. Flinterman J. J. The ancestor of my wisdom: Pythagoras and Pythagoreanism in Life of Apollonius // Philostratus / ed. by E. Bowie, J. Elsner. Cambridge: Cambridge university press, 2009. P. 155–175.

11. Grant M. The Severans: the changed Roman Empire. New York: Routledge, 1996. 133 p.

12. Harden D. B. Glass of the Ceasars. Milan: Olivetti, 1987. 313 p.

13. Kemezis A. M. Roman politics and the fictional narrator in Philostratus' Apollonius // Classical Antiquity. 2014. Vol. 34. P. 61–101.

14. Lewis N. When did Septimius Severus reach Egypt? // Historia. 1979. Bd. 28. Hft. 2. P. 253–254.

15. Manolaraki E. Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus. Berlin: De Gruyter, 2013. 379 p.

16. Scott A. G. Emperors and usurpers. An historical Commentary on Cassius Dio's Roman History. Oxford: Oxford University Press, 2018. 191 p.

17. Swain S. Culture and nature in Philostratus // Philostratus / ed. by E. Bowie, J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 33–46.

18. Versluys M. J. Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman views of Egypt. Leiden: Brill, 2002. 509 p.

19. Werner K. E. Mosaiken aus Rom. Polychrome Mosaikpavimente und Emblemata aus Rom und Umgebung. Würzburg: CompuTeam, 1995. 391 p.

20. Whitmarsh T. Prose literature and the Severan Dynasty // Severan culture / ed. by S. Swain, S. J. Harrison, J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 29–51.

References

1. Markov K. V. Prostranstvennye kategorii rimskoi politiki v «Zhizni Apolloniia Tianskogo» Flaviia Filostrata [Spatial categories of Roman politics in Life of Apollonius by Flavius Philostratus] // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2020. № 1. P. 57–64. (In Russ.).

2. Rabinovich E. G. Zhizn' Apolloniia Tianskogo Flaviia Filostrata [The Life of Apollonius of Tyana Flavius Philostratus] // Flavii Filostrat. Zhizn' Apolloniia Tianskogo. Moscow: Nauka, 1985. P. 217–276. (In Russ.).

3. Chistalev M. S. Dekonstruktsiia Aegyptiaca Romana: istoriograficheskie transformatsii i postanovka problemy [Deconstruction of Aegyptiaca Romana: historiographical transformations and problem statement] // Via in tempore. History and political science. 2021. T. 48. № 4. P. 749–454. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-749-754 (In Russ.).

4. Chistalev M. S. Egipet i Rim [Egypt and Rome]. Moscow: Veche, 2019. 319 p. (In Russ.)

5. Baldassarre I. Necropoli di Porto. Isola Sacra. Roma: Ist. Poligrafico e Zecca dello Stato, 1996. 213 p.

6. Ball W. Rome in the East. The transformation of an Empire. New York: Routledge, 2016. 539 p.

7. Becatti G. Scavi di Ostia IV: Mosaici e Pavimenti Marmorei. Rome: Libreria dello Stato, 1961. 409 p.

8. D'Asdia M. Mosaici nilotici dal Celio // Bollettino d'Arte. 1999. Vol. 109–110. P. 77–86.

9. Elsner J. Hagiographic geography: travel and allegory in the Life of Apollonius of Tyana // The Journal of Hellenic Studies. 1997. Vol. 117. P. 22–37.

10. Flinterman J. J. The ancestor of my wisdom: Pythagoras and Pythagoreanism in Life of Apollonius // Philostratus / ed. by E. Bowie, J. Elsner. Cambridge: Cambridge university press, 2009. P. 155–175.

11. Grant M. The Severans: the changed Roman Empire. New York: Routledge, 1996. 133 p.

12. Harden D. B. Glass of the Ceasars. Milan: Olivetti, 1987. 313 p.

13. Kemezis A. M. Roman politics and the fictional narrator in Philostratus' Apollonius / Classical Antiquity. 2014. Vol. 34. P. 61–101.

14. Lewis N. When did Septimius Severus reach Egypt? // Historia. 1979. Bd. 28. Hft. 2. P. 253–254.

15. Manolaraki E. Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus. Berlin: De Gruyter, 2013. 379 p.

16. Scott A. G. Emperors and usurpers. An historical Commentary on Cassius Dio's Roman History. Oxford: Oxford University Press, 2018. 191 p.

17. Swain S. Culture and nature in Philostratus // Philostratus / ed. by E. Bowie, J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 33–46.

18. Versluys M. J. Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman views of Egypt. Leiden: Brill, 2002. 509 p.

19. Werner K. E. Mosaiken aus Rom. Polychrome Mosaikpavimente und Emblemata aus Rom und Umgebung. Würzburg: CompuTeam, 1995. 391 p.

20. Whitmarsh T. Prose literature and the Severan Dynasty // Severan culture / ed. by S. Swain, S. J. Harrison, J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 29–51.

УДК 930.23
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.09

Виноградов Алексей Евгеньевич

кандидат исторических наук
независимый исследователь
Москва, Россия
alwynor@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3041-4103

ТОПОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ RUZARAMARCHA И RUZZI: ЧТО В НИХ РУССКОГО?

Аннотация. Упомянутые в средневековых европейских источниках термины Ruzzi и Ruzaramarcha часто связываются с этнонимом «Русь» и считаются его специфическим древневерхненемецким отражением. В свете таких предположений ранняя Русь предстает значительным этногосударственным образованием с активными торговыми связями вплоть до верхнего Дуная. Данная гипотеза не учитывает широкого распространения в немецких землях Франкской империи других языков, в частности раннего итальянского. Слова Ruzzi и Ruzaramarcha объединяет только общий корень, означающий круговое движение, при этом в первом случае налицо итальянская народная этимология этнонима, во втором — речь вообще не идет о названии племен. Такой анализ вышеуказанных терминов позволяет, с одной стороны, уточнить список форм, применявшихся для обозначения Руси, с другой — установить географию маршрутов купцов из Венеции.

Ключевые слова: Ruzzi, Ruzaramarcha, Русь, Дунай, Венеция, Франкская империя, «Баварский географ».

UDC 930.23
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.09

Vinogradov Alexey E.

Candidate of Historical Sciences
Independent Researcher
Moscow, Russia
alwynor@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3041-4103

TOPONYMS AND ETHNONYMS RUZARAMARCHA AND RUZZI: WHAT IS RUSSIAN ABOUT THEM?

Abstract. Mentioned in European Medieval sources the terms Ruzzi and Ruzaramarcha are often associated with the ethnonym Rus and are considered to be its specific Old High German reflection. In the light of such assumptions, early Russia appears as a significant ethno-state formation with active trade relations up to the upper Danube. These hypotheses do not take into account the wide distribution in the German lands

© Виноградов А. Е., 2023

The Frankish Empire had other languages, notably early Italian. Ruzzi and Ruzaramarcha are united only by a common root, meaning a circular movement, while for the first case there is an Italian folk etymology of the ethnonym, the second case had nothing to do with the names of the tribes. Such an analysis of the above terms allows, on the one hand, to clarify the list of forms used to designate Russia, on the other hand, to establish the geography of the routes of merchants from Venice.

Keywords: Ruzzi, Ruzaramarcha, Rus', Danube, Venice, Frankish Empire, *Bavarian geographer*.

Введение. В общем споре о предыстории этнонима «Русь» последние десятилетия немаловажную роль играет этническая атрибутация и объяснение двух наиболее ранних терминов, так или иначе связываемых с Русью. Речь идет о слове Ruzzi, упомянутом в трактате «Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii», или «Баварском географе»[1], и об упоминаемом под 862/863 г. в грамоте Альтайхскому (Altaha) монастырю в австрийском Подунавье хорониме Ruzaramarcha[2]. Исследователей привлекает специфика формы отражения этнонима (или того, что принимается за этноним) и хоронима по сравнению с другими его формами, например Rhos, Ар-Рус, Ρωςία, отличающаяся особым «фономорфологическим обликом»[3]. Основа термина Ruzaramarcha называется «курьезным именем»[4].

С подробным анализом возможного происхождения слов Ruzzi, Ruzaramarcha выступил А. В. Назаренко, согласно которому эти формы отражают в латинской (как правило) письменной передаче «живой древневерхненемецкий этноним», оригиналом которого, в свою очередь, послужило славянское название. Нижненемецким вариантом этнонима являлась Rusci(a)[5].

Согласно мнению исследователя, в случае с Ruzaramarcha этноним мог сопровождать немецкий же суффикс -âri, издавна обозначавший жителей определенной местности. Правда, в качестве другого примера подобного именования территории (марки) он смог привести лишь Tannâromarcha в Баварии[6]. Ruzaramarcha трактуется как название колонии купцов из Киевской Руси[7] или еврейских купцов, которые вели торговлю «живым товаром» из Восточной

---

[1] *Łowmiański H.* O pochodzeniu Geografa Bawarskiego // Rozniki Historyczne. 1955. № 20. S. 17.

[2] Monumenta Boica / Acad. scientiarum boica. Monachii [München], 1771. Vol. XI. P. 121.

[3] *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Название Русь в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия (Old Rus' and Scandinavia): избранные труды. М., 2011. С. 147.

[4] *Назаренко А. В.* Русь IX в.: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 27.

[5] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 37, 49–50.

[6] Там же. С. 17.

[7] Там же. С. 15, 18, 104–108.

Европы[8]. «Русский» характер топонима исследователь пытается подтвердить упоминанием этносоционима Ruzarii в грамоте, выданной купцам в Регенсбурге в конце XII в., где один из этих купцов фигурирует как Отто из Киева (Otto de Chiowe).

Вслед за А. В. Назаренко, а также О. И. Прицаком, усматривавшем, правда, в слове Ruzzi кельтско-фризский прототип[9], этнический характер Ruzaramarcha отстаивают и ряд других ученых[10], под «Русью», однако подразумевая не кельтский или немецкий этноним со славянскими корнями, а скандинавский.

Однако подобное решение вопроса не является убедительным для всех исследователей. Например, по мнению Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина, вопрос о происхождении обоих упомянутых названий, как и их связь с древнерусским «Русь», остается открытым[11].

На наш взгляд, неясным или, скорее, недоказанным является и предположение о возможности образования топонимов по модели -âri (-ara) + marcha. В наиболее, пожалуй, полном исследовании истории «марок» Д. Рентшлера[12] из сотен перечисленных единиц, кроме Ruzaramarcha, разве что Germaromarcha выглядит похоже, но вслед за Е. Фёрстманом и этот топоним, на наш взгляд, следует отнести к разряду произведенных не от -âri, а от личного имени (Germar)[13].

Что касается топонима Tannara/Tannaron/Tannâromarcha, то его первые упоминания в середине IX в. были исключительно в контексте места (locis) и не содержали каких-либо указаний на связь с их жителями (habitatores)[14]. Учитывая ярмарочную средневековую историю Tannara, не слишком большую удаленность от международных торговых маршрутов, нетрудно предположить близость его названия не к немецким, а к романским лексемам из торгово-ремесленной терминологии (*среднелат*. tannare — «дубить кожу») или из гидро- и топонимии Северной Италии (Tanaro, Tanara — видимо, от *итал*. tan — «впадина»).

Ход и результаты исследования. По нашему мнению, следы происхождения слова Ruzaramarcha также могут вести на Апеннины. Объяснение значения слова Ruzaramarcha как русской колонии выглядит странным для IX в., когда нет никаких сведений о том, что этнохороним (этникон) «Русь» был распространен в славянских землях столь широко, чтобы происходящие из них купцы

---

[8] *Назаренко А. В.* Русь IX в.: обзор письменных источников. С. 28.

[9] *Прицак О. И.* Происхождение названия Rūs/Rus' // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 119–122.

[10] *Duczko W.* Viking Rus: Studies on the presence of Scandinavian in Eastern Europe. Leiden, Boston, 2004. P. 77; *Галенко О.* Рутенська марка за джерелами IX–X ст. // Наукові записки. Вип. 29. Київ, 2006. С. 6–16.

[11] *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Указ. соч. С. 147

[12] См.: *Rentschler D.* Marken und Markgrafen im früh- und hochmittelalterlichen Reich. Eine vergleichende Untersuchung vorwiegend auf der Basis von Königsurkunden und anderen "offiziellen Quellen": Von der Philosophisch-Historischen Fakultät der Universität Stuttgart zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie (Dr. phil.). Stuttgart, 2012.

[13] *Förstemann E.* Die Altdeutsche Namenbuch. Personennamen. Nordhause, 1856. Col. 484.

[14] Die Traditionen des Hochstifts Freising / ed. Th. Bitterauf. Bd. 1. München, 1905. S. 557, 592.

или невольники могли с ним ассоциироваться. Восточные источники, восходящие к ранним протографам, описывают земли, города и верховных правителей «сакалиба», но отделяют от них Русь, в том числе географически[15].

Что касается австрийского Подунавья, нет и археологических материалов, которые бы доказывали присутствие столь ранней русской (вне зависимости от этнического определения этой Руси) торговой фактории или колонии. Нет, впрочем, и данных о торговых связях Западной или Центральной Европы с Русью столь раннего времени (первое свидетельство Ибн Йакуба о купцах «ар-Рус» на маршруте между Прагой и Краковом традиционно относят ко второй половине X в.).

Вызывает удивление и факт исчезновения слова Ruzaramarcha из источников после IX в., хотя, казалось бы, с ростом торговли число обитателей русской фактории должно было только увеличиваться. Появление же Ruzarii более чем три века спустя, причем уже на некотором географическом удалении, в Регенсбурге необязательно могло быть связано с более ранним топонимом австрийского Подунавья.

Взгляд же на топоним исключительно через призму немецкого языкознания является, по нашему мнению, чересчур узким. Регион, в котором локализуют указанное название, в IX в. являлся местом контактов германцев с другими этническими группами, в числе которых были прежде всего славяне, но не только они. В этой связи привлекает внимание активизация в Верхнем Подунавье купцов из Северной Италии, прежде всего Венеции. Уже около 800 г. они проложили путь через земли Франкской империи даже в весьма труднодоступные тогда торговые «эмпории» Северной Европы[16]. Очевидно, более близкие маршруты, в частности те, которые связывали по Дунаю Баварию и Великую Моравию — а они были до падения последней в начале X в. весьма оживленными[17], — не могли не привлечь внимания итальянцев.

В этой связи нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, которое А. В. Назаренко отметил лишь мимоходом. А именно то, что Ruzaramarcha географически совпадает с областью, которая представлялась наиболее проблемной едва ли не на всем Дунайском торговом маршруте и последние столетия была известна под немецким именем Grainer Strudel, или Strudengau («область водоворота»)[18]. Именно перед этим отрезком бурлящей около скал быстрой воды купцы вынуждены были разгружать свои судна и переносить

---

[15] *Темушев С. Н.* Взгляд на восточных славян IX–X вв. с севера Европы и Востока // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 3. Мінск, 2008. С. 209.

[16] *McCormick M.* Where do trading towns come from? Early medieval Venice and the northern emporia // Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium. Vol. 1. The Heirs of the Roman West. Berlin; New York, 2007. P. 41.

[17] *Лебедева А. А.* Раффельштеттенский мытный тариф как источник о торговле Великой Моравии IX–X веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер.: История. Международные отношения. № 4. С. 4–5.

[18] Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Т. XI. СПб., 1893. С. 232–237.

товар[19]. Представляется странным, что такой важнейший географический и логистический феномен остался вне поля зрения ученых при рассмотрении вопроса о генезисе названия Ruzaramarcha.

В этом смысле привлекают внимание не столько германские, сколько итальянские созвучные формы (учитывая близость [z], [zz] как передающих фонему /ц/). Так, позднейшие rużżare «вертеться», ruzza «игра» восходят к латинскому roteare, таким образом, в стадии вольгаре (средневековые апеннинские и сицилийские диалекты) имели значение «вращаться», «круговорот». Время возникновения соответствующих итальянских лексем не совсем ясно. Но известно, что уже к концу VIII в. некоторые тексты из письменных памятников Апеннин могут характеризоваться или как уже близкие к итальянскому, или, по крайней мере, как латинские со значительной долей нового, романского языка[20]. Устный же язык того времени, освобожденный от консервативных условностей, все еще свойственных письменности, уже был подобен итальянскому[21]. В этой связи привлекает внимание и вторая часть топонима, которая может представлять собой не немецкий суффикс, а производное от латинского существительного area «область», в купированном виде вошедшее в названия ряда североитальянских средневековых коммун (например, Ferrara от feriarum area[22]).

Таким образом, на наш взгляд, ничто не мешало топониму Ruzaramarcha образоваться именно по итальянской модели, т. е. он был записан немецкими монахами, возможно, с уст итальянских купцов, для которых Ruza — это место на реке, где судна закручивало течением, а area — его окрестности. Запись велась с немецкими орфографическими особенностями и с добавлением последнего элемента marcha (термин, обозначавший не только административную единицу, но иногда просто географическую область, часть ландшафта[23]), который представлял собой германскую кальку от area.

Сходная этимология, на наш взгляд, могла присутствовать и в случае с этнонимией «Баварского географа». Упоминаемые там в числе других племен рядом с Caziri (очевидно, хазарами) Ruzzi уверенно соотносятся с «русами» Восточной Европы[24]. Вряд ли случайно и соседство Ruzzi у баварского автора (или его источника) с Forsderen Liudi, этнонимом, в котором чаще всего видят немецкое «лесные люди». Именно поставки леса, точнее сделанных из него лодок-моноксил, для соседей и сюзеренов-русов, согласно трактату

---

[19] *Назаренко А. В.* Русь IX в.: обзор письменных источников. С. 27.

[20] *Челышева И. И.* Первые тексты на романских языках: общее и частное // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 4. С. 216–217.

[21] *Lewis G. C.* An essay on the origin and formation of the Romance languages. Oxford, 1835. P. 68.

[22] Guida del pellegrino in terra Ferrarese. Ferrara, 2000. P. 35.

[23] *Rentschler D.* Op. cit. S. 193.

[24] *Акентьев К. К.* Древнейшие свидетельства появления Рώς на византийской исторической сцене // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2010. Вып. II. С. 121–191; *Атанов П. А.* Византия и народ «Рос» в 860-х годах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2004. № 3–4. С. 8.

Константина Багрянородного «Об управлении империей», были одним из главных занятий окрестных славян.

Вместе с тем сама форма этнонима вызывает стремление вслед за А. В. Назаренко сопоставить ее с рядом имеющихся или реконструируемых форм, прежде всего славянских (русьци, *rudsi)[25]. Однако нельзя не отметить и то, что переданная немецким автором как -zzi аффриката -tsi (мягкое [ц]) звучала и на Апеннинах еще во II в.[26] В этой связи немаловажно, что источником информации «Баварского географа» служили торговцы[27]. По нашему мнению, это были те же североитальянские купцы. Мы уже отмечали вообще особенности итальянского влияния на культуру Франкской империи (то же можно сказать и о ее королевствах-наследниках, где, собственно, и создавался «Баварский географ»), как и соседство Ruzzi в источнике с явно итальянским по форме Fraganeo[28].

Ряд других этнонимов «Географа» также мог иметь аналогичное происхождение. В частности, Attorozi, для расшифровки чьего названия привлекаются языки от тюркского до праиндоевропейского[29], отмечены в источнике как «народ отважнейший» (populus ferocissimus), что, если купировать славянское окончание, не может не быть сопоставлено с attori, современное «актёры», но буквально «совершающие действа, подвиги». Специфическая форма слова Uelenzane, означающего, видимо, волынян, наталкивает на аналогию с Vilanzoni «деревенские» (и действительно, городов у этого племени в разы меньше, чем ранее у перечисленных бужан, стадичей и др.). Этноним Bruzi, в свою очередь, заставляет вспомнить о bruzzo, сокращенной форме староитальянского bruzzolo «сумерки». Эта связь может быть рассмотрена в контексте географического положения «бруцов», т. е. потомков легендарного Брутена, пруссов, как племени одного из наиболее удаленных от места составления Descriptio к северу или северо-востоку. Обитатели таких мест традиционно рассматривались в источниках античной традиции как обделенные солнцем (например, у Иордана адогиты — племя, которое значительную часть года «не знает ясного света» — luce clara nescire).

Все это не только дополняет и без того известные факты иноязычного влияния на славянскую этнонимию «Баварского географа» (в частности, греко-латинского — в Eptaradici), но и придает им новое направление. Как мы предполагаем,

---

[25] *Милов Л. В.* Ruzzi «Баварского географа» и так называемые русичи // Отечественная история. 2000. № 1. С. 94–101; *Шапошников А. К.* Ранняя этнонимия славян // Ономастика Поволжья. Теория и методы ономастических исследований: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года). Великий Новгород, 2019. С. 105–112.

[26] *Rohlfs G.* Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. T. I. Torino, 1966. P. 409.

[27] *Коматина П.* Славянские этнонимы «Баварского географа»: историко-лингвистический анализ // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 118.

[28] *Виноградов А. Е. Rugi* и формы этнонима Русь в средневековых европейских источниках: связь или совпадение? // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 92–93.

[29] *Łuczyński M.* «Geograf Bawarski» — nowe odczytania // Polonica. 2017. № 37. S. 74–75.

Ruzzi представляло собой явление того же порядка, однако здесь семантика кругового движения, конечно, имела иной оттенок. Ответ на него, возможно, дает уточненная датировка второй части Descriptio, где, собственно, и упомянуты Ruzzi. Вслед за С. Россиньолем, указавшим на более поздние, чем в IX в., орфографические особенности этой части, и А. С. Щавелев относит ее к X в., когда сложилась соответствующая этнографическая картина и «русь закрепилась в Киеве»[30]. По П. А. Атанову, «Географ» является подтверждением существования «Киевского каганата, образованного русами»[31]. Это заставляет вспомнить о важнейшем источнике о Руси соответствующего периода, каким является трактат «Об управлении империей» Константина Багрянородного. Согласно ему, основным образом жизни, т. е. источником доходов Руси в середине X в., было полюдье, интерпретируемое императором как *кружение, γύρα* (объезд по кругу зависимых славянских племен с целью сбора дани)[32].

Этнонимы, образованные от названия обычаев (действительных или легендарных) того или иного племени, часто фигурировали в средневековых источниках. Таково, например, и собственное имя славянского племени ободритов («отнимающие»), и его имя в латинских источниках — Praedenecenti, представляющее собой вариант первого — «убивающие ради добычи»[33].

Заключение. Нет ничего странного в том, что купцы, видимо венецианские, отразили в своих рассказах, дошедших до германских монастырей, специфические представления о дальних странах и народах, включая их названия, которые в соответствии со средневековой традицией часто интерпретировались в духе народной этимологии. Как мы уже отмечали, реальной этимологии (очевидно, имевшей географически-ландшафтный характер[34]) слова «Русь» европейские авторы не знали, соотнося его корни с напрашивавшимися ассоциациями, наиболее популярной из которых была цветовая («красные»)[35]. Итальянские торговцы также предпочли придать этнониму наиболее «объясняющую», на их взгляд, форму.

Возможно, и некоторые последующие эпизоды феномена Ruz- (например, Ruzzia у Адама Бременского) были не столько немецкими новациями, сколько реминисценциями итальянизма на немецкой почве. На наш взгляд, все это является еще одним штрихом к картине сложных мультикультурных контактов

---

30 *Щавелев А. С.* Славянские «племена» Восточной Европы X – первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 2. С. 107.

31 *Атанов П. А.* Указ. соч. С. 8.

32 Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991. С. 50–51.

33 *Коматина П.* Указ. соч. С. 109–110.

34 См.: *Виноградов А. Е.* Об этнониме Rutheni в средневековой Трансильвании // Вестник Костромского государственного университета. 2022. № 2. С. 9–22.

35 *Виноградов А. Е. Rugi* и формы этнонима Русь в средневековых европейских источниках… С. 92–93.

средневековой Европы, включая и ее восточную часть. Вместе с тем вышеизложенное позволяет, с одной стороны, выделить в этой картине новые этнокультурные составляющие, с другой — отделить из общего потока сведений о начальной Руси скорее случайные и не имеющие к ней прямого отношения лингвистические факты.

Литература

1. Акентьев К. К. Древнейшие свидетельства появления Рώς на византийской исторической сцене // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2010. № 2. С. 121–191.

2. Атанов П. А. Византия и народ «Рос» в 860-х годах // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2004. № 3–4. С. 3–11.

3. Виноградов А. Е. *Rugi* и формы этнонима *Русь* в средневековых европейских источниках: связь или совпадение? // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 90–103.

4. Виноградов А. Е. Об этнониме Rutheni в средневековой Трансильвании // Вестник Костромского государственного университета. 2022. № 2. С. 9–22.

5. Галенко О. Рутенська марка за джерелами IX–X ст. // Наукові записки. Вип. 29. Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2006. С. 6–16.

6. Коматина П. Славянские этнонимы «Баварского географа»: историко-лингвистический анализ // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 106–137.

7. Лебедева А. А. Раффельштеттенский мытный тариф как источник о торговле Великой Моравии IX–X веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер.: История. Международные отношения. № 4. С. 3–6.

8. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия (Old Rus' and Scandinavia): избранные труды. М.: Университет Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 133–152.

9. Милов Л. В. Ruzzi «Баварского географа» и так называемые русичи // Отечественная история. 2000. № 1. С. 94–101.

10. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

11. Назаренко А. В. Русь IX в.: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Институт археологии РАН; Древности Севера, 2012. С. 13–55.

12. Прицак О. И. Происхождение названия Rūs/Rus' // Вопросы языкознания 1991. № 6. С. 115–131.

13. Темушев С. Н. Взгляд на восточных славян IX–X вв. с севера Европы и Востока // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 3. Мінск: БДУ, 2008. С. 208–215.

14. Челышева И. И. Первые тексты на романских языках: общее и частное // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 4. С. 216–220.

15. Шапошников А. К. Ранняя этнонимия славян // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород,

17–20 сентября 2019 года) / сост., ред. В. Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: ТПК «Печатный двор», 2019. С. 105–112.

16. Щавелев А. С. Славянские «племена» Восточной Европы X – первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 2. С. 99–133.

17. Duczko W. Viking Rus: studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden, Boston: Brill, 2004. 290 p.

18. Guida del pellegrino in terra Ferrarese / Introduzione E. Rossi. Ferrara: Archidiocesi di Ferrara-Comacchio, 2000. 110 p. (Series: The Northern World. Vol. 12. North Europe and the Baltic).

19. Łowmiański H. O pochodzeniu Geografa Bawarskiego // Rozniki Historyczne. 1955. № 20. S. 9–58.

20. Łuczyński M. “Geograf Bawarski” — nowe odczytania // Polonica. 2017. № 37. S. 67–89.

21. McCormick M. Where do trading towns come from? Early medieval Venice and the northern emporia // Post-Roman towns, trade and settlement in Europe and Byzantium. Vol. 1. The heirs of the Roman West / ed. J. Hennig. Berlin; New York: De Gruyter, 2007. P. 41–68.

22. Rentschler D. Marken und Markgrafen im früh- und hochmittelalterlichen Reich. Eine vergleichende Untersuchung vorwiegend auf der Basis von Königsurkunden und anderen “offiziellen Quellen” / Von der Philosophisch-Historischen Fakultät der Universität Stuttgart zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie (Dr. phil.). Stuttgart: Historisches Institut der Universität Stuttgart, 2012. 1042 s.

23. Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana. T. I. Torino: G. Ernaudi, 1966. 520 p.

References

1. Akent’ev K. K. Drevneishie svidetel’stva poiavleniia Рώς na vizantiiskoi istoricheskoi stsene [The oldest evidence of the appearance of Рώς on the Byzantine historical scene] // Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. 2010. № 2. P. 121–191. (In Russ.).

2. Atanov P. A. Vizantiia i narod «Ros» v 860-kh godakh [Byzantium and the people of “Ros” in the 860s.] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia. 2004. № 3–4. P. 3–11. (In Russ.).

3. Vinogradov A. E. *Rugi* i formy etnonima *Rus’* v srednevekovykh evropeiskikh istochnikakh: sviaz’ ili sovpadenie? [*Rugi* and forms of the ethnonym *Rus* in medieval European sources: connection or coincidence?] // Lokus: liudi, obshchestvo, kul’tury, smysly. 2021. T. 12. № 1. P. 90–103. (In Russ.).

4. Vinogradov A. E. Ob etnonime Rutheni v srednevekovoi Transil’vanii [About the ethnonym Rutheni in medieval Transylvania] // Vestnik of Kostroma State University. 2022. № 2. P. 9–22. (In Russ.).

5. Galenko O. Rutens’ka marka za dzherelami IX–X st. [Ruthenian marchia according to the sources of the IXth–Xth centuries] // Naukovi zapiski. Vip. 29. Kiïv: Institut politichnikh i etnonatsional’nikh doslidzhen’ im. I. F. Kurasa NAN Ukraïni, 2006. P. 6–16. (In Russ.).

6. Komatina P. Slavianskie etnonimy «Bavarskogo geografa»: istoriko-lingvisticheskii analiz [Slavic ethnonyms of the “Bavarian geographer”: historical and linguistic analysis] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. P. 106–137. (In Russ.).

7. Lebedeva A. A. Raffel'shtettenskii mytnyi tarif kak istochnik o torgovle Velikoi Moravii IX–X vekov [Raffelshtetten Customs Tariff as a Source of Trade in Great Moravia in the IXth–Xth] // Izvestiya of Saratov University. History. International Relations. 2012. Vol. 12. № 4. P. 3–6. (In Russ.).

8. Mel'nikova E. A., Petrukhin V. Ia. Nazvanie «Rus'» v etnokul'turnoi istorii Drevnerusskogo gosudarstva (IX–X vv.) [Name of Russia in the ethno-cultural history of the Old Russian state (IX–X centuries)] // Mel'nikova E. A. Drevniaia Rus' i Skandinaviia (Old Rus' and Scandinavia): izbrannye trudy. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo; Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2011. P. 133–152. (In Russ.).

9. Milov L. V. Ruzzi «Bavarskogo geografa» i tak nazyvaemye rusichi [Ruzzi of the "Bavarian Geographer" and the so-called Russians] // Otechestvennaia istoriia. 2000. № 1. P. 94–101. (In Russ.).

10. Nazarenko A. V. Drevniaia Rus' na mezhdunarodnykh putiakh. Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh sviazei IX–XII vekov [Ancient Russia on international routes. Interdisciplinary essays on cultural, trade, political relations of the IXth–XIIth centuries]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2001. 784 p. (In Russ.).

11. Nazarenko A. V. Rus' IX v.: obzor pis'mennykh istochnikov [Russia in the IXth century: a review of written sources] // Rus' v IX–X vekakh. Arkheologicheskaia panorama. Moscow; Vologda: Institut arkheologii RAN; Drevnosti Severa, 2012. P. 13–55. (In Russ.).

12. Pritsak O. I. Proiskhozhdenie nazvaniia Rūs/Rus' [Origin of the name Rūs/Rus'] // Voprosy iazykoznaniia. 1991. № 6. P. 115–131. (In Russ.).

13. Temushev S. N. Vzgliad na vostochnykh slavian IX–X vv. s severa Evropy i Vostoka [A look at the Eastern Slavs of the IXth–Xth centuries from the North of Europe and the East] // Pratsy gistarychnaga fakul'teta BDU. Vyp. 3. Minsk: BDU, 2008. P. 208–215. (In Russ.).

14. Chelysheva I. I. Pervye teksty na romanskikh iazykakh: obshchee i chastnoe [The first texts in Romance languages: general and particular] // Scientific notes of Orel State University. 2018. № 4. P. 216–220. (In Russ.).

15. Shaposhnikov A. K. Ranniaia etnonimiia slavian [Early ethnonymy of the Slavs] // Onomastika Povolzh'ia: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Velikii Novgorod, 17–20 sentiabria 2019 goda) / sost., red. V. L. Vasil'ev; Novgorodskii gos. un-t im. Iaroslava Mudrogo. Velikii Novgorod: TPK «Pechatnyi dvor», 2019. P. 105–112. (In Russ.).

16. Shchavelev A. S. Slavianskie «plemena» Vostochnoi Evropy X – pervoi poloviny XI veka: autentifikatsiia, lokalizatsiia i khronologiia [Slavic "tribes" of Eastern Europe in the Xth – first half of the XIth century: authentication, localization and chronology] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 2. P. 99–133. (In Russ.).

17. Duczko W. Viking Rus: studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden, Boston: Brill, 2004. 290 p.

18. Guida del pellegrino in terra Ferrarese / Introduzione E. Rossi. Ferrara: Archidiocesi di Ferrara-Comacchio, 2000. 110 p. (Series: The Northern World. Vol. 12. North Europe and the Baltic).

19. Łowmiański H. O pochodzeniu Geografa Bawarskiego // Rozniki Historyczne. 1955. № 20. S. 9–58.

20. Łuczyński M. "Geograf Bawarski" — nowe odczytania // Polonica. 2017. № 37. S. 67–89.

21. McCormick M. Where do trading towns come from? Early medieval Venice and the northern emporia // Post-Roman towns, trade and settlement in Europe

and Byzantium. Vol. 1. The heirs of the Roman West / ed. J. Hennig. Berlin; New York: De Gruyter, 2007. P. 41–68.

22. Rentschler D. Marken und Markgrafen im früh- und hochmittelalterlichen Reich. Eine vergleichende Untersuchung vorwiegend auf der Basis von Königsurkunden und anderen “offiziellen Quellen” / Von der Philosophisch-Historischen Fakultät der Universität Stuttgart zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie (Dr. phil.). Stuttgart: Historisches Institut der Universität Stuttgart, 2012. 1042 s.

23. Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana. T. I. Torino: G. Ernaudi, 1966. 520 p.

УДК 94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.10

Рагимова Афат Фируддиновна

кандидат исторических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
ragimova.afa@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3575-0923

КУРДСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ (КОНЕЦ XX в. – 2020 г.)

Аннотация. В начале XXI столетия вновь актуальна проблема обострения межнациональных конфликтов в разных точках нашей планеты. Одним из них является турецко-курдское противостояние, которое продолжается уже почти сорок лет. В статье рассматривается влияние курдского фактора на ключевые аспекты внешней политики Турецкой Республики в конце XX – начале XXI в., такие как взаимоотношения с соседними странами, в первую очередь с Ираком и Сирией, а также с европейскими странами и США. Автором дается подробный обзор ключевых событий внешнеполитического курса Турции, связанного с курдским вопросом в 80–90-е гг. XX – начале XXI в., как военного, так и дипломатического характера. В заключении статьи делается вывод, что в настоящее время курдский фактор является одним из основополагающих инструментов внешней политики Турции, используя который она методично добивается поставленных целей.

Ключевые слова: Турция, Сирия, Ирак, курды, курдский вопрос, Рабочая партия Курдистана, Партия справедливости и развития, НАТО, ЕС.

UDC 94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.10

Ragimova Afat F.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Moscow City University
Moscow, Russia
ragimova.afa@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3575-0923

THE KURDISH FACTOR IN THE FOREIGN POLICY OF TURKEY (END OF THE XX CENTURY – 2020)

Abstract. At the beginning of the XXI century, the problem of aggravation of interethnic conflicts in different parts of our planet is again relevant. One of them is the Turkish-Kurdish confrontation, which has been going on for almost 40 years. This article discusses the influence of the Kurdish factor on key aspects of the foreign policy of the Republic of Turkey in the late XX – early XXI centuries, such as relations with neighboring

© Рагимова А. Ф., 2023

countries, primarily with Iraq and Syria, as well as with European countries and the United States. The author gives a detailed review of the key events in Turkey's foreign policy related to the Kurdish issue in the 80–90s XXth century – the beginning of the XXIst century, both military and diplomatic. At the end of the article, it is concluded that at present the Kurdish factor is one of the fundamental instruments of Turkey's foreign policy, using which it methodically achieves its goals.

Keywords: Turkey, Syria, Iraq, Kurds, Kurdish issue, Kurdistan Workers' Party (PKK), Justice and Development Party (AKP), NATO, EU.

Введение. В настоящей статье будет рассмотрено, каким образом курдский фактор отражался на внешней политике Турецкой Республики в конце XX – начале XXI в. Работа опирается на широкий круг источников и научной литературы по данной проблеме: международные документы[1], фундаментальные труды ведущих отечественных востоковедов-тюркологов (К. Вертяев, М. Гасратян, Н. Мосаки и др.)[2], а также статьи, посвященных курдскому вопросу (К. Вертяев, Н. Вершинина, В. Егоров, О. Жигалина, Ю. Кудряшова, Р. Сулейманов, К. Хикметов, М. Трофимцова и др.)[3]. Используются также официальные пресс-релизы как российских (Life, РБК), так и турецких (Anadolu, Hurriyet) информационных агентств.

Ход и результат исследования. Проблема взаимоотношений курдов и турок уходит своими корнями еще во времена Османской империи. По Севрскому мирному договору, подписанному представителями союзных держав Антанты и султанского правительства 10 августа 1920 г., потерпевшая поражение в Первой мировой войне Османская империя фактически перестала существовать как независимое государство, потеряв три четверти своей территории. Судьба населявших ее национальных меньшинств была прописана в соответствующих

---

[1] См.: Турция. Договоры. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927 и др.

[2] См.: *Вертяев К. В.* Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). М., 2007; *Гасратян М. А.* Курдская проблема в Турции (1986–1995). М., 2001; *Мосаки Н. З.* Курдистан: ресурсы и политика. Ч. 1. М., 2005 и др.

[3] См., например: *Арутюнян А. Э.* Курдская проблема как фактор дестабилизации турецко-сирийских отношений // Курды Западной Азии (XX – начало XXI в.): проблемы курдского самоопределения: сб. статей. М., 2012. С. 100–117; *Жигалина О. И.* Курдская проблема в современной Турции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Вып. 38. № 8 (229). С. 190–194; *Егоров В. К.* Курдский фактор во внешней политике Турции // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI в. М., 2006. С. 206–215; *Жигалина О. И.* Эволюция курдского национального движения в странах Западной Азии // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М., 2014. С. 266–280; *Кудряшова Ю. С.* Региональная безопасность Турции в контексте курдской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 30–37; *Трофимцова М. А.* Курдский вопрос в национальной политике Турции на современном этапе // Достижения вузовской науки. 2016. № 21. С. 32–36; *Сулейманов Р., Хикметов К.* Роль «курдского фактора» в попытке государственного переворота 15 июля 2016 года в Турции // Россия и мусульманский мир. 2017. № 3. С. 84–96 и др.

статьях договора. В частности, статьи 62–64 касались курдов, которым предоставлялась возможность создания собственного государства, при условии, что Совет Лиги наций признает способность курдского населения к независимости[4]. В соответствии с положениями Севрского договора 10 февраля 1922 г. Курдистану была предоставлена автономия. Курдские отряды вместе с турецкой армией принимали участие в национально-освободительной войне турецкого народа против иностранных интервентов, продолжавшейся до заключения Лозаннского мирного договора 24 июля 1923 г. Премьер-министр Турции Исмет Иненю на турецко-курдском конгрессе, происходившем в Диярбакыре 1 сентября 1924 г. заявил, что «Турция принадлежит двум народам — туркам и курдам, которые равны перед правительством и пользуются одинаковыми национальными правами»[5].

Национально-освободительное движение закончилось победой кемалистов (сторонников Мустафы Кемаля, первого президента Турецкой Республики). Однако, несмотря на декларируемые ими заверения о турецко-курдской дружбе, в принятой в 1924 г. Конституции Турецкой Республики вообще не упоминалось о какой бы то ни было автономии курдов (политической или хотя бы культурной). Причиной неудачи создания независимого Курдистана К. В. Вертяев считает «отсутствие единой национальной концепции будущего курдского государства, неясность с определением границ ввиду частичной ассимиляции с турками, а также ряд других причин не позволили решить вопрос с курдской государственностью, несмотря на гарантированное Севрским договором право на самоопределение, которым курды так и не поспешили воспользоваться»[6].

Тем не менее позже курды попытались добиться создания собственного государства с помощью оружия. За период 20–70-х гг. XX в. произошло несколько крупных вооруженных выступлений курдов; в их среде стали возникать военизированные политические организации («Хойбун» — в 1927 г., «Рызгыри» — в 40-х гг. XX в. и т. п.). В ответ турецкое правительство полностью исключило возможность участия курдов в политической жизни страны, запретило публичное употребление курдского языка, проводило насильственную тюркизацию и ассимиляцию курдов, подавляло курдскую оппозицию, в том числе и с применением регулярных вооруженных сил.

В середине 70-х гг. XX в. противостояние курдской оппозиции и турецкого правительства обострилось. Процесс консолидации антиправительственных сил в Юго-Восточной Анатолии возглавил бывший студент факультета политологии университета Анкары Абдулла Оджалан. В 1978 г. он с группой единомышленников создает Рабочую партию Курдистана (РПК). Эта леворадикальная марксистская организация под лозунгами национально-освободительной борьбы курдов и создания независимого Курдистана быстро стала завоевывать

---

[4] Турция. Договоры. Севрский мирный договор и акты… С. 25.

[5] *Вертяев К. В.* Курдский вопрос в политике Турции… С. 19.

[6] Там же. С. 21.

симпатии местного курдского населения. Входящие в структуру РПК боевые отряды должны были противостоять как соединениям внутренних сил охраны порядка (полиции, жандармерии), так и регулярным вооруженным силам Турецкой Республики. В. К. Егоров отмечает: «С объявлением этой партией в 1984 г. начала вооруженной борьбы за создание на территории всего этнического Курдистана независимого курдского государства курдская проблема стала все более усиливающимся фактором внешней политики Турции»[7].

К сожалению, использование в своих интересах комплекса межнациональных проблем уже достаточно давно стало одним из инструментов международной дипломатии. Наличие в арсенале подобных инструментов в качестве средства давления или политического козыря в межгосударственных и международных отношениях в регионе характерно не только для региональных, но и для мировых держав[8].

Выделим два основных направления внешней политики Турции, на которые оказывает влияние курдский фактор. Первое — это отношения Турции с ее ближайшими соседями, прежде всего Ираком и Сирией, в меньшей степени с Ираном. Второе — это отношения Турции с Соединенными Штатами Америки и странами Европейского союза.

Большинство специалистов отмечают, что регулярное военное сотрудничество Турции и Ирака в борьбе с вооруженными отрядами курдских сепаратистов началось еще в 80-х гг. XX в.[9] В этот период правительство Саддама Хусейна проводило репрессии против курдов на севере Ирака. После поражения Ирака в войне против стран международной коалиции (операция «Буря в пустыне») репрессии против курдского населения повторились с еще большей силой.

Наконец, для предотвращения репрессий правительства С. Хусейна против иракских курдов в апреле 1991 г. резолюцией Совета Безопасности ООН на севере Ирака была установлена зона безопасности, в дальнейшем получившая название Курдского автономного района (далее — КАР). Это политическое образование получило широкую степень автономии, собственные парламент, правительство и даже денежные знаки (в 2004 г.). Успехи, достигнутые курдами в строительстве национальной автономии на севере Ирака, вызвали предсказуемо негативную реакцию со стороны Турции, Сирии и Ирана.

Современные тюркологи подчеркивают, что курдский фактор имеет особое значение во внешнеполитическом курсе современной Турции применительно к северу Ирака. В. К. Егоров считает, что камнем преткновения является территория, которая до Первой мировой войны входила в Мосульский вилайет, а затем стала частью современного Ирака[10]. М. А. Гасратян, говорит о том, что ситуация в курдских районах на границе с Ираком, Сирией и Ираном

---

[7] *Егоров В. К.* Указ. соч. С. 208.

[8] *Мосаки Н. З.* Указ. соч. С. 6.

[9] *Егоров В. К.* Указ. соч. С. 208; *Гасратян М. А.* Указ. соч. С. 91.

[10] *Егоров В. К.* Указ. соч. С. 210.

сказывалась на взаимодействии Турции с этими странами по обеспечению совместных усилий в борьбе с курдскими повстанцами[11]. По мнению Ю. С. Кудряшовой, «острота курдского вопроса в Турции во многом связана как с бескомпромиссностью оппозиционных официальным властям курдских политических организаций, так и с жестокостью национальной политики властей»[12].

В 90-е гг. XX в. наибольшую активность по подавлению курдских сепаратистов на территориях соседних государств турецкие военные проявляли в Южном Курдистане (области на севере Ирака, населенные преимущественно курдами). Турции удалось сохранить право проведения военных операций против отрядов РПК в этом районе. В те годы Турция тратила на подавление курдского движения по семь миллиардов долларов в год[13]. За первую половину 1990-х гг. регулярная турецкая армия как минимум трижды вторгалась на приграничные территории Ирака с целью подавить очаги сопротивления отрядов РПК, которые дислоцировались в этих районах. Турецкими военными активно применялось тяжелое вооружение, танки и авиация. В ходе бомбардировок курдских деревень в Иракском Курдистане погибли десятки и были ранены сотни мирных жителей; тысячи человек, спасаясь от налетов, вынуждены были бежать из родных мест в соседние провинции. По данным агентства Рейтер (Reuters), только за 1992 г. РПК потеряла около 4800 человек, что составило более одной трети всех погибших боевиков за годы войны[14].

М. А. Гасратян замечает, что боевые действия с формированиями РПК вели не только турецкие военные, но и отряды гражданской милиции (пешмерга), находящиеся под контролем правительства КАР. В свою очередь, Турция оказывала значительную помощь иракским курдам, которые с самого начала создания государственности в Южном Курдистане получали от нее значительную материальную помощь. Так, осенью 1993 г. Турция выделила 13 миллионов долларов для Демократической партии Курдистана (ДПК) с целью усиления ее борьбы с РПК[15].

С 1999 по 2003 г. военные действия турецкой армии против отрядов РПК практически прекратились, потому что А. Оджалан, находившийся к этому времени уже под арестом, призвал своих сторонников к перемирию. Однако с сентября 2003 г. курдские отряды вновь активизировались. Отметим, что геополитическая обстановка в регионе к тому времени кардинально изменилась в связи с вторжением объединенной коалиции стран во главе с США в Ирак в марте 2003 г. По мнению К. В. Вертяева, новая эскалация турецко-курдского конфликта была выгодна и США, и (как это ни странно) Турции[16].

Новая крупная военная операция вооруженных сил Турции, направленная на уничтожение курдских укрепленных баз в Северном Ираке, началась

---

[11] *Гасратян М. А.* Указ. соч. С. 91.

[12] *Кудряшова Ю. С.* Указ. соч. С. 32.

[13] Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные. М., 2008. С. 264.

[14] *Вертяев К. В.* Курдский вопрос в политике Турции... С. 107.

[15] *Гасратян М. А.* Указ. соч. С. 96.

[16] *Вертяев К. В.* Курдский вопрос в политике Турции... С. 184.

в октябре 2007 г. Одновременно с этим по всей стране прошли демонстрации в поддержку разгрома боевиков РПК, укрывавшихся на территории Ирака[17]. В операции со стороны Турции участвовало порядка десяти тысяч солдат, большое количество военной техники, включая авиацию. По сообщениям информагентств, потери курдских повстанцев к середине декабря составили 175 человек[18]. Операция закончилась выводом турецких войск с территории Ирака.

Следующие пять лет для Северного Ирака были периодом относительного затишья. Турецкие военные ограничивались лишь локальными военно-воздушными операциями по уничтожению очагов курдского сопротивления на иракской территории. Между Турцией и РПК в 2013 г. даже было заключено новое перемирие: Абдулла Оджалан призвал своих сторонников прекратить вооруженное сопротивление и объединить усилия с правительственными войсками в борьбе с ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта — организация, признанная террористической на территории РФ), стремящегося взять под свой контроль северо-западные районы Ирака[19]. Но два года спустя вновь произошло обострение конфликта после того, как турецкие самолеты нанесли ракетно-бомбовые удары в Сирии и Ираке по позициям курдских отрядов[20]. Об интенсивности боевых действий говорит тот факт, что только за период с июля 2015 по июнь 2016 г. военные потери составили порядка 3500 человек убитыми с обеих сторон[21].

Турецкая армия продолжает военные действия против отрядов РПК на территории Северного Ирака и в настоящее время. 18 апреля 2022 г. Министерство обороны Турции начало новую военную операцию против боевиков РПК, на этот раз она проходит в северной части Ирака[22]. Таким образом, можно констатировать, что начался очередной этап вооруженного противостояния между правительственными войсками Турецкой Республики и военизированными формированиями РПК, хотя в последнее время премьер-министр Турции Рэджеп Тайип Эрдоган неоднократно отмечал в своих выступлениях, что в Турции нет курдской проблемы. В одном из своих интервью на вопрос журналиста, почему правительство уклоняется от решения курдской проблемы, Р. Т. Эрдоган

---

[17] Gudi ve Gabar bombalaniyor // Gazetearsivi.milliyet.com.tr: [сайт]. [19.10.2007]. URL: http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/GununYayinlari/Mu018GNBwDu6IL7_x2B_3xINWQ_x3D__x3D_ (дата обращения: 05.11.2022).

[18] Турция начала полномасштабное вторжение в Ирак // РБК: [сайт]. [22.02.2008]. URL: https://www.rbc.ru/politics/22/02/2008/5703cb459a79470eaf76959f (дата обращения: 25.08.2022).

[19] İşte Öcalan›ın nevruz mesajı [Электронный ресурс] // Cumhuriyet: [сайт]. [20.03.2015]. URL: https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/iste-ocalanin-nevruz-mesaji-232961 (дата обращения: 05.11.2022).

[20] *Трофимцева М. А.* Указ. соч. С. 35.

[21] *Сулейманов Р., Хикметов К.* Указ. соч. С. 92.

[22] Mehmetçik, Irak'ın kuzeyindeki terör yuvalarına yönelik Pençe Kilit Operasyonu başlattı // Anadolu: [сайт]. [18.04.2022]. URL: https://www.aa.com.tr/tr/gundem/mehmetcik-irakin-kuzeyindeki-teror-yuvalarina-yonelik-pence-kilit-operasyonu-baslatti/2566054 (дата обращения: 27.07.2022).

ответил: «Что вы заладили с этой курдской проблемой, то одно, то другое… В Турции нет такой проблемы. Мы давно решили и закрыли этот вопрос»[23].

Схожим образом обстояла ситуация и в отношении курдского вопроса в Сирии. Уже в 1980-е гг. XX в. между двумя государствами был подписан ряд договоров о сотрудничестве в борьбе с РПК[24]. Но все эти соглашения носили лишь декларативный характер: на севере Сирии по-прежнему функционировали тренировочные лагеря и базы РПК. Еще ряд договоров и протоколов по безопасности между Сирией и Турцией, в которых подчеркивалась важность совместной борьбы с терроризмом и РПК впервые была названа террористической организацией, был подписан в 1992–1993 гг.[25]

Тем не менее даже после этого отношения между Турцией и Сирией оставались очень напряженными. Курдские отряды продолжали переходить турецкую границу с территории Сирии. А в октябре 1998 г. дело чуть было не закончилось полноценным военным конфликтом, когда Анкара обвинила Дамаск в укрывательстве боевиков РПК, которые использовали сирийские банки для финансирования своей деятельности в Турции. С обеих сторон к сирийско-турецкой границе были стянуты войска; к счастью, военного столкновения удалось избежать. Затем стороны заключили целый ряд соглашений, которые легли в договорно-правовую базу их отношений, в том числе о борьбе с терроризмом[26]. После этого деятельность РПК на территории Сирии была свернута, их базы ликвидированы, А. Оджалан выслан из страны. Отношения между странами оставались дружественными вплоть до начала Гражданской войны в Сирии в 2011 г.

В 90-е гг. XX в. проходили ряд важнейших встреч между руководством Турции и лидерами соседних государств. На правительственном уровне как Турция, так и Сирия, Ирак и Иран формально выступали против создания независимого курдского государства и перекройки карты Среднего Востока. Подтверждением подобной позиции стало Стамбульское заявление министров иностранных дел Анкары, Дамаска и Тегерана в феврале 1994 г. В нем были осуждены «террористические» действия, направленные против каждой из стран-участниц, также они подтвердили свои обязательства принимать необходимые меры против подобных действий[27]. Но, как справедливо отметила О. И. Жигалина, «в этой сложной ситуации не только Иран и Турция, но и Ирак и Сирия будут препятствовать процессу развития тенденций в этническом Курдистане, способных привести к созданию независимого курдского государства. Эти страны будут использовать курдский фактор для реализации собственных региональных интересов»[28].

---

[23] Erdoğan ağız değiştirdi: Ne Kürt sorunu ya? [Электронный ресурс] // Cumhuriyet: [сайт]. [15.03.2015]. URL: https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/erdogan-agiz-degistirdi-ne-kurt-sorunu-ya-231433 (дата обращения: 27.07.2022).

[24] *Арутюнян А. Э.* Указ. соч. С. 105–106.

[25] Там же. С. 110.

[26] *Фролов А. В.* Указ. соч. С. 87.

[27] *Гасратян М. А.* Указ. соч. С. 98.

[28] *Жигалина О. И.* Эволюция курдского национального движения... С. 271.

Вторым важнейшим направлением внешней политики Турецкой Республики в 90-е гг. XX в. – первые десятилетия XXI в., на которое, так или иначе, оказывал свое влияние курдский фактор, были отношения со своими союзниками по блоку НАТО, прежде всего с США, а также с ведущими европейскими странами — Германией, Великобританией, Францией.

Именно в 90-е гг. XX в. возникает напряженность в отношениях между Турцией и ее самым важным партнером по НАТО — Соединенными Штатами Америки. В течение сорока лет до этого Турция была верным союзником США на Ближнем Востоке. Но с концом холодной войны и с распадом СССР для США отпала необходимость в Турции как плацдарме, направленном против «советской угрозы». Теперь этой стране предназначалась роль сдерживающей силы для государств, вошедших в ось зла, по версии США, в лице Ирана и Сирии, а также превращение в буферную зону для завершения операции по демократизации Ирака.

В феврале 2003 г. при подготовке военной операции в Ираке США пообещали, что приложат все усилия для сохранения статуса Курдского автономного района и не будут препятствовать сохранению особого статуса Турции в Северном Ираке. Турция должна была в обмен предоставить возможность для прохождения войск антииракской коалиции по своей территории и разрешить использование своих военных баз[29].

Однако в марте 2003 г. меджлис Турции проголосовал против участия страны в антииракской кампании, в то время как иракские курды поддержали международную коалицию. Впервые за полвека политические интересы США и Турции разошлись. По мнению В. К. Егорова, дальнейшая поддержка Соединенными Штатами турецких курдов стала невозможна ввиду опасности возникновения в регионе нового вооруженного конфликта с труднопредсказуемыми последствиями[30]. В своем стремлении решить курдский вопрос Турция старается сблизиться с Сирией и Ираном, где существует аналогичная проблема. Американские политики и военные, в свою очередь, предпринимают усилия, чтобы не допустить этого сближения, поэтому их отношение к курдскому вопросу в Турции будет очень сдержанным и осторожным.

Если говорить о роли курдского фактора в отношениях Турции со странами Западной Европы, то ключевым здесь является вопрос о ее вступлении в ЕС. В отличие от США западноевропейские страны больше озабочены не перекройкой карты Ближнего и Среднего Востока (хотя, безусловно, экономические интересы европейцев здесь также присутствуют), а предметом соблюдения прав курдов в Турции, стремящейся стать полноправным членом Европейского сообщества.

В декабре 1995 г. Европейский парламент утвердил прием Турции в Европейский таможенный союз (ЕТС). Это означало, что экономические интересы

---

[29] *Вертяев К. В.* Проблема независимости Курдистана — источник напряженности в отношениях между Турцией и США // Курды Западной Азии (XX – начало XXI в.). Проблема курдского самоопределения: сб. статей. М., 2012. С. 122.

[30] *Егоров В. К.* Указ. соч. С. 213.

возобладали над соблюдением прав человека. Изначально это решение связывалось в том числе и с разрешением курдской проблемы, а также с общими тенденциями к демократизации в стране. Однако турецкому правительству удалось убедить западные страны, что если они не примут Турцию в Европейский таможенный союз, то это усилит радикальное исламское движение, отдалит Турцию от Европы. Этот фактор, а также экономические интересы Европы сыграли свою роль в положительном для Турции решении о принятии ее в ЕТС[31]. Немаловажно, что те уступки, которые были сделаны турецкой администрацией по отношению к соблюдению гражданских прав курдов, во многом были продиктованы стремлением воздействовать на общественное мнение стран ЕС.

Следует отметить, что в европейских странах очень сильна курдская диаспора, функционируют крупнейшие курдские общественные организации и культурные центры, выпускаются газеты и журналы, действуют теле- и радиостанции на курдском языке. У курдов в Европе есть значительная общественная поддержка, а также обширные связи в европейских политических и общественных институтах, таких как Ассоциация по правам человека в Турции, которая координирует свою деятельность с Курдским проектом по правам человека в Лондоне, Европейским парламентом и международным мониторингом прав человека[32]. Как замечает В. К. Егоров, «все это в совокупности представляет собой серьезный потенциал влияния на отношения Турции с объединенной Европой, полноценной частью которой она давно и без особого успеха пытается стать»[33].

Ю. С. Кудряшова полагает, что «признание определенной культурной автономии курдов — своеобразный карт-бланш, который Турция сделала Европе»[34]. И в случае принятия Турецкой Республики в ЕС турецкий генералитет надеется на помощь европейских стран в решении курдского вопроса. Если же курдские сепаратисты попытаются воспользоваться моментом ослабления силового давления на них, поддержка военными политики правящей с 2003 г. Партии справедливости и развития может прекратиться.

Как уже отмечалось выше, новое руководство Турции все больше дистанцируется от США и все больше сближается с Европейским союзом, вступление в который, по данным соцопросов, поддерживает курдская часть населения страны. Но, по мнению К. В. Вертяева, «превращение турецкого общества в процессе реформ в мультикультурное демократическое сообщество турок и курдов противоречит самой концепции национальной безопасности страны и является камнем преткновения в переговорах с Европой»[35].

В ноябре 2004 г. на заседании комиссии по проблеме курдов и интеграции Турции в ЕС при Европейском парламенте была вынесена резолюция, что

---

[31] *Гасратян М. А.* Указ. соч. С. 167.

[32] *Жигалина О. И.* Эволюция курдского национального движения... С. 271.

[33] *Егоров В. К.* Указ. соч. С. 214.

[34] *Кудряшова Ю. С.* Указ. соч. С. 33.

[35] *Вертяев К. В.* Проблема независимости Курдистана… С. 169.

именно курдский вопрос является главным препятствием на пути вступления Турции в ЕС в качестве полноправного члена. А летом этого же года вышла статья Р. Т. Эрдогана, где он пишет о том, что «национальные интересы Турции требуют, чтобы по соседству находились мирные и стабильные государства, с которыми она могла бы взаимодействовать на всех уровнях»[36]. Вместе с тем Эрдоган признает существование террористической угрозы, исходящей, по его мнению, от «тех, кто использует террористические методы в политических целях», очевидно, подразумевая в том числе и курдских сепаратистов[37].

Мнения исследователей по поводу того, как в дальнейшем сложатся перспективы сотрудничества Турции с европейскими странами, зачастую совершенно разнятся. К. В. Вертяев полагает, что перспектива политического решения курдского вопроса в стране весьма туманна, как и возможность вступления Турции в Европейский союз[38]. А. Амирбек, напротив, считает, что Турция прежде всего будет учитывать свои национальные интересы и идти к более тесному сотрудничеству с евразийскими державами[39].

Сегодня турецкое правительство умело использует курдский фактор в качестве дополнительного инструмента воздействия на европейские страны. Так, в мае 2022 г. Швеция и Финляндия подали официальную заявку на вступление в НАТО, против чего выступила Турция[40]. Однако уже через месяц, 28 июня, на саммите в Мадриде делегаты Швеции и Финляндии подписали соглашение с Турцией по поводу своего вступления в Североатлантический альянс в обмен на выполнение ряда условий: экстрадировать членов РПК, запретить проведение демонстраций в поддержку РПК на территории этих государств, заморозить счета РПК и т. д.[41] Политический обозреватель Huriyet Али Сирмен, комментируя эту ситуацию, считает, что курдский фактор во внешней политике выйдет на первое место в преддверии предстоящих в 2023 г. президентских выборов[42]. В этом контексте уже можно рассматривать заявление Р. Т. Эрдогана о гарантиях экстрадиции 73 членов РПК как серьезный аргумент в свою пользу перед предстоящими выборами[43].

---

[36] См.: Широкий взгляд на Большой Ближний Восток // Россия в глобальной политике: [сайт]. [06.09.2004]. URL: https://globalaffairs.ru/articles/shirokij-vzglyad-na-bolshoj-blizhnij-vostok (дата обращения: 04.09.2022).

[37] Там же.

[38] *Вертяев К. В.* Проблема независимости Курдистана... С. 188.

[39] *Амирбек А.* Концепция внешней политики Турции на период до 2023 года // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М., 2014. С. 397.

[40] См.: Финляндия и Швеция официально подали заявки на вступление в НАТО // Life: [сайт]. [18.05.2022]. URL: https://life.ru/p/1495039 (дата обращения: 04.09.2022).

[41] См.: Турция дала согласие на вступление Швеции и Финляндии в НАТО // Life: [сайт]. [28.06.2022]. URL: https://life.ru/p/1505362 (дата обращения: 04.09.2022).

[42] См.: Kürt faktörü [Электронный ресурс] // Cumhuriyet: [сайт]. [21.06.2022]. URL: https://www.cumhuriyet.com.tr/yazarlar/ali-sirmen/kurt-faktoru-1949438 (дата обращения: 04.09.2022).

[43] См.: Швеция требования Эрдогана о курдах назвали «неприятным сюрпризом» // Life: [сайт]. [02.07.2022]. URL: https://life.ru/p/1506163 (дата обращения: 04.09.2022).

Заключение. Таким образом, мы видим, что и в первые десятилетия XXI в. курдский фактор остается одним из ключевых для определения внешнеполитического курса Турции. С одной стороны, курды за последние тридцать лет добились значительных уступок со стороны Анкары (разрешение частным телеканалам вести вещание на языках этнических меньшинств, в том числе и на курдском; разрешение преподавать курдский язык в частных школах; легализация прокурдских политических партий), но с другой — Северный Курдистан все еще является самой отсталой частью страны, генерируя тем самым протестные настроения среди населения и формируя питательную почву для последователей РПК.

В настоящее время турецкое правительство виртуозно использует в своих интересах курдский фактор, оправдывая необходимостью борьбы с подразделениями РПК наличие на юго-востоке страны крупных формирований регулярной армии, готовых в том числе и к выполнению боевых задач на территории сопредельных государств.

Литература

1. Амирбек А. Концепция внешней политики Турции на период до 2023 года // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2014. С. 392–399.

2. Арутюнян А. Э. Курдская проблема как фактор дестабилизации турецко-сирийских отношений // Курды Западной Азии (XX – начало XXI в.): проблемы курдского самоопределения: сб. статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 100–117.

3. Вертяев К. В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 252 с.

4. Вертяев К. В. Проблема независимости Курдистана — источник напряженности в отношениях между Турцией и США // Курды Западной Азии (XX – начало XXI в.): проблемы курдского самоопределения: сб. статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 118–140.

5. Вершинина Н. В. Курдская проблема в современной Турции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Вып. 38. № 8 (229). С. 190–194.

6. Гасратян М. А. Курдская проблема в Турции (1986–1995). М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 240 с.

7. Егоров В. К. Курдский фактор во внешней политике Турции // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI в. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. С. 206–215.

8. Жигалина О. И. Эволюция курдского национального движения в странах Западной Азии // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2014. С. 266–280.

9. Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные: учеб. пособие для студентов вузов / [Л. Б. Алаев и др.]; под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008. 512 с.

10. Кудряшова Ю. С. Региональная безопасность Турции в контексте курдской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 30–37.

11. Мосаки Н. З. Курдистан: ресурсы и политика. Ч. 1. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 352 с.

12. Сулейманов Р., Хикметов К. Роль «курдского фактора» в попытке государственного переворота 15 июля 2016 года в Турции // Россия и мусульманский мир. 2017. № 3 (297). С. 84–96.

13. Трофимцова М. А. Курдский вопрос в национальной политике Турции на современном этапе // Достижения вузовской науки. 2016. № 21. С. 32–36.

14. Турция. Договоры. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне: полный пер. с фр. / под ред. Ю. В. Ключникова и А. В. Сабанина; вступ. ст. Ю. В. Ключникова. М.: Литиздат НКИД, 1927. LIV, 303 с. (Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров / под ред. Ю. В. Ключникова и А. В. Сабанина; 5).

15. Фролов А. В. Турция – Сирия: метаморфозы ближневосточной политики // Россия и мусульманский мир. 2016. № 2 (284). С. 85–101.

References

1. Amirbek A. Kontseptsiia vneshnei politiki Turtsii na period do 2023 goda [The concept of Turkish foreign policy for the period until 2023] // Gosudarstvo, obshchestvo, mezhdunarodnye otnosheniia na musul'manskom Vostoke. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN; Kraft+, 2014. P. 392–399. (In Russ.).

2. Arutiunian A. E. Kurdskaia problema kak faktor destabilizatsii turetsko-siriiskikh otnoshenii [The Kurdish problem as a factor in the destabilization of Turkish Syrian relations] // Kurdy Zapadnoi Azii (XX – nachalo XXI v.): problemy kurdskogo samoopredeleniia: sb. statei. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2012. P. 100–117. (In Russ.).

3. Vertiaev K. V. Kurdskii vopros v politike Turtsii (konets XX – nachalo XXI veka) [The Kurdish Question in Turkey's Politics (late XXth – early XXIst century)]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2007. 252 p. (In Russ.).

4. Vertiaev K. V. Problema nezavisimosti Kurdistana — istochnik napriazhennosti v otnosheniiakh mezhdu Turtsiei i SShA [The problem of the independence of Kurdistan is a source of tension between Turkey and the United States] // Kurdy Zapadnoi Azii (XX – nachalo XXI v.): problemy kurdskogo samoopredeleniia: sb. statei. M.: Institut vostokovedeniia RAN, 2012. P. 118–140. (In Russ.).

5. Vershinina N. V. Kurdskaia problema v sovremennoi Turtsii [The Kurdish problem in modern Turkey] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiia. 2016. Vyp. 38. № 8 (229). P. 190–194. (In Russ.).

6. Gasratian M. A. Kurdskaia problema v Turtsii (1986–1995) [Kurdish problem in Turkey (1986–1995)]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2001. 240 p. (In Russ.).

7. Egorov V. K. Kurdskii faktor vo vneshnei politike Turtsii [Kurdish factor in Turkish foreign policy] // Kurdskii vopros v Zapadnoi Azii v nachale XXI v. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2006. P. 206–215. (In Russ.).

8. Zhigalina O. I. Evoliutsiia kurdskogo natsional'nogo dvizheniia v stranakh Zapadnoi Azii [The evolution of the Kurdish national movement in the event of a situation] // Gosudarstvo, obshchestvo, mezhdunarodnye otnosheniia na musul'manskom Vostoke. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN; Kraft+, 2014. P. 266–280. (In Russ.).

9. Konflikty na Vostoke: etnicheskie i konfessional'nye: ucheb. posobie dlia studentov vuzov [Conflicts in the East: Ethnic and confessional] / [L. B. Alaev i dr.]; pod red. A. D. Voskresenskogo. Moscow: Aspekt Press, 2008. 512 p. (In Russ.).

10. Kudriashova Iu. S. Regional'naia bezopasnost' Turtsii v kontekste kurdskoi problemy [Regional security of Turkey in the field of the Kurdish problem] // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2010. № 1 (10). P. 30–37. (In Russ.).

11. Mosaki N. Z. Kurdistan: resursy i politika. Ch. 1 [Kurdistan: resources and politics. Part 1]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2005. 352 p. (In Russ.).

12. Suleimanov R., Khikmetov K. Rol' «kurdskogo faktora» v popytke gosudarstvennogo perevorota 15 iiulia 2016 goda v Turtsii [The role of "Kurdish state consumption" in assessing the coup on July 15, 2016 in Turkey] // Rossiia i musul'manskii mir. 2017. № 3 (297). P. 84–96. (In Russ.).

13. Trofimtsova M. A. Kurdskii vopros v natsional'noi politike Turtsii na sovremennom etape [The Kurdish question in the national policy of Turkey to the private community] // Dostizheniia vuzovskoi nauki. 2016. № 21. P. 32–36. (In Russ.).

14. Turtsiia. Dogovory. Sevrskii mirnyi dogovor i akty, podpisannye v Lozanne: polnyi per. s fr. [Turkey. Contracts. Treaty of Sevres and acts signed in Lausanne] / pod red. Iu. V. Kliuchnikova i A. V. Sabanina; vstup. st. Iu. V. Kliuchnikova. Moscow: Litizdat NKID, 1927. LIV, 303 p. (Itogi imperialisticheskoi voiny. Seriia mirnykh dogovorov / pod red. Iu. V. Kliuchnikova i A. V. Sabanina; 5). (In Russ.).

15. Frolov A. V. Turtsiia – Siriia: metamorfozy blizhnevostochnoi politiki [Turkey – Syria: metamorphoses of the Middle East policy] // Russia and the Muslim world. 2016. № 2 (284). P. 85–101. (In Russ.).

УДК 93/94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.11

Синин Евгений Юрьевич

аспирант
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
e.sinin@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1444-5217

РЕЦЕНЗИЯ НА: Юрий Жуков. Григорий Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции: монография. М.: Концептуал, 2021. 560 с.

UDC 93/94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.11

Sinin Evgeniy Yu.

Postgraduate student
Moscow City University
Moscow, Russia
e.sinin@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1444-5217

REVIEW OF THE MONOGRAPH: Yuri Zhukov. Grigori Zinoviev. The rejected leader of the world revolution. M.: Kontseptual, 2021. 560 p.

Книга доктора исторических наук, старшего научного сотрудника ИРИ РАН Юрия Николаевича Жукова «Григорий Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции», вышедшая в 2021 г. в издательстве «Концептуал», заявлена в жанре политической биографии.

© Синин Е. Ю., 2023

Как и в предыдущих монографиях[1], Ю. Н. Жуков предлагает вниманию читателя собственную, «сталинистскую»[2] историческую концепцию, сводящуюся к отказу Сталина от провозглашенной марксизмом идеи мировой революции.

Интерес Юрия Николаевича к фигуре Зиновьева возник из сравнения историографии Великой Французской революции и Октября[3]. Во Франции любой человек ответит, кто такие Марат, Робеспьер и Сен-Жюст, несмотря на их не самую благую судьбу. В России же ситуация иная: про В. И. Ленина и И. В. Сталина до сих пор не вышло всеобъемлющего труда, а обширные публикации о Л. Д. Троцком спонсируют американцы[4]. О Г. Е. Зиновьеве же «у нас вообще ничего ровным счетом нету»[5]. Стремление заполнить указанную историографическую лакуну и сподвигло Юрия Николаевича к написанию рецензируемой работы[6].

Первые попытки написания биографии Г. Е. Зиновьева были предприняты еще в 1920-е гг. Однако это были не научные публикации, а выдержанные в патетических тонах официальные жизнеописания для словарей и популярных брошюр. Так, в статье Б. Богдана о Зиновьеве писалось так: «один из ближайших сотрудников и учеников тов. Ленина», — а о его октябрьских разногласиях с Ильичом вовсе не упоминалось[7]. В работе же Б. М. Волина о Зиновьеве сказано: «Его деятельное участие в международном рабочем движении подготовило ему важнейшую историческую роль»[8]. После утраты Григорием Евсеевичем политических позиций, а тем более после его расстрела в 1936 г., сама возможность написания его биографии отсутствовала. «Краткий курс истории ВКП (б)» надолго сделал официальными характеристиками Зиновьева слова вроде «капитулянт», «оппортунист» и «враг народа»[9].

Написать же научную биографию Г. Е. Зиновьева первым взялся в 1989 г. Н. А. Васецкий, посвятив ему брошюру и часть монографии о судьбах большевистских лидеров[10]. Достоинством этих работ было введение в научный оборот множества источников из личного фонда Зиновьева в Центральном партархиве (ныне — РГАСПИ), а также конкретизация биографических

---

1 *Жуков Ю. Н.* Иной Сталин. М., 2005. С. 45–46, 58, 68–70, 224–225, 230.

2 Определение взято в кавычки потому, что не каждый заявляющий себя сторонником идей И. В. Сталина деятель реально их разделяет на практике.

3 Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции // Концептуал ТВ [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=s2aiBfHsPMk (дата обращения: 23.01.2023).

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же.

7 Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. [Репринтное изд.]. М., 1989. С. 418–421.

8 *Волин Б.* 12 биографий. 3-е изд. М., 1924. С. 17.

9 История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП (б). М., 1938. С. 197, 201, 331.

10 *Васецкий Н. А.* Ликвидация: Сталин, Троцкий, Зиновьев: Фрагменты политических судеб. М., 1989. С. 125–191.

сведений о ранних годах жизни героя[11]. К сожалению, данные труды в силу своего формата не могли быть достаточно полными, к тому же Н. А. Васецкий далеко не всегда указывал сноски на привлекаемые документы. За последние 15 лет были защищены две кандидатские диссертации, посвященные отдельным аспектам деятельности Зиновьева: В. М. Вихрова (2011) — о его работе во главе Петрограда – Ленинграда и В. И. Самоходкина (2017) — о его деятельности во время революции 1917 г.[12] Круг источников в этих трудах был куда шире, нежели в работах Н. А. Васецкого, но в них не ставилась задача охватить всю биографию Зиновьева.

Вышедшую в 2021 г. монографию Ю. Н. Жукова, над которой он начал работу еще в 2016–2017 гг.[13], можно считать первой попыткой написания полной биографии Зиновьева. Из самого названия работы следует, что Жуков в рамках своей общей исторической концепции связывает судьбу героя с крахом теории и практики мировой революции, констатируя, что «Советский Союз отвернулся не от коммунизма, а от мировой революции». Считая Зиновьева ближайшим соратником Ленина и апологетом идеи мировой коммунистической революции, автор монографии полагает закономерным его политический крах, последний этап которого приходится на период большой чистки, убравшей «с вершины власти всех противников сталинских политических реформ» (с. 552).

Зиновьев показан Жуковым как искушенный в политических интригах деятель (с. 193, 212, 253, 340, 359), который в своих попытках занять высшие посты в стране упустил момент, когда марксизм перестал соответствовать нуждам развития России. В этом плане расхождение Зиновьева со Сталиным видится автору концептуальным противостоянием идей мировой революции и красной империи. Авторская характеристика Григория Евсеевича не лишена противоречивости: с одной стороны, Зиновьев представлен не лишенным хитрости и проницательности романтиком и стражем единства партии, а с другой стороны, показан слабохарактерным властолюбцем и любителем «покаяться» перед партией даже перед лицом смерти (с. 82, 129, 228, 247, 274, 319, 365–366, 540). Личную же судьбу Зиновьева автор монографии считает трагичной, поскольку он только в последний миг своей жизни стал «осознавать правоту Сталина» (с. 548–550).

Автор показал искреннюю веру Зиновьева в партию и в превосходство ее интересов над его собственными, его самоидентификацию с делом партии, неприятие им идеи организованной борьбы против партии, а также наличие

---

[11] *Васецкий Н. А.* Г. Е. Зиновьев: страницы политической биографии. М., 1989. С. 6–7, 32, 39.

[12] *Вихров В. М.* Коммунистический лидер Г. Е. Зиновьев во главе Петрограда – Ленинграда (конец 1917 г. – начало 1926 г): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 227 с.; *Самоходкин В. Н.* Политическая и государственная деятельность Г. Е. Зиновьева в ходе Великой Российской революции: 1917 – март 1918: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2017. 264 с.

[13] Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции // Концептуал ТВ [Электронный ресурс]: URL: https://www.youtube.com/watch?v=s2aiBfHsPMk&t=1204s (дата обращения: 02.09.2022).

личностно-политических проблем после трех исключений из рядов ВКП (б) (с. 228, 278, 315, 388, 419–420). Можно согласиться с утверждением Ю. Н. Жукова, что «по Зиновьеву выходило, что монополия РКП на власть только и позволяет осуществлять диктатуру пролетариата, отказаться от которой невозможно ради верности марксизму» (с. 283). Данная мысль была напрямую выражена самим Зиновьевым: «Диктатура пролетариата невозможна без диктатуры его авангарда, т. е. без диктатуры пролетарской партии <…> Можно ли выразиться яснее? “Да, диктатура одной партии”. Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем»[14]. Можно также согласиться с тем, что доведенный мытарствами до полного падения Зиновьев не был причастен к инкриминируемым ему на Московском процессе 1936 г. преступлениям (с. 539). Эту точку зрения разделяет и Ж. В. Артамонова[15].

Несомненным плюсом монографии является комплексное рассмотрение автором деятельности Зиновьева между исключением из партийного руководства в 1927 г. и арестом по делу С. М. Кирова в 1934 г. В предшествующих работах данный вопрос практически не рассматривался, а ведь это чрезвычайно важно для понимания механизмов политической и нравственной деградации многих из прекративших борьбу против Сталина оппозиционеров, в числе которых был Зиновьев. Ю. Н. Жукову удалось показать противоречивость политической мысли Зиновьева в эти годы: тот искренне признавал невозможность оппозиционной работы при диктатуре пролетариата, указывал на прогрессивность сталинского «левого поворота», глубоко анализировал влияние затяжки мировой революции на судьбу СССР, но вместе с этим горячо желал вернуться в высокую политику, доказать свою верность генсеку и продвинуть собственные идеи даже в противовес официальным (с. 419–420, 422, 424, 429, 434–435, 440–444, 464–465, 504). Внимания заслуживает также рассмотрение Юрием Николаевичем работы Зиновьева ректором Казанского университета, сведения о которой часто фигурируют на разных исторических ресурсах[16]. Автором на основе впервые введенных в научный оборот документов показано, что после вынесения постановления Политбюро об отправке Зиновьева в Казань, Григорий Евсеевич сделал все, чтобы этого не допустить (с. 442). В итоге Зиновьев достиг своей цели и в 1931 г. был назначен в Наркомпрос РСФСР, так и не выехав в Казань из-за плохого состояния здоровья, отпусков и выполнения порученной пропагандистской работы (с. 442–445).

Безусловным достоинством монографии Ю. Н. Жукова является введение в научный оборот большого количества архивных материалов, в первую очередь документов из фондов Политбюро ЦК КПСС и Г. Е. Зиновьева, хранящихся

---

[14] *Зиновьев Г. Е.* Ленинизм: введение в изучение ленинизма. Л., 1925. С. 359–361.

[15] См.: *Артамонова Ж. В.* Московский открытый процесс 1936 г.: механизм организации и политико-идеологическое обеспечение: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 226 с.

[16] См.: Григорий Евсеевич Зиновьев [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_z/zinovev_orlov.php (дата обращения: 02.09.2022).

в РГАСПИ[17]. Для исследования Ю. Н. Жуковым привлекались также периодика (газеты «Правда», «Известия», «Ленинградская правда» и др. (с. 21, 39, 47, 84–87, 224–226, 311, 439, 461)), источники личного происхождения (сборники переписки советских руководителей, мемуарные свидетельства (с. 16, 49, 307, 351–352, 357, 424, 478, 522)), историко-партийные документы (отчеты и стенограммы съездов, сочинения Ленина, Зиновьева, Сталина, Троцкого и др. (с. 12–13, 15, 30, 85, 113, 148–153, 282–286, 328–330, 382–385, 400, 470–472)).

Еще одним достоинством работы является выбранная автором модель изложения материала. Практически каждая глава предваряется кратким изложением общей обстановки в стране и мире, что помогает неподготовленному читателю лучше соотнести события биографии героя и его изменения в политических взглядах с внешними событиями. Монография Ю. Н. Жукова является весомым вкладом как в изучение биографии Зиновьева в частности, так и в дискуссию вокруг внутрипартийной борьбы в целом.

В то же время в монографии Ю. Н. Жукова имеются и некоторые недостатки. Во-первых, вызывает вопросы используемая им общая концепция, заключающаяся в делении большевиков на государственников-сталинцев и радикалов-оппозиционеров, с обелением первых и очернением вторых. На наш взгляд, более верна позиция исследователя истории внутрипартийной борьбы в ВКП (б) В. Сарабеева[18], утверждающего, что Сталин не отрекался формально от идей мировой революции, а лидеры оппозиции никогда не предлагали отбросить в сторону государственные интересы СССР и выступали за строительство основ социализма в нем[19]. Да и приведенные самим Ю. Н. Жуковым факты показывают, что разжигала борьбу не столько оппозиция, сколько сторонники большинства, нарушая административными мерами устоявшиеся внутрипартийные нормы и преследуя меньшинство (с. 330–331).

В рамках своей исторической концепции Жуков обвиняет идею мировой революции во всех бедах. Так, комментируя речь Зиновьева на митинге 13 марта 1919 г. в Народном доме, Юрий Николаевич указал, что предложенные оратором меры осуществлялись «не благодаря победе мировой революции, а всего лишь восстановлением народного хозяйства» (с. 97). К сожалению, доказательств своего тезиса автор не привел. Высказанное Ю. Н. Жуковым предположение выглядит попыткой крайне спорного противопоставления хозяйственной политики и теории мировой революции, осуществляемого большевиками. Деструктивность сторонников мировой революции Ю. Н. Жуков пытается доказать наличием проблем, которые были «неведомыми для большевистского руководства, как тактика и стратегия — необходимость восстановления промышленности» (с. 147). Почему им была неведома необходимость восстановления промышленности, автор монографии не объясняет. Более того, позиция самих радикалов-оппозиционеров (Н. И. Бухарина, Л. Д. Троцкого

---

[17] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, 324.

[18] *Сарабеев В.* Троцкий, Сталин, коммунизм. СПб., 2021.

[19] Там же. С. 110–111, 114–115, 165–167, 348–351.

и др.) в 1919–1920 гг. свидетельствует об обратном. Они говорили о необходимости восстановления промышленности, а также предлагали конкретные проекты для достижения этих целей с привлечением профсоюзов, трудовых армий и т. п.[20] Говорил в 1920 г. об использовании профсоюзов «в воссоздании подорванных войной и всем современным кризисом производственных сил страны» и Зиновьев[21]. Учитывая то, что радикалы-оппозиционеры прямо опровергают «неведомость» проблемы со своей стороны, появление в книге данного утверждения Ю. Н. Жукова трудно чем-либо объяснить.

Необходимость «опровержения» идеи мировой революции порой приводит автора к избирательному прочтению фактов. Комментируя составленные в сентябре 1923 г. Зиновьевым и одобренные ЦК тезисы о германской революции[22], Ю. Н. Жуков, не опровергая сами тезисы, пишет: «Своими тезисами Зиновьев лишний раз подтвердил: он как был, так и остался… только одним из лучших пропагандистов, агитаторов, публицистов партии. Не более того. Так и не сумел вырасти ни в теоретика, ни в политика. Продолжал пользоваться недостоверной информацией, а не проверенной, объективной. Не строил на ее анализе верные прогнозы предстоящих событий» (с. 255). «Достоверной» информации и «верных» прогнозов в обоснование своего заявления Жуков не привел, лишь указал на провал революции в Германии. Подобные прогнозы задним числом не выглядят сильным местом в исторической концепции автора. Выдвигаемые же другими партийными лидерами во время германских событий прогнозы, схожие с необоснованно критикуемыми в монографии, показывают беспочвенность радикального утверждения Ю. Н. Жукова. Например, защищаемый им как государственник и прагматик Сталин в то время солидаризировался с позицией Зиновьева: «Мне кажется, ясно, что основной вопрос, который стоит здесь перед нами, — это вопрос о существовании нашей федерации. Либо революция в Германии провалится и побьют нас, либо там революция удастся, все пойдет хорошо, и наше положение будет обеспечено. Другого выбора нет»[23]. Таким образом, опровержение идеи мировой революции и обвинение поддерживавшего ее Зиновьева во всех бедах не видятся сколько-либо убедительными. Интересно, что стремление Ю. Н. Жукова подставить факты под концепцию «плохие революционеры – прагматичный Сталин» нашло критику даже в стане либеральных исследователей, не разделяющих позитивное отношение к большевизму в принципе[24].

---

[20] *Войтиков С. С.* Профсоюзная дискуссия и внутрипартийная борьба в РКП (б) в 1919–1921 гг. // Российская история. 2016. №1. С. 49, 55; *Дэй Р.* Лев Троцкий и политика экономической изоляции. М., 2013. С. 121.

[21] *Зиновьев Г. Е.* Сочинения. Т. 6: Партия и профсоюзы. М.; Л., 1929. С. 330–331.

[22] Зиновьев указал на тесную связь германских событий с русским Октябрем и их потенциал для СССР, который в случае успеха получит мощное подспорье, а в случае поражения будет отброшен назад.

[23] Цит. по: *Капченко Н. И.* Политическая биография Сталина. Т. 1. 1879–1924. Тверь, 2006. С. 714.

[24] *Фельдман М. А.* Вдалеке от научности // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2016. № 3 (4). С. 57.

Во-вторых, автор почти не коснулся ряда важных эпизодов политической биографии Зиновьева. Так, дореволюционной деятельности героя посвящен лишь небольшой сюжет в книге (с. 6–13). В этой части автором перечислены общеизвестные факты биографии Зиновьева, а также рассказано его становление как ближайшего сотрудника и ученика Ленина. Для этой цели Ю. Н. Жуков привлек только материалы РГАСПИ и ряд ленинских документов; соответствующие же сочинения самого Зиновьева, а также существующая литература о дореволюционной деятельности героя использована не была.

К сожалению, практически не затронуты вниманием автора opus magnum Зиновьева — его книга «Ленинизм», а также важнейшая статья-манифест «Философия эпохи». Написанные к осени 1925 г., они излагали взгляды Зиновьева на теорию социализма в отдельно взятой стране, а также на опасность перерождения большевизма в условиях нэпа. Именно в этих работах Зиновьев высказал свое несогласие с возможностью построения полного социалистического общества без победы международной революции, сделал предупреждение об опасности перерождения советской власти в «устряловском» духе, определял нэп как «государственный капитализм в пролетарском государстве», указывал на взаимоотношение с массами крестьянства и укрепление социального равенства в обществе как решающие факторы успешного прохождения нэпа[25]. Несогласие с зиновьевским толкованием данных вопросов в этих работах фактически стало одной из главных причин атаки против Зиновьева со стороны Сталина. Это хорошо прослеживается по документам. Генсек еще в сентябре 1925 г. сообщал, что в своем кругу статью «Философия эпохи» они «разнесли», а также прямо критиковал зиновьевские идеи о равенстве[26]. Книгу «Ленинизм» Сталин с Бухариным вообще прочитали с карандашом в руках[27]. В. М. Молотов подтверждал критику «Философии эпохи» в сталинском кругу, а также считал «Ленинизм» не ленинской книгой[28].

Если бы Юрий Николаевич произвел бы более глубокий анализ этих зиновьевских работ, а также их известной критики, то от этого его монография только бы выиграла. Возникшая же в 1925 г. именно после вышеизложенных обстоятельств оппозиция Зиновьева сталинскому руководству представляется Ю. Н. Жуковым в монографии как простое повторение теории о мировой революции, непонимание героем экономики и следствие «ничем не мотивированных, необъяснимых» кадровых решений Политбюро (с. 304, 307). Согласно Ю. Н. Жукову, выходит, что из-за собственной некомпетентности Зиновьев просто затаил обиду на Сталина и решил припомнить ему все на XIV партсъезде (с. 308). Такое изложение событий выглядит весьма упрощенным.

---

[25] *Зиновьев Г. Е.* Ленинизм: введение в изучение ленинизма. Л., 1925. С. 219, 234–236, 293–307, 314–315; *Его же*. Философия эпохи. М.; Л., 1925. С. 12–13, 26.

[26] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 33. Л. 100; Д. 766. Л. 81.

[27] Там же. Оп. 2. Д. 62. Л. 1–406.

[28] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 183–184, 191.

Ряд мест в книге вызывает серьезные вопросы с фактологической точки зрения. Например, Ю. Н. Жуков позиционирует Зиновьева как «знатока мовы» (с. 138). Но ни в одной из анкет Григорий Евсеевич не упоминал о своем владении украинским языком, зато писал о знакомстве в той или иной степени с немецким, польским и французским языками[29]. Автор весьма противоречиво комментирует изложенные в разных местах книги логически связанные между собой факты. Так, Ю. Н. Жуков пишет о смысле речи Сталина перед секретарями уездных комитетов от 17 июня 1924 г. как направленной против Зиновьева (с. 298). В этой речи генсек критиковал термин «диктатура партии», разделяемый тогда героем монографии[30]. Однако следом Жуков отмечает, что, прочитав объемный ответ Зиновьева на эту критику, «Сталин… понял: он проиграл. И в чем? В знании работ Ленина, в понимании того, что отныне называли ленинизмом. Не дожидаясь решения “узкого” совещания, уже 19 августа подал в отставку» (с. 300).

Такое объяснение *непринятой* отставки Сталина выглядит несколько преувеличенным. К тому же имеются факты, опровергающие изложенную выше позицию Юрия Николаевича. В 1924 г. Сталин активно стремился толковать ленинизм, выпустил работу «Об основах ленинизма», желая вооружить новоприбывших в партию своей интерпретацией идей Ленина[31]. Уже это говорит о не самой большой вероятности осознанного ухода генсека в отставку из-за незнания им ленинизма. Маневр с критикой Зиновьева и последовавшим заявлением об отставке был обстоятельно затронут биографом Сталина Н. И. Капченко. Этим автором на значительно более широкой доказательной базе, чем в работе Ю. Н. Жукова, маневр Сталина показан как хорошо рассчитанный шаг в борьбе против оппонентов[32].

В свете этого противоречивой выглядит реплика автора о «странном, ничем не мотивированном, необъяснимом» решении Политбюро от 22 октября 1925 г., направленном на ослабление кадровых позиций Зиновьева в Ленинграде (с. 307). Несмотря на упоминание открытой политической борьбы между Сталиным и Зиновьевым и указание самого Ю. Н. Жукова на генсека как на автора идеи уменьшения влияния Зиновьева в Ленинграде, в монографии говорится о «странной бесцеремонности», которая «обидела очень многих», включая Зиновьева (с. 307–308). Исходя из такой логики может сложиться впечатление, что борьба Зиновьева со сталинским большинством была обусловлена больше личным, чем политическим моментом. Однако эта позиция не согласуется с приведенными ранее фактами, в том числе и из рецензируемой монографии.

Пожалуй, самым ярким примером крайне противоречивого обращения автора с историческим материалом является место, где он пишет о подготовке

---

[29] РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 94. Л. 2, 6.

[30] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 258.

[31] *Капченко Н. И.* Политическая биография Сталина. Т. 2. 1924–1939. Тверь, 2006. С. 55, 63–67.

[32] Там же. С. 75, 78–81.

суда над Зиновьевым в 1936 г. Длительное отсутствие оформленного решения Политбюро по организации судебного процесса автор объяснил тем, что Сталин нашел показания обвиняемых Е. Дрейцера и Р. Пикеля малоубедительными и смехотворными (с. 522). Обосновал это автор цитированием следующего мнения Сталина и Ворошилова: «нужно теперь НКВД взяться за чистку как следует» (с. 522)[33]. Причем был указан источник цитаты — письмо К. Е. Ворошилова генсеку от 9 августа 1936 г.

Если это письмо открыть, то можно увидеть: речь в нем идет о том, что нарком обороны сообщал генсеку о получении этих показаний. Отреагировал на них Ворошилов так: «какая мерзость, как могут низко опускаться люди», «нельзя с такого рода людишками иметь какое бы то ни было дело», «эту мразь, ядовитую и мерзкую, нужно уничтожить начисто»[34]. Как видно, Ворошилов считал показания двух обвиняемых отнюдь не смехотворными и вполне убедительными. Причем приведенные ворошиловские строки идут буквально сразу же перед процитированным Жуковым мнением о чистке НВКД. Представляется, что автор монографии их тоже видел, но по каким-то причинам решил не цитировать опровергающие его концепцию строки.

Фраза же про чистку НКВД проистекала в письме из реплики о том, что «этих Дрейцеров и Пикелей… мы проглядели»[35]. Таким образом, чистка НКВД предполагалась не из-за неубедительности показаний, а ровно наоборот. Стоит добавить, что Сталин за пару дней до этого спрашивал Ворошилова о показаниях и давал им серьезную оценку: «Читал показания Дрейцера и Пикеля? Как тебе нравятся буржуазные щенки из лагеря Троцкого – Мрачковского – Зиновьева – Каменева? Хотят “убрать” всех членов ПБ эти, мягко говоря, засранцы! Не смешно ли? До чего могут только пасть люди…»[36]. Видимо, отсюда Юрий Николаевич взял тезис о смехотворности и экстраполировал его на общую позицию Ворошилова и Сталина по этому вопросу.

Подобная экстраполяция может быть следствием применяемой Ю. Н. Жуковым концепция истории массовых репрессий 1936–1938 гг. Она сводится к тому, что принятием новой Конституции СССР в 1936 г. И. В. Сталин хотел демократизировать режим и отодвинуть от власти партию, партократы же этому воспротивились и вопреки генсеку раскрутили маховик репрессий, который лишь потом генсек смог остановить. Обо всем этом Юрий Николаевич пишет прямо[37]. Именно желанием подвести факты под концепцию можно объяснить появление в монографии пассажа о чистке, а также рассказа о противостоянии Сталина и партократов, указывавших на возможность использования новой конституции врагами Советской власти после июньского Пленума ЦК

---

[33] Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / сост.: А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. М., 1999. С. 344.

[34] Там же.

[35] Там же.

[36] Там же. С. 333.

[37] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 391.

в 1936 г. (с. 507–508). Ю. Н. Жуков констатирует, что именно после этого противостояния по инициативе Н. И. Ежова было возобновлено следствие по делу троцкистско-зиновьевского блока, а НКВД упорно добивался от подследственных нужных показаний (с. 508–509). Применительно к этому Ю. Н. Жуков и процитировал вышеприведенную нами цитату Сталина о смехотворности, посчитав, что она доказывает неверие генсека в полученные показания (с. 511).

Возможно, автор пытается представить Зиновьева жертвой амбиций партократов, которых приходилось усмирять Сталину. Этой цели могло служить упоминание Ю. Н. Жуковым (без подкрепления чем-либо) о наличии у Троцкого тысячи активных сторонников в СССР, позиция которых по Конституции должна была совпадать с позицией их лидера, находящегося в эмиграции и не обменивавшегося с конца 1932 г.[38] письмами со своими сторонниками; также Жуков упомянул о неких «радикалах», чье скрытое сопротивление новой Конституции непременно вытекало из преданности идеям мировой революции (с. 500–501, 521). Но данные об организации Первого Московского процесса (как и политических репрессий 1936–1938 гг. в целом) свидетельствуют о другом. Инициатива, сбор показаний и организация процесса исходили от генсека и его окружения, Сталин получал всю информацию о подготовке и ходе суда, организовывал и направлял политические репрессии, целью которых были как окончательная дискредитация самой идеи коммунистической оппозиции, так и нанесение удара по нелояльным элементам партаппарата[39].

Некоторая корреляция между неприятием сталинской Конституции и репрессиями все же обнаруживается, но не в пользу теории автора монографии. Исследователь Конституции 1936 г. Ольга Великанова, обобщив доступные ей архивные источники и предыдущую историографию, заключает, что не партократы своим сопротивлением начали резкий переход от демократизации 1936 г. к репрессиям 1937 г., а Сталин, получив серьезный сигнал о недостижении обществом желаемой им степени однородности, а также видя в части партработников не слишком компетентных исполнителей и попросту потенциальных врагов, дал команду свернуть демократические конституционные начинания в пользу политики репрессий[40]. В развитии же своей концепции Ю. Н. Жуков противоречит сам себе, заявляя, что большая чистка убрала с вершины власти противников новой конституции, а поворот страны от мировой революции к коммунизму «Сталин начал с дела Зиновьева как символа победы пролетариата в Европе» (с. 552).

Хотелось бы отметить пару моментов, связанных с использованием Ю. Н. Жуковым историографии. В книге были обнаружены ссылки только на 13 монографий и статей (с. 16, 34, 63, 106, 124–125, 133, 196, 257, 301, 303, 521).

---

38 *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. М., 2012. С. 495.

39 *Сарабеев В.* Указ. соч. С. 321–344.

40 *Великанова О.* Конституция 1936 года и массовая политическая культура. М., 2021. С. 88–96, 305–311.

К сожалению, среди них нет ни одной публикации, посвященной непосредственно Г. Е. Зиновьеву. Ю. Н. Жуков не использовал материалы (или не сделал на них ссылок) упомянутых им же во введении исследований Н. А. Васецкого, В. М. Вихрова, В. И. Самоходкина. В монографии удалось найти ссылки только на три (!) вышедшие за последние двадцать лет работы по тематике истории внутрипартийной борьбы — два исследования С. С. Войтикова и на крайне дискуссионную[41] монографию В. А. Сахарова «Политическое завещание Ленина» (с. 106, 257, 303). Однако существует целый массив современных работ специалистов по истории внутрипартийной борьбы в ВКП (б) и биографиям вождей: А. В. Резника, Т. Н. Ракова, Н. И. Капченко, О. Г. Назарова, А. В. Шубина, В. Т. Логинова и т. д., на которые неоднократно ссылается автор данной рецензии в доказательство своей позиции. Юрий Николаевич, скорее всего, также знаком с некоторыми из упомянутых работ (например, с работами Логинова, о чем им было прямо сказано[42]), но по неизвестным причинам не считает нужным их цитировать или вступать с ними в дискуссию.

Несколько портят впечатление о книге технические моменты, вероятно, являющиеся плодом не самой тщательной корректуры в издательстве. Например, во введении указана работа о политической деятельности Зиновьева в ходе Великой Российской революции. Ее автором назван некто В. И. Самохвалов, однако его фамилия — Самоходкин (с. 5). Среди использованной литературы автор помещает книгу Ю. Рыбалко «Операция Х» (с. 521). Однако эту книгу написал Ю. Е. Рыбалкин[43]. Муж сестры Зиновьева, большевик С. М. Закс-Гладнев назван в книге Закс-Гладышевым (с. 192). Некоторые неудобства представляет внешний вид текста. Так, используемые автором цитаты Зиновьева (порою занимающие от четырех до шести страниц в тексте) не выделены ни особым шрифтом, ни отступами (с. 41–47, 232–235). Затруднительно ориентироваться и в оглавлении книги. Все 27 глав, выстроенные по хронологическому принципу, даны без указания их названия, только по нумерации. Такая структура затрудняет ориентацию читателя в книге. Упущением можно назвать отсутствие именного указателя, списка персоналий и сводного списка использованных источников и литературы. Если монография Ю. Н. Жукова будет переиздаваться, то желательно исправить эти технические недочеты.

Общее впечатление от монографии Ю. Н. Жукова яркое и неоднозначное. Нельзя не отметить стремления автора сформулировать цельную историческую концепцию и сказать новое слово в освещении жизни и деятельности Г. Е. Зиновьева. Отдельно отметим начало дискуссии о политических взглядах в 1927–1934 гг., а также опровержение ряда мифов, существующих в историографии и публицистике (работа Зиновьева в Казанском университете,

---

41 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. М., 2018. С. 800–811.

42 Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции [Электронный ресурс] // Концептуал ТВ. URL: https://www.youtube.com/watch?v=s2aiBfHsPMk (дата обращения: 02.09.2022).

43 См.: *Рыбалкин Ю. Е.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. 149 с.

прохождение им партийных чисток в конце 1920-х гг.). Однако работу все же нельзя назвать полноценной политической биографией. Автор уделял чрезмерное внимание сюжетам борьбы за власть на верхах, а трактовка политических шагов Зиновьева часто шла в ущерб фактам в качестве доказательства используемой Ю. Н. Жуковым исторической концепции «иного Сталина».

Проблемы, упомянутые в рецензии, показывают сохраняющуюся необходимость написания цельной политической биографии Зиновьева, а также формирования новой, более убедительной концепции, связанной с этапами его политической деятельности. В целом же рецензируемая монография Ю. Н. Жукова, несмотря на отмеченные недостатки, является еще одним важным шагом в изучении политической биографии Г. Е. Зиновьева.

Рецензия уже была написана, когда пришла печальная весть о смерти историка Ю. Н. Жукова (1938–2023). Выражаю глубокие соболезнования родным, близким и коллегам Юрия Николаевича.

Литература

1. Артамонова Ж. В. Московский открытый процесс 1936 г.: механизм организации и политико-идеологическое обеспечение: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 226 с.
2. Васецкий Н. А. Г. Е. Зиновьев: страницы политической биографии. М.: Знание, 1989. 64 с.
3. Васецкий Н. А. Ликвидация: Сталин, Троцкий, Зиновьев: Фрагменты политических судеб. М.: Московский рабочий, 1989. 204 с.
4. Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 351 с.
5. Вихров В. М. Коммунистический лидер Г. Е. Зиновьев во главе Петрограда – Ленинграда (конец 1917 г. – начало 1926 г.): дис. … канд. ист. наук. СПб., 2011. 227 с.
6. Войтиков С. С. Профсоюзная дискуссия и внутрипартийная борьба в РКП (б) в 1919–1921 гг. // Российская история. 2016. № 1. С. 44–66.
7. Волин Б. 12 биографий. 3-е изд. М.: Рабочая Москва, 1924. 67 с.
8. Дэй Р. Лев Троцкий и политика экономической изоляции. М.: Дело, 2013. 469 с.
9. Жуков Ю. Н. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2005. 512 с.
10. Капченко Н. И. Политическая биография Сталина. Т. 1. 1879–1924. Тверь: Северная корона, 2006. 734 с.
11. Капченко Н. И. Политическая биография Сталина. Т. 2. 1924–1939. Тверь: ИИЦ «Союз», 2006. 720 с.
12. Логинов В. Т. В. И. Ленин. Полная биография. М.: Родина, 2018. 928 с.
13. Самоходкин В. Н. Политическая и государственная деятельность Г. Е. Зиновьева в ходе Великой Российской революции: 1917 – март 1918 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2017. 264 с.
14. Сарабеев В. Троцкий, Сталин, коммунизм. СПб.: Питер, 2021. 528 с.
15. Фельдман М. А. Вдалеке от научности // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2016. № 3 (4). С. 54–58.
16. Чернявский Г. И. Лев Троцкий. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. 665 с.

References

1. Artamonova Zh. V. Moskovskii otkrytyi protsess 1936 g.: mekhanizm organizatsii i politiko-ideologicheskoe obespechenie [Moscow open process of 1936: the mechanism of organization and political and ideological support]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2011. 226 p. (In Russ.).

2. Vasetskii N. A. G. E. Zinov'ev: stranitsy politicheskoi biografii [G. E. Zinoviev: pages of political biography]. Moscow: Znanie, 1989. 64 p. (In Russ.).

3. Vasetskii N. A. Likvidatsiia: Stalin, Trotskii, Zinov'ev: Fragmenty politicheskikh sudeb [Liquidation: Stalin, Trotsky, Zinoviev: Fragments of political destinies]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1989. 204 p. (In Russ.).

4. Velikanova O. Konstitutsiia 1936 goda i massovaia politicheskaia kul'tura [Constitution of 1936 and mass political culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 351 p. (In Russ.).

5. Vikhrov V. M. Kommunisticheskii lider G. E. Zinov'ev vo glave Petrograda – Leningrada (konets 1917 g. – nachalo 1926 g.) [Communist leader G. E. Zinoviev at the head of Petrograd – Leningrad (late 1917 – early 1926)]: dis. … kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2011. 227 p. (In Russ.).

6. Voitikov S. S. Profsoiuznaia diskussiia i vnutripartiinaia bor'ba v RKP (b) v 1919–1921 gg. [Trade union discussion and inner-party struggle in the RCP(b) in 1919–1921] // Russian History. 2016. № 1. P. 44–66. (In Russ.).

7. Volin B. 12 biografii. 3-e izd [12 biographies. 3rd edition]. Moscow: Rabochaia Moskva, 1924. 67 p. (In Russ.).

8. Dei R. Lev Trotskii i politika ekonomicheskoi izoliatsii [Leon Trotsky and the politics of economic isolation]. Moscow: Delo, 2013. 469 p. (In Russ.).

9. Zhukov Iu. N. Inoi Stalin [Another Stalin]. Moscow: Vagrius, 2005. 512 p. (In Russ.).

10. Kapchenko N. I. Politicheskaia biografiia Stalina. T. 1. 1879–1924 [Political biography of Stalin. Vol. 1. 1879–1924]. Tver': Severnaia korona, 2006. 734 p. (In Russ.).

11. Kapchenko N. I. Politicheskaia biografiia Stalina. T. 2. 1924–1939 [Political biography of Stalin. Vol. 2. 1924–1939]. Tver': Informatsionno-izdatel'skii tsentr «Soiuz», 2006. 720 p. (In Russ.).

12. Loginov V. T. V. I. Lenin. Polnaia biografiia [V. I. Lenin. Full biography]. Moscow: Rodina, 2018. 928 p. (In Russ.)

13. Samokhodkin V. N. Politicheskaia i gosudarstvennaia deiatel'nost' G. E. Zinov'eva v khode Velikoi Rossiiskoi revoliutsii: 1917 – mart 1918 gg. [Political and state activities of G. E. Zinoviev during the Great Russian Revolution: 1917 – March 1918 gg.]: dis. … kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2017. 264 p. (In Russ.).

14. Sarabeev V. Trotskii, Stalin, kommunizm [Trotsky, Stalin, communism]. St. Petersburg: Piter, 2021. 528 p. (In Russ.).

15. Fel'dman M. A. Vdaleke ot nauchnosti [Far from scientific] // The New Historical Perspectives: from Baltica to Pacific Ocean. 2016. № 3 (4). P. 54–58. (In Russ.).

16. Cherniavskii G. I. Lev Trotskii. 2-e izd [Lev Trotsky. 2nd edition]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2012. 665 p. (In Russ.).

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Исторические науки», 2023, № 1 (49)

Authors of the MCU Journal of Historical Studies, 2023, № 1 (49)

Алексеев Константин Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук и дизайна, филиал Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина в г. Твери.

Alekseyev Konstantin A. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Design, The Kosygin Russian State University (Tver branch).

E-mail: alekseev.k@mail.ru

Арцуева Анна Саидовна — аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Artsueva Anna S. — postgraduate student at the Institute of History of Saint-Petersburg State University.

E-mail: st099004@student.spbu.ru

Виноградов Алексей Евгеньевич — кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Vinogradov Alexey Ye. — Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher.

E-mail: alwynor@mail.ru

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Ivanov Andrey A. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Modern History of Russia at the Institute of History of Saint-Petersburg State University.

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Исаков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Московского городского педагогического университета.

Isakov Vladimir A. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Global and Russian History of Moscow City University.

E-mail: Isakov-va@yandx.ru

Лобов Михаил Николаевич — аспирант Московского городского педагогического университета.

Lobov Mihail N. — Postgraduate student of Moscow City University.

E-mail: lob.mixail2013@yandex.ru

Рагимова Афат Фируддиновна — кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Московского городского педагогического университета.

Ragimova Afat F. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Global and Russian History of Moscow City University.

E-mail: ragimova.afa@mail.ru

Резанов Андрей Дмитриевич — аспирант Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова.

Rezanov Andrey D. — Postgraduate student of Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov.

E-mail: andreydmrezanov@yandex.ru

Синин Евгений Юрьевич — аспирант Московского городского педагогического университета.

Sinin Evgeniy Yu. — Postgraduate student of Moscow City University.
E-mail: e.sinin@yandex.ru

Худавердян Анаит Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения.

Khudaverdyan Anahit Yu. — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia.
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Чернов Александр Владимирович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Российского университета дружбы народов; доцент кафедры гуманитарных наук факультета экономики и управления Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе (chernov-alvl@rudn.ru)

Chernov Alexander V. — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Russian History, RUDN University; Associate Professor of the Department of Humanities, Faculty of Economics and Management, Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting
E-mail: chernov-alvl@rudn.ru

Чисталев Марк Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Chistalev Mark S. — Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Research Laboratory of the Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
E-mail: marcus7@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал **«Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». MCU Journal of Historical Studies** принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1 Отечественная история и 5.6.2 Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль шрифта — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисуночные подписи выполняются кеглем шрифта 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна
электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль шрифта — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и References, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы **не включаются** источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Исторические науки».

MCU Journal

of Historical Studies

2023, № 1 (49)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:
доктор исторических наук, профессор *И. В. Омельянчук*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*
Редактор:
И. Е. Посоха
Корректор:
К. М. Музамилова
Техническое редактирование и верстка:
Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.
Телефон: 8-499-181-50-36.
https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 19.04.2023.
Формат: 70 × 108 $^{1}/_{16}$. Бумага: офсетная.
Объем: 10,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.